

ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА

И. Яцен-Шорн

ЖЕНСКАЯ

ОДЕЖДА

НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ

(МАТЕРИАЛЫ К ЭТНОГЕНЕЗУ)

Чувашское государственное издательство

Чебоксары — 1960

Книга дает сравнительный анализ женской одежды народов Поволжья, рассматривая одежду как один из ключей к раскрытию этногенеза. Современная национальная одежда народов Поволжья сохраняет в себе следы древних культурных связей между этническими группами, из которых сформировались современные народности Поволжья. Покрой ее отражает две этнохозяйственные структуры: охотничье-земледельческую, связанную с лесными, финскими, племенами, и степную, скотоводческую, связанную с тюркскими племенными объединениями. Обе эти культурные среды сливались в мощном государственном образовании Булгарского царства.

Наиболее ярко элементы булгарской культуры сохранились в одежде срединной группы чуваш (аңат енчи). Доказательством этого служит тесная общность чувашской и бесермянской одежды. В течение последних пятисот лет бесермяне, обитающие в удмуртской среде, никаких связей с чувашами не имели, следовательно, создание культурной общности их может быть отыскано, с наибольшей вероятностью, в общих исторических ядрах — Булгарском государстве.

Сохранение в чувашской одежде и орнаментике булгарских элементов позволяет нам говорить о близости к ним дунайских болгар и македонцев. Общность эта имеется у всех народов Поволжья: македонские сокаи чрезвычайно похожи на марийские тюрики, болгарский головной убор XVII в. чрезвычайно напоминает мордовский. Эти параллели слишком многочисленны, чтобы быть случайными, — они указывают на древние историко-культурные связи предков современных народов Поволжья с предками дунайских болгар.

ОТ АВТОРА

Человек научился делать одежду, чтобы защитить свое тело от холода и повреждений. В примитивном, синкретическом сознании одежда представлялась как защита не только от видимых опасностей, но и как защита от невидимых, воображаемых бед. Изобретение одежды и ее дальнейшее развитие было творческим актом и, как всякий творческий акт, оно получало осмысление, соответствующее идеологии эпохи, его создавшей: человек понимал, зачем и почему он создавал ту или иную форму одежды. В дальнейшем же однажды созданная форма канонизировалась и могла жить, уже в силу традиции, с утратой первоначального понимания или его переосмыслением. В задачу исследователя, занятого происхождением одежды, входит стремление, по мере сил и возможностей, найти это первоначальное понимание и ответить на вопрос, почему возникла именно эта форма одежды в данной культуре.

Покрой одежды создавался в зависимости от приема, найденного в данной группе людей, для наиболее рационального и экономного использования ткани, которую научились делать,— покрой связан с шириной и качеством ткани.

Так называемые «украшения» одежды — вышивки, окраска, аппликации, узорное тканье — возникали не из стремления к красоте,— у человека было еще слишком мало сил и свободного времени, чтобы заниматься эстетикой,— они создавались как знаки, помогающие определить положение человека и его принадлежность к определенной родовой группе. Если бы украшения создавались из стремления к красоте, в них с самого начала допускались бы индивидуальные различия, но нам твердо известно, что индивидуальные узоры — очень поздняя вещь: вначале все члены группы обязаны были носить в орнаменте внаки своей группы, и эта традиция, очень устойчивая, сохраняла орнамент в течение многих столетий. «Украшения», т. е. отметка одежды, понимались как связь человека с его родовой группой: с ее видимой, живущей на земле частью, так как по этим знакам

можно узнать сородича и защитить его, в случае нужды; и невидимой частью рода, предками, так как эти знаки призовут их и послужат защитой от враждебных, чужих, невидимых сил.

Человек от холода закрывает жилище и запахивает одежду. По аналогии с этим он стремится укрыться и от невидимой опасности, как от видимой: шаман, зашаманивая жилище, особо останавливался на входных отверстиях, чтобы через них не вошли духи. Для защиты от нечистой силы, по христианским обрядам, окна и двери закрепщивались.

Одежда, как и жилище, служит человеку защитным покровом. На ней, естественно, тоже нужно охранить отверстия от враждебных невидимых сил, в полной аналогии с видимыми: надо сделать защитные знаки по краям и отверстиям. Поэтому у ворота, рукавов, по краю подола и по швам располагается цветная оторочка и вышивка: они служат отпугивающими и защищающими знаками.

История одежды — это язык вещей, рассказывающий о социальных отношениях и социальном сознании людей, ее носителей.

При рассмотрении одежды ученый может: 1) выяснить идеологию социальной среды, ее создавшей, и творческие процессы, которые позднее воспринимаются как стремление к эстетике: возникновение украшений вызывается не чистым исканием красоты, а стремлением выразить при помощи символики орнамента мысли людей. Анализ ученого должен раскрыть смысл знаков.

2) Может ученый проследить и изменения социальных и хозяйственных отношений в среде носителей одежды. Язык одежды укажет на процессы этногенеза, на сложение народа из различных племенных групп. Производственные и социальные отношения отражаются преимущественно в материале и покрое одежды.

Исследование одежды народов Поволжья представляет с этой стороны большой интерес, так как в Поволжье бытуют, в тесном соседстве и несомненно многовековых связях, многочисленные народности с выкристаллизовавшейся национальной культурой. Сравнительное изучение их одежды поможет осветить многое в исторических процессах не только самого Поволжья, но всей Восточной Европы, потому что Волга — древний торговый путь и район древних торговых государств — Половецкого, Хазарского, Булгарского и Казанского ханств. Это не могло не наложить отпечатка на культуру обитавших по Волге племен, создавая элементы общности и связывая их с народами, живущими далеко от Поволжья.

Рассматривая одежду как памятник исторических процессов, следует особо обратить внимание на женскую одежду, так как мужская одежда обычно легче нивелируется и теряет национальные особен-

ности, женская же сохраняет дольше и яснее следы древних напластований. В женской одежде для вопроса этногенеза важнее всего остановиться на натальной одежде и головных уборах, потому что они лучше всего хранят традицию и тем самым дают нам возможность установить исторические процессы. Моменты идеологии обычно отстают от производственных отношений, поэтому в расположении вышивок часто сохраняются формы уже ушедшего покрова, и по их расположению можно восстановить изменения формы одежды. Данная работа рассматривает одежду как материал к этногенезу народов Поволжья; исходя из изложенных выше положений, в ней следует остановиться на натальной женской одежде, рассматривая вышивку и украшения как ее составную часть.

О национальной одежде отдельных народностей Поволжья имеется довольно значительная литература, содержащая детальные и подробные ее описания. Но это — описания национальной одежды такой, как она оформилась у существующих в настоящее время национальностей: чуваш, удмуртов, мари, татар, мордвы. Они не дают сравнительного изучения форм одежды у всех народностей Поволжья и тем самым служат лишь материалом, но отнюдь не ключом, при помощи которого можно открыть прошлое. Обилие материалов по одежде требует дать наконец сводку, чтобы сделать общие выводы. Попыткой сделать эти выводы и является настоящая работа.

Прежде чем приступить к исследованию, необходимо определить район, к которому оно относится, и указать источники, которыми пользовался автор. Под термином Поволжье здесь понимается географический район, охватывающий не только Волгу, но и бассейны рек Камы, Вятки, Чепцы на севере, Оки, Десны и Цны на западе и башкирское Заволжье на востоке. Постараемся показать на материале одежды, что этот район объединен общими и очень старыми культурными традициями.

Материалами для данной работы послужили: 1) Личные наблюдения и записи автора: а) во время экспедиций в 1926—28 гг. в Чувашской АССР; в 1928 г. в районах русской мещеры (бывший Спасский уезд Тамбовской губернии и Спасский уезд Пензенской губернии, по административному делению того времени), — проведенные в экспедициях ГАИМК'а; б) поездки по Мордовской АССР в 1934 г. (от Института истории мордовской культуры).

2) Изучение коллекций по одежде в Государственном музее этнографии народов СССР (ГМЭ) и Музее антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде (МАЭ), в бывшем Музее народоведения в Москве, а также в ряде музеев — в городах Саранске, Казани, Саратове и Чебоксарах.

3) Литературные данные, относящиеся к одежде народов Поволжья.

Не останавливаясь на историографии изучения одежды, отметим, что обилие работ, необходимость их сводки и общей классификации одежды позволяют построить работу дедуктивно, избегая повторений всем известных по литературе описаний и приводя описание лишь как иллюстрации к мыслям автора, сложившимся в определенную концепцию в результате длительного изучения материала.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

ТИПЫ ЖЕНСКОЙ РУБАШКИ

Наиболее существенной частью женского костюма всех народностей Поволжья является рубашка, служащая не только нательным, но и выходным платьем.

Женские рубашки всех народностей Поволжья имеют один общий признак, который Б. А. Куфтин назвал «туникообразным покроем» рубашки¹. Его отличие в том, что полотнища, из которых шьют одежду, не имеют шва на плечах. Б. А. Куфтин разделяет туникообразный покрой на два подтипа: 1) с двумя полотнищами из цельных точек холста, перекинутых через плечи и сшитых посередине; 2) с одним основным полотнищем — точей холста, перекинутой со спины на грудь. В ней делается вырез для ворота; к этой центральной точке пришиваются рукава с ластовицами и под ними боковые точки.

Если брать рубашку в распластанном виде, как это делал Б. А. Куфтин, давая свою классификацию, различие будет, на первый взгляд, не так значительно, и эти два приема рационального использования ширины ткани, действительно, можно считать двумя подтипами одного основного типа.

Но один признак туникообразности не может помочь в изучении истории одежды: туникообразная одежда существовала в Риме и Византии, туникообразный покрой существует в японских кимоно, в одежде айнов, гияков и т. д. Это — естественно приходящий в голову способ кроить одежду, экономно используя всю ширину ткани, созданной на примитивном станке.

Классификацию для истории одежды следует установить, взяв покрой не в распластанном виде, а в сочетании со способом ношения и связанными с ним украшениями: только при таком рассмотрении станет понятен смысл развития одежды на данном историческом отрезке времени, ее связь с условиями жизни и культурной традицией населения.

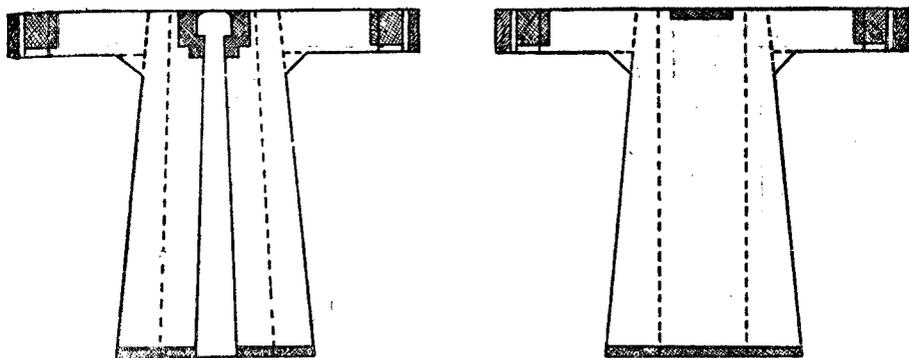
¹ Б. А. Куфтин. Материальная культура русской мещеры, ч. I. «Труды Государственного музея ЦПО», вып. 3, М., 1926.

Рис. 1. Женская рубашка мордвы-эрзи. XVIII в.
МАЭ, колл. № 766 П. С. Палласа. Фото А. В. Маторина.

Рассматривая рубашки Поволжья с этой точки зрения, мы обнаружим следующие типы.

Первый, судя по всем данным, более древний для Поволжья тип (первый подтип по классификации Б. А. Куфтина) сохранился в чистом виде лишь у мордвы-эрзи. Остатки его видны в расположении украшений всех мордовских рубашек, как эрзянских, так и мокшанских. Он представляет собой следующее: два полотнища перекинута через плечи так, что швы, их соединяющие, приходятся посередине спины и груди и по бокам одежды. Вся рубашка образует ровный

Рубашка мордвы-эрзи (по Heikel, y). Чертеж № 1.

четырёхугольник, не расширяющийся книзу, в верхней части которого под прямыми углами, вшиты рукава с ластовицами.

Такова отмеченная Б. А. Куфтиным рубашка мордвы-эрзи Тамбовской губ.² и рубашка нижегородской мордвы из коллекции Палласа, относящаяся к XVIII в. и описанная в статье Т. А. Крюковой³. (См. рис. 1).

Такая же рубашка у мордвы-эрзи, по нашим наблюдениям, еще бытовала в Качуровском районе, Мордовской АССР, в 1934 г. Она приведена у Гейкеля для многих районов, заселенных мордвой-эрзей⁴. (См. чертеж № 1).

Кроме двух основных полотнищ, она имеет следующие характерные особенности:

1) Ворот⁵, хранящий очертание двух не до конца сшитых полотнищ, образующих спереди, на груди, продолговатое отверстие, которое суживается книзу, где сшиты полотнища, и расходится вверх, облекая шею.

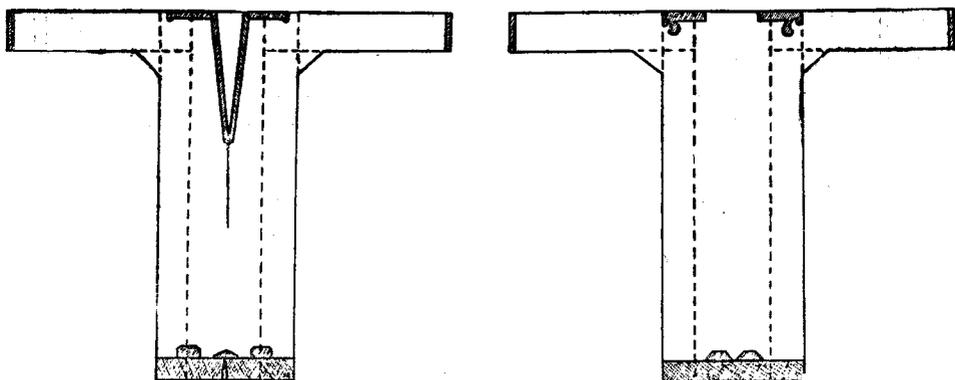
2) Скрепление грудного разреза застежкой. Это объясняется тем, что когда-то оба плечевые полотнища не были сшиты, одежда являлась распашной, за что говорит и сохранившийся как раз по переднему шву, наиболее развитой орнамент у разреза на подоле, спереди, по линии шва.

² Б. А. Куфтин. Материальная культура русской мещеры, стр. 23.

³ Т. А. Крюкова. Коллекция П. С. Палласа по народам Поволжья. «Сборник МАЭ». Л., 1949, т. XII.

⁴ А. О. Heikel. Trachten und Muster der Mordvinen... Ethnographische Forschungen auf dem Gebiete der Finnischen Völkerschaften, Helsingfors, 1899, t. CXLVIII.

⁵ Под воротом здесь подразумевается шейный вырез и грудной разрез.

Рубашка мордвы-мокши (по Heikel, y). Чертеж № 2.

3) И, наконец, ношение рубашки, высоко подобранной поясом так, что ноги женщины остаются до колен открытыми. Ноги всегда при этом обуты и обмотаны очень толстыми онучами, придающими им форму ровных обрубков. Подбирается рубашка поясом, плотно и низко подпоясываемым, так, что над ним образуется напуск, пазуха, что особенно резко видно на мокшанской рубахе.

Высоко подобранная поясом рубаха и толсто замотанные ноги были вполне рациональны и удобны для лесной полосы, для жизни в лесах, где важны и свобода движения и защита ноги.

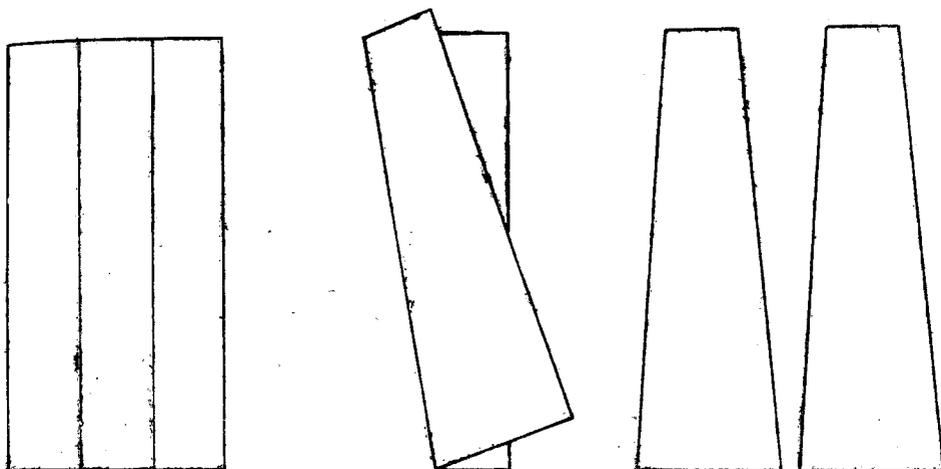
Пояс, необходимый при земледельческих работах и при собирательстве в лесу, в сознании его носителей становился племенным отличием: «беспоясые бусурмане», кочевники, противопоставались носящим пояс земледельцам. О значении пояса и поясных украшений уже писалось в целом ряде работ⁶. Ниже мы остановимся на них подробнее.

Вышеописанному типу рубашки противопоставляется в Поволжье 2-й тип (См. чертеж № 2). Особенности второго типа следующие:

1) Основным является одно полотнище, точка холста, перекинутое через спину и грудь, с вырезом по овалу шеи и прямым грудным разрезом по самой середине груди, симметрично в середине точки. К основному полотнищу пришиваются под прямым углом рукава с ластовицами и боковые полотнища, обязательно расширяющиеся книзу. Это расширение достигается либо добавкой к прямому, во всю точку,

⁶ Н. П. Гринкова. Очерки по истории русской одежды, поясные украшения. «Советская этнография», 1934, № 1—2.

Н. И. Гаген-Торн. К методике изучения одежды. «Советская этнография», 1933, № 3—4.

Крой боковых клиньев рубахи. Чертеж № 3.

боковому полотнищу дополнительных клиньев, либо тем, что точка, идущая на боковое полотнище, перекраивается следующим образом: она складывается по диагональному разрезу, широкая с широкой, а узкая с узкой стороной. Узкая часть идет к рукавам, широкая образует подол (см. чертеж № 3). Необходимость расширения подола объясняется условиями жизни скотоводов-кочевников, где и женщины салятся верхом на коня.

2) Устройство ворота (т. е. шейного выреза и грудного разреза) рубашки этого типа резко отличается от 1-го типа. Шейный вырез сделан вплотную по шее, в старых формах не имеет никакой обшивки. Грудной разрез идет прямо по середине грудной части рубашки, лишен всякой подполки и оставляет открытую щель. За этой щелью рубашки, чтобы прикрыть грудь женщины, носится особая часть одежды — нагрудник. Никакой застежки-пряжки с рубашкой данного типа не носится. Завязывается рубашка около шейного выреза тесемками или завязками. Эта рубашка, в старых формах, носится с особым ожерельем, облегающим шею и представляющим род отрезного воротника — оплечья.

3) Рубашка этого типа закрывает голени женщины и носится или вовсе без пояса (у татар и башкир), или с поясом, не подбирающим рубашку и не образующим пазуху (у чуваш).

Рубашка 2 типа встречается у многих народов Поволжья, и мы можем легко проследить ее эволюцию. В XVIII веке она была белой, холщовой, с оттенением красным цветом продольных швов и вышив-

кой по вороту, рукавам и подолу; такой мы застаем ее к началу XX века только у чуваш анат енчи (средненизовых). В течение XIX века происходит у ряда этнических групп замена белой холщовой рубашки 2-го типа пестрядинной рубашкой, вначале сохраняющей вышивку, но постепенно заменяющей их нашивками из кумача. Это— процесс общий для низовых чуваш, мари, удмуртов, бесермян, крышен, мешеряков и даже некоторых групп мордвы. Пока употреблялись красители собственного изготовления, окраска ниток на ткань одежды была достаточно сложным процессом, и холст оставляли белым. Белый холст легко грязнится, и как только проникают покупные краски и слабеет непоколебимость старины, начинается окрашивание нитей. Широко распространяется ношение рубашки из тканной в синюю или красную клеточку пестряди, носящей название «алача» (у татар, башкир, мари, удмуртов) или «улача» (у чуваш). Материалы дают возможность проследить смену белой рубашки пестрядинной у разных народов Поволжья, а также постепенное изменение ее украшений.

Пестрядинная рубашка — наиболее позднее общее явление в национальной женской одежде у всех народов Поволжья.

Более ранним, тоже общим для всего Поволжья, процессом является скрещение рубашек 1 и 2 типов, варианты которого мы можем наблюдать у разных народностей. Постараемся проследить эти процессы у отдельных народов.

МОРДОВСКАЯ РУБАШКА (ПАНАР, ЩАМ)

Наиболее ярко покрой древней рубашки 1-го типа сохранился в рубашке мордвы-эрзи. Эта рубашка бытовала в Мордовской АССР вплоть до предвоенных лет, сохранив все свои особенности.

В старых образцах она имеет два перекинутых через плечи полотнища, соединенных швами: по бокам, сзади и спереди. Ворот, плечи, рукава от плеча до кисти вышиты черной, красной и синей шерстью. Шерстью вышиты продольные полосы, от плеч до подола. Число и расположение вышивок варьирует от двух до шести полос в разных районах. Остается неизменной вышивка, идущая от грудного разреза ворота до подола, сплошь покрывая передний шов и переходя в орнаментированный нижний разрез на подоле. Правильнее, пожалуй, говорить не о разрезе внизу, а о том, что в старинных рубашках две основные точки оставались внизу несшитыми. Место, где они расходятся, отмечалось наиболее богатой и развитой вышивкой. Такая рубашка имеется в коллекции XVIII в., привезенной П. С. Палласом и

Рис. 2. Мордовская женщина (фиг. 1, 2) и девушка (фиг. 3). XVIII в.
По книге П. С. Палласа. Фото А. В. Маторина.

хранящейся в МАЭ. Коллекция описана Т. А. Крюковой⁷ (см. рис.1) и приведена в таблицах у А. О. Гейкеля⁸. На изображении мордовки, в книге П. С. Палласа⁹ (см. рис. 2), мы видим такую рубашку с большой пазухой. Рубашка застегнута на груди пряжкой-фибулой — «сюльгамом». Подробное описание этой рубашки дано Т. А. Крюковой, следует лишь пристальнее обратить внимание на устройство ее ворота. Он представляет собой просто щель вдоль двух полотнищ, не сшитых вверху у плечей. Ложась вокруг шеи, отверстие естественно принимает форму треугольника, опущенного книзу вершиной. На груди разрез скреплен пряжкой. Вдоль разреза идет вышивка, которая продолжается по шву до самого низа, где полотнища опять не сши-

⁷ Т. А. Крюкова. Коллекция П. С. Палласа по народам Поволжья. «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XXII, М.—Л., 1949.

⁸ А. О. Heikel. Trachten und Muster der Mordvinen, t. CXLVIII.

⁹ П. С. Паллас. Путешествие по различным провинциям Российского государства, СПб., 1789.

ваются и вышивка разделяется по разрезу. Такая композиция вышивки и устройство ворота заставляют предполагать, что в древности два полотнища совсем не сшивались спереди и нательная одежда мордвы, быть может, была распашной, как это сохранилось в верхней женской одежде. Нательная одежда скреплялась пряжкой на груди и поясом. Когда она стала сшиваться, вышивка и разрез внизу сохранили древнюю композицию ворота. Некоторое усовершенствование ворота создало подгибание уголков разреза у шеи так, что ворот получил форму треугольника, опущенного вниз вершиной. Таковы рубашки мордвы-эрзи, бытовавшие в течение XIX в. в самых различных районах. Они имеются в коллекциях Музея антропологии и этнографии АН СССР для саратовской мордвы (село Телятниково, Хвалынского уезда, колл. № 1280-1), самарской эрзи Бузулукского уезда (МАЭ, колл. № 1040-6, рис. 3), для нижегородской мордвы (коллекция 1312-1); их многочисленные изображения даны Гейкелем¹⁰. В более новых экземплярах у мордвы-эрзи покрой изменяется, но расположение вышивки остается органически связанным с описанным выше покроем: вместо двух полотнищ, со швом посередине, начинают кроить рубашку из одного основного полотнища, образующего грудь и спину, пришивают к нему рукава и боковые полотнища. В этом основном полотнище вырезают ворот треугольником, так, как он, совершенно органически, получался при крое из двух полотнищ. Центральная вышивка продолжает идти от ворота до подола, как бы имитируя не существующий здесь больше шов и соединяя ворот с разрезом на подоле. Разрез на подоле еще бытует некоторое время, а потом остается только вышивка, изображающая этот разрез. Этот этап отчетливо виден на рубашках мордвы-мокши (см. таб. 1, рис. 2). У мордвы-мокши рубашки с покроем из двух основных полотнищ отсутствуют; они кроются из одного основного полотнища, в котором вырезан треугольный или трапециевидный ворот, а внизу сделан прорез. Он вызывается не потребностью расширить шаг, а является постепенно отмирающим рудиментом древней традиции. На это указывают материалы Н. И. Спрыгиной по одежде мордвы-мокши Краснослободского (бывш. Темниковского) уезда. Н. И. Спрыгина в 20-х годах XX в. собирала там коллекции для Пензенского музея. В селе Лесное Кичатово ею были приобретены в семье Мозяровых два старинных панара, принадлежавшие бабушке Лукерье и прабабушке Марии; последний панар приблизительно столетней давности. Н. И. Спрыгина писала: «Сравнивая панары двух старших поколений семьи Мозяровых; мы отмечаем, что они имеют

¹⁰ А. О. Heikel. Trachten und Muster, таб. LXXXIX и чертежи женских рубах № 16, 17, 18.

Рис. 3. Рубашка мордвы-эрзи. XIX в.
МАЭ, coll. № 1040-6. Фото А. В. Маторина.

одинаковый покрой. Различие между ними в следующем: 1) клин, вставленный в рукав в панаре бабушки Лукерьи, имеет иные размеры — под мышкой он такой же ширины, как на панаре прабабушки Марии, но значительно длиннее; 2) спереди на подоле место про-решки, «урмаць-йотка», в панаре прабабушки Марии действительно

Рис. 4. Рубашка мордвы-мокши (с. Старые Пичуры Наровчатского уезда Пензенской губернии). XIX в.
МАЭ, колл. № 2040-16. Фото А. В. Маторина.

прорезано, вышито по краю и затем зашито, в панаре же бабушки Лукерьи прорешки нет, но вышивка сохраняет прежние формы и как бы симулирует прорешку»¹¹. Здесь видно, что процесс идет следующим образом: сначала устройство и вышивка ворота и подола, органически связанные с покроем из двух основных полотнищ, переносятся на одно среднее полотнище, которое, приспособляясь к традиционному расположению вышивки, получает такой же треугольный ворот и разрез основного полотнища внизу. Потом разрез зашивают или во-

¹¹ Н. И. Спрыгина. Одежда мордвы-мокши Краснослободского и Беднодемьянского уездов Пензенской губернии. Пенза, 1928, стр. 12.

все перестают делать, оставляя лишь имитацию его в расположении вышивки. В более поздних рубахах исчезает и имитация разреза и в вышивке сохраняется лишь выступ центрального медальона на месте бывшего разреза, имеющий специальное название. На мокшанских рубашках постепенно меняется вышивка, все более увязываясь с изменением покроя рубашки, переходом ее от двух основных полотнищ, образующих прямоугольный мешок, к одному основному полотнищу (см. рис. 4). Процесс этот, прослеженный Н. И. Спрыгиной для быв. Краснослободского уезда Пензенской губернии¹², можно считать примером вполне определенной закономерности во взаимном влиянии формы покроя одежды и расположения вышивок. При стабилизации вышивка сохраняет свою композицию даже тогда, когда покроем уже изменился. Устойчивость вышивки связана с ее социальным значением: она зависит не от личного вкуса исполнительницы, а служит признаком этнической или территориальной принадлежности: все женщины и девушки данной деревни, по обычаю, носили рубашки с одной, вполне определенной гаммой цветов в узорах, с определенной композицией этих узоров, в которых допускаются лишь вариации на общепринятую образную тематику. Н. И. Спрыгина утверждает, что расположение, расцветка и характер вышивки мокшанской рубашки, наряду со способом ношения рубашки, могут служить основным отличительным признаком разных этнографических групп мордвы.

«Вышивки мокшанских рубах первых трех вариантов делаются шерстями синего, темно-красного, зеленого и оранжевого цвета, в вышивках же четвертого и пятого вариантов преобладает черный или темно-синий цвет. Расположение вышивок и орнаментов их так же, как и у эрзи, различны в вариантах костюма мокши, резко отличая между собой одни варианты и указывая на близость других»,— писала Н. И. Спрыгина¹³.

Устойчивость орнамента на одежде связана с его смысловым значением. Она характерна не только для мордовской рубашки, но и для всякой древней формы одежды. В 20-е годы XX в. нам приходилось наблюдать одежду населения на больших ярмарках в с. Рузаевке, быв. Пензенской губ., куда сходил народ «из мордвы», «из мещеры», «из тюрюхан», «из мишарей». Жители совершенно безошибочно указывали, из какой деревни любая женщина, узнавая это по головному убору, расцветке, расположению и характеру вышивки на ее одежде.

Присмотревшись к тому, на каких местах располагаются вышивки

¹² Н. И. Спрыгина. Одежда мордвы-мокши, стр. 13—14.

¹³ Там же, стр. 42.

на женских рубашках у народностей Поволжья, мы можем констатировать, что они оттеняют наиболее важные части человеческого тела. Вышивка располагается обычно вдоль руки, на лопатках, на плечах, на груди и вокруг шеи. Н. П. Гринкова в работе «Отражение производственной деятельности руки в русской орнаментике»¹⁴ привела ряд убедительных доказательств того, что сосредоточение в определенных местах рубашки вышитой и браной орнаментации имеет целью магически защитить и усилить руку. Т. А. Крюкова отметила такое же охранительное значение вышивки в марийской рубашке. Нагрудная вышивка называется там «чызе орол», в буквальном переводе — «сторож грудей»¹⁵.

Нельзя не согласиться с утверждениями Н. П. Гринковой и Т. А. Крюковой, что устойчивость расположения украшений на груди и по местам, связанным с движением руки, убедительно объясняется стремлением защитить руку и грудь при помощи охранительных магических приемов, чем стремлением украсить эти места одежды: вряд ли можно считать вышивку на ластовице, где она мало заметна, стремлением к украшению. Помимо вышивки на груди и рукавах, у некоторых мордовских рубах отмечались углами и ромбами из красной материи лопатки. Так в Теньгушевском районе Мордовской АССР, в селах Шокша и Сокаево, на спину рубашки, покрывая лопатки женщины, нашивались два квадрата 10 × 10 см из кумача, носившие название «кала патця»¹⁶. Такие же, как на мордовских рубашках Теньгушевского района, красные кумачовые ромбы нашивались на русских женских рубашках в быв. Тверской губернии, на мужских рубашках у русской мещеры в быв. Спасском уезде Тамбовской губ.¹⁷ Углами и ромбами из красной ткани отмечаются лопатки на старых марийских рубашках, как мы увидим ниже. Т. А. Крюкова права, утверждая, что в них нельзя не видеть знаков, служащих для охранения носительницы.

Кроме вышивок, рубашки мордвы-мокши отличаются от эрзянских рубашек по способу ношения: мокшанки носили высоко подобранную рубаху с большой пазухой, так что ноги женщины были открыты до колен и обертывались толстыми онучами. Эрзянки в XIX в. носили спущенную до голени рубаху. В связи с этим женщины не обматывали толсто икры ног. В соответствии со способом ношения, стал отличаться покрой: если рубашка высоко подобрана, она сохраняла покрой

¹⁴ Н. П. Гринкова. Отражение производственной деятельности руки в русской орнаментике. «Советская этнография», 1935, № 1.

¹⁵ Т. А. Крюкова. Марийская вышивка. Л., 1951, стр. 21.

¹⁶ Полевые материалы автора. 1934 г.

¹⁷ Н. П. Гринкова. Отражение производственной деятельности руки, стр. 73.

прямоугольного мешка, сшитого из четырех цельных точек; опущенная до щиколоток рубашка начала расширяться в подоле, чтобы увеличить шаг. Этим она приближается к рубахам 2-го типа с одним основным полотнищем и боковыми клиньями, расширяющими ее в подоле. Резкое своеобразие мордовской рубахи, как у мокши, так и у эрзи, отмечается особым, свойственным 1-му типу покроем ворота.

МАРИЙСКАЯ РУБАШКА (ТУВЫР, ТЫГЫР)

Марийские женские рубашки, как и мордовские, имели ряд различий по районам.

Вот как описывает женскую нательную одежду виднейший специалист по марийской культуре Т. А. Крюкова: «Основу женского костюма составляла холщовая рубаха, богато украшенная вышивкой («тувыр», «тыгыр»). Одевалась она непосредственно на тело, была одновременно и нательной и верхней одеждой, заменяющей платье. Рубаха эта чаще всего шилась из четырех полотнищ белого конопляного холста и только у восточных (уральских) марийцев, наряду с белой одеждой, встречалась одежда из пестряди (цветной домотканины). Покрой ее почти повсеместно был одинаковым — туникообразным, прямым (без клиньев). Средняя часть рубахи, перед и спина, выкраивалась из одного полотнища и перекидывалась назад, без шва на плечах. Рукав пришивался по прямой линии, со сгибом среднего полотнища»¹⁸. Эти белые вышитые рубашки варьировались по разным районам характером вышивки, различиями в украшениях и в способе ношения. Но для основной массы марийского населения в XIX веке национальной одеждой нужно считать белую вышитую рубаху, о которой говорит И. Н. Смирнов, описывая костюм черемис (мари)¹⁹. (См. рис. 5).

Резкими были отличия в рубашках луговых и горных мари.

Старинная рубашка луговых мари несомненно примыкала к 1-му типу туникообразного покроя: 1) она шилась из четырех цельных точек, не расширяясь к подолу, 2) носилась высоко подобранной поясом, оставляя ноги женщины, обернутые в толстые суконные онучи, открытыми до колен, 3) застегивалась при помощи пряжки фибулы, носящей у марийцев название «ширкама». Об этой пряжке В. М. Черемшанский писал: «У черемисов на вороту, против груди, рубаха застегивается большой медной запонкой. На сей запонке у некоторых пришивается широкий ремень с висящими на нитках

¹⁸ Т. А. Крюкова. Материальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола, 1956, стр. 126.

¹⁹ И. Н. Смирнов. Черемисы. Историко-этнографический очерк. Казань, 1889, стр. 93.

Рис. 5. Рубашка женщины мари (Йошкар-Олинский район
Марийской АССР). XIX в.

Из книги Т. А. Крюковой «Марийская вышивка».

большими корольками»²⁰. Рубашку скрепляли по грудному разрезу, нацепляя до шести штук пряжек.

Все эти черты, присущие также и мордовской рубашке, характерны для 1-го типа.

²⁰ В. М. Черемшанский. Описание Оренбургской губернии. Уфа, 1859, стр. 181.

Отличается мари́йская рубашка устройством ворота: она имеет овальный шейный вырез без обшивки, а грудной разрез ее окружен плотной и широкой вышивкой. Расположение вышивки сильно варьирует: в некоторых районах она идет по середине груди, в других — с правой или с левой стороны. При этом композиционно вышивка иногда располагается так, что идет в середине груди, а разрез приходится с боку вышивки, или же вся вышивка строится по разрезу.

По отдельным локальным группам мари различается также манера прикреплять нагрудные пряжки, затягивать рубаху поясом, закладывать ее в складки, более или менее высоко открывать ноги и заматывать их онучами в форме чурбашек. Но несмотря на эти отличия, мы можем говорить об общем, национальном типе рубашки у луговых мари и ее национальной вышивке.

Рубашка горных мари сильно отличалась от рубашки луговых, как и весь комплекс одежды, зато он был почти неотличим от одежды верховых чуваш-вирьял смежных районов. (См. рис. 6). Женская рубашка горных мари туникообразного покроя шилась из четырех цельных точек, с одним основным полотнищем, образующим спину и грудь. К нему, под прямым углом, пришивались рукава из одной сложеной вдоль точки. Рукав у кисти в одних районах слегка суживался и оканчивался узкой полоской вышивки, в других — собирался в сборки и обшивался оборочкой. В основном полотнище для ворота рубашки вырезали овальное отверстие по величине шеи и спереди, в середине, делали грудной разрез, сантиметров на 18—20 длиной. По краям грудного разреза шла узкая, не шире 2 см, очень мелкая вышивка темных тонов, с преобладанием малинового шелка с черной окантовкой. Завязывался ворот двумя тесемочками у самой шеи. Шейный вырез не имел никакой обшивки: он был плотно прикрыт шейным украшением. На плечах, по линии соединения рукава с основным полотнищем, делали узкую вышивку зеленой или черной нитью, продолжая ее ниже рукава по линии соединения основного полотнища с боковыми. В боковом полотнище делался надрез, куда вшивалась квадратная ластовица. На плече, вдоль шва, соединяющего рукав с основным полотнищем, рядом с дорожкой вышивки, пришивалась шерстяная полоска, около 4 см ширины и сантиметров 35—40 длины, вытканная разноцветными, продольно идущими полосами. При стирке эту полоску наплечника спарывали, а потом вновь пришивали. Наплечники были одним из ярких отличий горномари́йской, как и чувашско-вирьяльской, рубашки. Вторым отличием было отсутствие нагрудной вышивки и вышивки на рукавах. Третьим резким отличием был способ ношения рубашки высоко подтянутой до колен, с большой пазухой и поясными украшениями. Рубашка горных мари почти не отличалась от рубашки соседивших с ними

Рис. 6. Рубашка горных мари.
МАЭ, колл. № 483-1. Фото А. В. Маторина.

чуваш-вирьял, которую мы опишем ниже. (См. чертеж № 8, стр. 54). В ней, как и во всем комплексе их одежды, видна тесная связь этих соседящих этнических групп. В рубашке луговых мари также отражалось влияние соседних народов, оно еще более разделяло одежду луговых и горных мари: там, где луговые мари жили рядом с удмуртами или

с башкирами, они, как и их соседи, в конце XIX века начали переходить к ношению пестрядинной рубашки, а сохраняя белую рубашку, придавали ей черты, связывающие ее с соседними народностями.

Так, в Музее антропологии и этнографии Академии наук СССР имеется марийская женская рубашка из деревни Старые Турбаслы Уфимской губ., где мари соседят с башкирами (сборатель Ареньев Н. Ф., см. рис. 7, стр. 24). Это белая льняная рубашка с одним основным полотнищем 123 см длины. К нему пришиты под прямым углом рукава, ластовки рукавов квадратные, из покупной ткани, как и волан 12 см ширины, которым заканчивается подол. Ворот имеет прямой грудной разрез, окаймленный вышивкой 6 см ширины, и отложной воротник из пестряди 8 см ширины. Внизу по обеим сторонам грудного разреза вышиты маленькие медальоны (3 см ширины), по технике и орнаменту чрезвычайно напоминающие нагрудные украшения чувашских рубашек «кёскё», о которых мы будем говорить ниже. На этой рубашке сочетаются элементы, сближающие ее, по вороту с отложным воротником, с рубашкой башкир и мишарей, по нагрудному орнаменту — с чувашской старинной рубашкой. (См. чертеж № 4, стр. 32).

Просматривая многочисленные фотоколлекции Государственного музея этнографии народов СССР в Ленинграде, изображающие марийскую одежду самого конца XIX и начала XX века, мы можем отметить, что в Бирском уезде Уфимской губернии марийские женщины и девушки изображены носящими белые рубашки с плотной нагрудной вышивкой и косым разрезом ворота; рубашки высоко подобраны и оставляют открытыми обутые в толстые черные онучи ноги; рядом изображены женщины в пестрядинных рубашках до щиколоток с широким воланом по подолу.

Фотографии из Елабужского и Сарапульского уездов Вятской губ. изображают марийских женщин в пестрядинных рубашках, подпоясанных без напуска и закрывающих ноги. Подол их обшит широким воланом из покупной материи. Грудной разрез рубашки окаймлен лентами из цветастого ситца или другой покупной материи (колл. № 1086). Соседавшие с елабужскими и сарапульскими марийцами удмурты также носили пестрядинные рубашки, очень близкие по покрою и украшениям к марийским. Восточные мари, соседившие с башкирами, носили пестрядинные рубашки, приближающиеся к башкирским.

На основании этих материалов мы можем несомненно констатировать, что пестрядинная рубашка не является у мари старинной женской одеждой и пришла к ним сравнительно недавно, сменяя белую холщовую, вышитую рубашку. Заимствовали ли пестрядинную рубашку марийцы от какого-либо другого соседнего народа, для

Рис. 7. Рубашка мари (дер. Старые Турбаслы Уфимской губ.).
МАЭ, колл. № 2027-36. Фото А. В. Маторина.

которого она была исконной одеждой? Пересмотрев женскую одежду всех народов Поволжья, мы отметили один и тот же процесс: как более древний пласт народной одежды можно отыскать у всех белую вышитую рубашку со своеобразной орнаментацией, а на смену ей приходит пестрядинная рубашка, постепенно теряющая вышивку и заменяющая ее отделкой из яркой покупной материи.

Таким образом, пестрядинную рубашку, появившуюся у мари в конце XIX в., нельзя приписывать заимствованию от каких-то соседей. Она бытовала, как определенный культурный пласт, у всех народов Поволжья, сменив белую рубашку. Смена эта произошла не одновременно, у разных народов различно, но в силу одной и той же причины: развития товарных отношений, проникновения покупных материй и анилиновых красок, при помощи которых легче было окрашивать холст и ткань в пестрядь, практически гораздо более удобную, чем требующий постоянной стирки белый холст. Тот же процесс смены белой рубашки пестрядинной у удмуртов и башкир прошел на несколько десятилетий раньше, чем у мари.

УДМУРТСКАЯ (ВОТСКАЯ) РУБАШКА (Д Э Р Е М)

«Нательной одеждой и одновременно верхним рабочим и выходным платьем для женщины-удмуртки служила и служит в отдельных районах и в настоящее время рубашка (дэрэм), сшитая из белого холста или пестроткани (алача). Шили рубашку чаще всего на руках, льняными нитками»²¹, — писала В. Н. Белицер в монографии по удмуртской одежде.

Она различает три типа удмуртской женской рубашки: 1-й, наиболее древний тип — туникообразная льняная белая рубашка, с вышитыми шелком и шерстью рукавами, по покрою почти совпадающая с рубашкой луговых мари. Одно основное полотнище, составляющее перед и спину; бока из прямых полотнищ, без клиньев в подоле; рукава из одной точки пришиваются перпендикулярно к основному полотнищу. Отличие их от марийских в том, что ластовка под рукавом не квадратная, как на марийских рубашках, а треугольная. По вороту В. Н. Белицер не делает различия, относя к 1-му типу как рубахи с треугольным воротом (женская рубашка Базинского района, рис. № 11), аналогичным мордовскому так и рубашки с овальным вырезом по шее и косым грудным разрезом. Более детальное деление, несомненно, было бы существенно для монографии по одежде удмуртов, так как указывало бы на мордовские или марийские связи в отдельных районах.

²¹ В. Н. Белицер. Народная одежда удмуртов. Материалы к этногенезу. «Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия», т. X, М., 1951, стр. 34.

2-м типом удмуртской рубахи В. Н. Белицер считает получившую широкое распространение на территории Удмуртской АССР пестрядинную рубаху, того же типа, что и выше описанная нами туникообразная пестрядинная рубаха мари. Одно прямое основное полотнище из домотканой пестряди доходит несколько ниже колен, откуда начинается волан из пестряди же или из покупной материи. Ворот имеет вырез по шее, обшитый невысокой полоской, в 1,5—2 см вышины, и прямой грудной разрез, обшитый вышивками или лентами покупной ткани. Ворот застегивается у шеи на пуговицу и петлю. Рукава пришиваются к основному полотнищу под прямым углом и имеют ластовицы. Боковые полотнища раскраиваются по диагонали, сшиваются и пришиваются к основному полотнищу так, чтобы широкая сторона образовала расширяющийся подол. Варианты этой рубашки по отдельным районам тоже аналогичны вариантам пестрядинной рубашки у мари и у чуваш: расширяется волан-оборка, расширяются рукава, и тогда они собираются в сборку по линии шва с основным полотнищем. (См. чертеж № 7).

3-й тип рубашки, по классификации В. Н. Белицер, по существу является дальнейшей эволюцией рубашки 2-го типа и переходом к городскому платью. От туникообразного покроя в нем остается только кокетка, к которой под прямым углом пришиваются рукава. Вместо прежних ластовиц, к рукавам под мышками пришивают длинные клинья, доходящие почти до обшлага. Воротник рубашки стоячий, застегивается на крючок. Грудной разрез плотно застегивается на пуговицу. К кокетке спереди пришиваются два полотнища, часто из пестряди другого цвета, чем кокетка, а сзади — одно полотнище и боковые клинья. И перед, и спина собраны в сборку у кокетки. Это — остов рубашки, доходящий до талии; ниже, вместо прежнего волана, идет как бы юбка из многих клиньев пестряди или из покупной материи. «Эта рубашка является переходной формой к городскому платью и верхней одежде, так как все чаще надевается как выходная, поверх нижней рубашки. Последнее назначение подтверждается и названием ее — «верхняя одежда» (кыскет дйсь или выл дйсь)»²², — пишет Белицер.

Таким образом, В. Н. Белицер за основу своей классификации берет изменение покроя удмуртской рубашки во времени, определяя первым наиболее древний тип, вторым — последующий во времени и, наконец, третьим — переходный к городскому платью тип. Она не затрагивает других различий в удмуртской рубахе, которые, несомненно, имеются в локальных особенностях отдельных районов и которые могли бы указать на старые племенные различия и связи. Это было бы весьма существенно для достижения той цели, которую

²² В. Н. Белицер. Народная одежда удмуртов, стр. 42.

Рис. 8. Женская рубашка удмуртов «дэрем» (с. Карауль Глазовского уезда Вятской губ.).
МАЭ, coll. № 2045-1.

ставила себе В. Н. Белицер, — анализировать одежду как материал к этногенезу.

Варианты и эволюция пестрядинной рубашки не могут послужить материалом к этногенезу, так как ее распространение охватило в течение XIX в. все народности Поволжья, а служат они главным образом материалом для изучения процесса межэтнических связей этих народов. Национальные традиции наложили на эту рубашку у разных народов лишь незначительный отпечаток.

В коллекции МАЭ № 2045 есть полный костюм женщины и девушки-удмуртки из с. Карауль Глазовского уезда Вятской губ., присланный в МАЭ собирателем Щенниковым в начале XX в. Там имеется женская рубашка «дэрем» (№ 2045-1) из белого холста с вышивкой на рукавах и на подоле (с м. р и с. 8). Носится эта рубашка с нагрудником «кабачи», одеваемым на рубашку и видимым через распашную верхнюю одежду «шабур». Стоит отметить как национальную особенность в одежде удмуртов сохранившееся до XX в. различие в орнаментации женской и девичьей рубашки.

Девичья рубашка из того же с. Карауль, приобретенная в то же время, что и женская, отличается от нее по вышивке (см. рис. 9). Это белая рубашка из холста, туникообразного покроя, с одним основным полотнищем. Ворот ее имеет овальный шейный вырез без всякой обшивки и грудной разрез с правой стороны. Пуговиц нет, ворот завязывается у шеи на шнурочки. На рукавах имеется вышивка шелками и шерстью крупного медальона, носящего название «колтормач». Кругом него идут вышитые красные треугольнички «пель» (т. е. «ухо»). На груди девичьей рубахи нашит треугольник из полоски красной покупной материи. «Такие треугольнички обязательно пришиваются к рубашкам девушек на грудь», — сообщает собиратель И. Н. Смирнов, описывая одежду удмурток, тоже подчеркивал различие в девичьей и женской рубашке: «По направлению вышивки можно отличить женскую рубашку от девичьей: на женской рубашке она идет широкой полосой вдоль рукава, а на девичьей помещается почти на плече и делается поперек рукава»²³. С различием в грудном разрезе и вышивке рукавов между девичьей и женской рубашкой мы еще столкнемся при описании чувашского материала (см. стр. 34 и 46).

Характерной особенностью удмуртской одежды можно считать, что удмуртки, в отличие от чувашек и от мариек, чаще носят две рубашки одна на другой, а не одевают поверх рубашки распашную одежду. В коллекциях МАЭ, правда, приводится, в качестве верхней одежды, одеваемой на рубашку, распашная одежда шабур или шортдэрем, но в большинстве описаний в литературе XIX в. сказано, что на рубашку дэрем одевают вторую верхнюю рубашку, часто из пестряди, «шортдэрем».

В. Н. Белицер называет «шортдэрем» не верхнюю рубашку, а распашную прямосшитую одежду, описывая несколько типов такой одежды (см. стр. 133)²⁴. Видимо, замена распашной одежды второй верхней рубашкой была одним из этапов изменения удмурт-

²³ И. Н. Смирнов. Вотяки. Историко-этнографический очерк. Казань, 1890, стр. 94.

²⁴ В. Н. Белицер. Народная одежда удмуртов, стр. 47.

Рис. 9. Девичья рубашка удмуртов «дžерем» (с. Карауль Глазовского уезда Вятской губ.).
МАЭ, колл. № 2045-25.

ской одежды в течение XIX в. В связи с тем, что на рубашку всегда одевалась верхняя одежда, на нижней удмуртской одежде рано исчезла вышивка рукавов. Так как замужние женщины одевали нагрудник поверх нательной рубашки, под верхнюю одежду, то на него

перешла нагрудная вышивка. Происхождение вышивки нагрудника и связь его с разрезом рубашки ясно видны еще на старинном нагруднике, изображение которого приведено в книге. В. Н. Белицер на рис. 20²⁵.

Девушки не носили нагрудников, и девичья рубаха сохраняет на груди орнамент — красный треугольник из покупной материи (см. рис. 9). По аналогии с чувашскими подобными же треугольниками и ромбами из красного кумача, пришедшими на смену нагрудной вышивке, есть основания думать, что рубашки удмуртских девушек тоже имели вышивку на груди. Процессы изменения в рубашке удмуртов нам станут яснее при дальнейшем знакомстве с рубашкой чуваш.

ЧУВАШСКАЯ РУБАШКА (ХЁРАРАМ КЕПИ)

Покрой мужской и женской старинной чувашской рубашки в основном одинаков и может быть отнесен ко 2-му типу туникообразных рубашек.

В противоположность мужской, женская рубашка у чуваш почти не подвергалась русскому влиянию и сохранила до 30-х годов XX в. старые формы, почти совпадающие с изображениями чувашского костюма XVIII века по Палласу (см. рис. 10). Она может быть отнесена, тоже почти без изменений, и к гораздо более древним временам.

Женские рубашки чуваш, в соответствии со всем комплексом костюма и диалектальными различиями их названий, распадаются на три варианта: а) анат енчи (средненизовые), б) анатри (низовые) и в) вирьял (верховые)²⁶.

а) Рубашка чуваш анат енчи. Наиболее древней и основной для чуваш формой является рубашка анат енчи (см. чертеж № 4, стр. 32). Она бытовала еще 20-е годы XX в. в северо-восточной части ЧАССР, там, где чуваша живут сплошной массой, не соприкасаясь и не соседя ни с какой другой народностью, кроме разве крайне редких и недавних русских поселений. Занимают анат енчи срединную часть Чувашской АССР, расположенную между реками Большой Цивиль и Кубня²⁷.

²⁵ В. Н. Белицер. Народная одежда удмуртов, стр. 47.

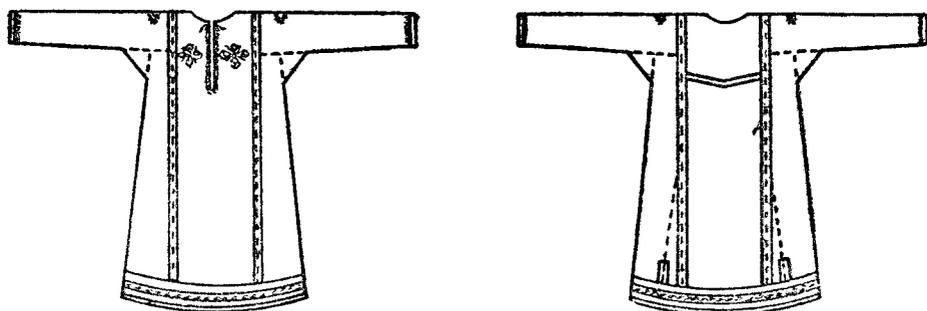
²⁶ Разделение чуваш на различные этнографические группы впервые описал Г. И. Комиссаров. Чуваша Казанского Заволжья. ИОАИЭ, т. XXVII, вып. 5. Казань, 1911. Подробное описание одежды чуваш имеется в нашей статье «Одежда чуваш», ГАИМК, Сообщения, т. II, 1928.

²⁷ Уезды, волости и селения обозначены всюду по административному делению 1927 г., когда автором производился сбор материалов. С тех пор проведено несколько раз районирование. Поэтому перегруппировка материала по современному административному делению весьма затруднительна.

Рис. 10. Чувашская женщина (слева) и девушка (справа). XVIII в.
По книге П. С. Палласа.

Рубашки этого района шились из домотканого, большей частью довольно тонкого белого холста. Основное полотнище, во всю точку, обычно 30—34 см ширины. Точка холста складывается (по утку) пополам, причем берется длина от плечевого сгиба до подола в 120—126 см. К основной точке перпендикулярно пришиваются прямые гладкие рукава из одного полотнища, иногда слегка суженные у кисти. Бока кроют так: берут длину полотнища, чтобы она хватала от места, где кончается шов рукава, до подола основного полотнища. Точку складывают по основе в четыре раза. Одна четверть отрезается вдоль, в виде клина, постепенно сходящего на нет. Сторона холста в $\frac{3}{4}$ точки надрезается по середине. В надрез вшивается ластовица, и все это пришивается к рукаву и основному полотнищу. Чтобы еще расширить подол, к нему пришивается, со стороны спины, отрезан-

Рубашка чуваш анат енчи. Чертеж № 4.

ный клин в $\frac{1}{4}$ точки (чертеж № 5). Таким образом, рубашка заметно расширяется в подоле. Иногда применяется другой способ крѳйки: точка нужной длины, по основе, складывается в 3 раза. Отмечают с одной стороны $\frac{1}{3}$, а с другой $\frac{2}{3}$ точки и, сложив полотнище во всю длину, кроят его по диагонали. Получаются два куска, у которых одна сторона будет в $\frac{2}{3}$ точки, а другая — в $\frac{1}{3}$ часть. Полученные куски шьются вместе так, чтобы узкие части приходились в одну сторону, а широкие — в другую. Узкая сторона образует верх бокового полотнища рубашки, в нее вшивается ластовица, и она пришивается к рукавам, широкая же сторона образует подол. (См. чертеж № 3).

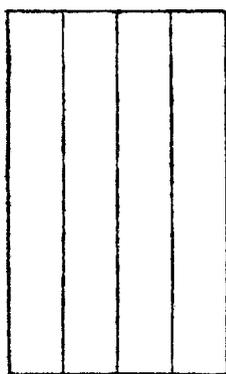

Рис N 1

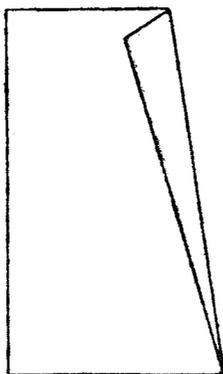

Рис N 2

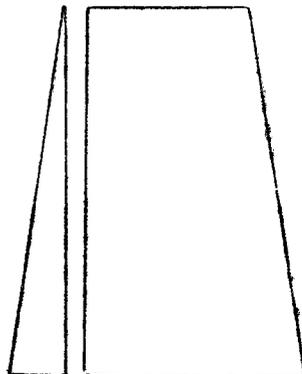

Рис N 3

Крой боковых клиньев рубахи. Чертеж № 5.

Оба способа покроя распространены повсеместно, бытуют параллельно, одинаково рационально используют материал и являются, по видимому, одинаково древними. Отличительная особенность рубашки анат енчи — это обязательное оттенение продольных швов, соединяющих основное полотнище с боковыми. Оно производится: 1) легкой и узкой вышивкой шерстяной ниткой зеленого цвета, расположенной вдоль шва, варьируя в нескольких несложных узорах; 2) лентой красной материи, нашитой на самый шов и покрывающей его. На старых рубахах, которые можно отнести, по приблизительному подсчету поколений («от бабки моей бабушки»), к самому началу XIX в., это — шерстяная домотканая лента 2—3 см ширины, окрашенная корнем марены или подмаренника (*Rubia tinctorum*) в густой коричневатокрасный цвет. На более новых рубашках часто, а на рубашках 20—30 гг. XX в. всегда, — полосы такой же ширины, но из красного кумача. В рубашках с боками, сделанными по первому способу кроения, красная полоса пришивается еще на шов клина, но не закрывает его целиком. В рубашках с боками, кроеными по 2-му способу, очень часто покрывается красной полосой весь боковой шов, от ластовки до подола. На старых экземплярах такая же шерстяная тесьма нашивалась по лопаткам, от плеча к плечу, образуя угол, направленный книзу. Изредка на спине, по лопаткам, делалась еще нашивка — уголков или ромбов из красной тесьмы, как мы видели и на марийских рубахах (см. рис. 11). На более новых чувашских рубашках спина не украшается.

Рис. 11. Спина чувашской старинной женской рубашки (с. Орауши Ядринского уезда Казанской губ.).

*Краеведческий музей Чувашской АССР,
колл. № 1688-1116.*

Смешанная шелково-шерстяная вышивка с преобладанием красного шелка идет вдоль шейного и грудного разреза ворота, на груди, вдоль рукавов и по обшлагоу их. В старинных экземплярах вышивка шла вдоль всего рукава, от кисти до плеча, и по обшлагоу, окаймляя расположенную вдоль рукава, окрашенную мареной, шерстяную тесь-

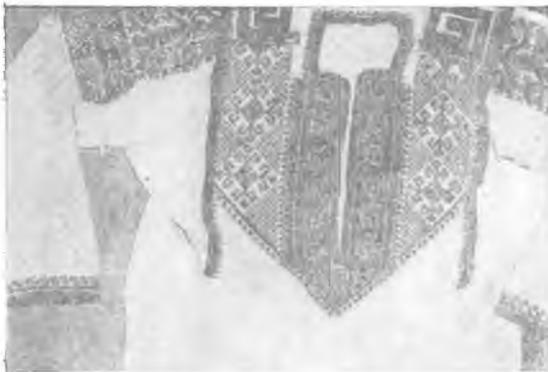

Рис. 12. Чувашская старинная женская рубашка анат енчи. XVIII в. (с. Орауши Ядринского уезда Казанской губ.).

*Краеведческий музей Чувашской АССР,
колл. № 1117.*

положенные по обеим сторонам грудного разреза вышивки в виде крупных восьмиконечных звезд. Орнамент их чрезвычайно разнообразен, но на многих кёскё можно установить стилизованные растительные и животные мотивы (см. главу об орнаменте). На некоторых рубашках кёскё вышивается не с двух, а с одной только стороны нагрудного разреза, на другой стороне замещаясь положенной наискось полоской красного кумача. Художник Д. И. Архангельский утверждал, что такую рубашку носили вдовы²⁸.

Во время работы в ЧАССР нам не удалось добиться каких-нибудь указаний относительно рубашек вдов. Расспросы старух (дер. Ближние Сормы Цивильского уезда) подтверждали, что девушки в старину носили рубашки без кёскё, но с богато вышитыми рукавами, а женщины с кёскё.

Несмотря на большую привлекательность видеть в кёскё древние символы культового характера, то есть изображение солнца, есть факты, говорящие против древности кёскё в нагрудной вышивке чувашской рубашки. Так очень старинная «свадебная», как она обозначена на этикетке, рубашка в Государственном музее этнографии в Ленинграде имеет на груди не кёскё, а сплошную вышивку красной, окрашенной мареной шерстью (колл. № 94-16). Старинные, правда, не очень многочисленные (в количестве 7 экземпляров) рубашки, встреченные нами в 1928 г. в селениях Ближние Сормы, Ибреси, Яндашево, Яндо-

му или шелковую малиновую ленту. Такова рубашка XVIII века. (См. рис. 12).

В более новых экземплярах рукав вышивается только у обшлага и у плеча, где вышивка образует небольшие овальные медальоны «хултърмаç», гармонирующие с нагрудной вышивкой — «кёскё». С названием наплечной вышивки «колтърмач» мы уже встречались на удмуртской рубашке.

«Кёскё» называются два симметрично распо-

²⁸ Д. Архангельский. Чувашские узоры. Ульяновск, 1925.

ба, Яншихово-Норваши, все имели грудь, расширенную сплошной вышивкой, перемежающейся с малиновыми шелковыми ленточками. Довольно точное изображение такой рубашки находится на гравюре Палласа, изображающей чувашку XVIII века. В Чувашском краеведческом музее есть несколько очень старых женских рубах с пометкой собирателя, что это рубахи XVIII века, и все они имеют грудь, сплошь покрытую вышивкой, перемежающейся с алыми шелковыми ленточками. Но то, что это не местные (или племенные в прошлом), а хронологические особенности, могут указать наблюдения за одеждой села Орауши Ядринского уезда. В Чувашском краеведческом музее имеются отсюда рубашки XVIII века (колл. № 1688/1116, № 1743/1150 и 1642/1120) с грудью, покрытой сплошной вышивкой, весьма напоминающей рисунок в книге П. С. Палласа (см. рис. 10)²⁹. В тех же Ораушах в XIX веке носили рубашки с кёскё, что удалось узнать из рассказов старух во время нашего посещения с. Орауши в 1927 г. и по материалам Г. А. Никитина.

Рис. 13. Чувашская старинная женская рубашка анат енчи (с. Орауши Ядринского уезда Казанской губ.).

Краеведческий музей Чувашской АССР, колл. № 1688-1116.

В 1957 г. в с. Ораушах еще бытовали у пожилых женщин туникообразные пестрядинные рубашки с воланом, молодежь одевалась погородскому, а в сундуках у старух хранились холщовые белые рубашки. (Рис. 14, стр. 36).

Опишем рубашки одной старой колхозницы с. Орауш.

1) Одно основное полотнище; расположенные по диагонали боковые полотнища и дополнительные клинья на подоле со стороны спины. Рукава рубашки прямые, из одной точки, из полоской кумача и узкой вышивкой буро-красной и зеленой шерстью у обшлага, а на плече — небольшой овальный вышитый шелком медальон величиной 4 × 2 см, называется «хултърмаç». На шве, соединяющем рукав с основным полотнищем, идёт тонкая полоска вышивки шерстя-

²⁹ П. С. П а л л а с. Путешествие по разным провинциям Российского государства СПб., ч. I, 1773.

Рис. 14. Женская рубашка анат енчи (с. Орауши Вурнарского района Чувашской АССР). Конец XIX в.

ной ниткой, узора, носившего название «ухмах тёрё» (т. е. «мудреный узор»); ластовки из пестряди; овальный шейный вырез без обшивки, завязывается шнурками около прямого грудного разреза, идущего по середине основного полотнища. Грудной разрез, 16 см длины, окаймлен вышивкой 1,5 см ширины, сделанной буро-красной и зеленой шерстью. От конца грудного разреза, наискось, на правую сторону нашита полоска 3 см ширины, из холста, выкрашенного в буро-красный цвет. На левой стороне груди из такой же красной полосы нашита аппликация в виде ромба, с небольшой вышивкой внутри. На спине по лопаткам идет такая же полоса буро-красного холста, образуя вниз угол от рукава до рукава. В нижней части угла нашита аппликация ромбовидной же полоски красной ткани. Продольные швы рубашки оторочены кумачом. По подолу — две полоски кумача, между ними узкая полоса вышивки.

2) Рубашка той же старухи. Покрой тот же. Швы, соединяющие основное полотнище с боковыми, покрыты красными полосами кумача 2 см ширины. На подоле узкая полоса вышивки между двумя полосками кумача; окаймлен подол белыми вязаными кружевами 5 см ширины. Ластовки из кумача. На груди два восьмиконечных медальона кёскё, на плечах хултърмаç. Почему в одном случае нагрудная вышивка идет с обеих сторон, а в другом случае она только с левой стороны, в красном ромбе, а с правой идет только красная полоса, хозяйка не сумела объяснить.

Приведенный материал показывает, что в 1927 г. в Ораушах еще бытовали белые рубашки с «сунтáхами» (т. е. кумачными ромбами), а к настоящему времени население стало носить пестрядин-

ные рубашки или рубашки-платья из покупной материи. До этого, в середине XIX века, носили рубашки с кёскё, а еще ранее — рубашки со сплошь вышитой грудью. Это дает основание думать, что вообще кёскё, как нагрудные вышивки, получили свое широкое распространение в течение первой половины XIX века. Каково было в то время осмысление этого, очень древнего по стилю, орнамента и каковы были условия, вызвавшие его распространение как нагрудной вышивки, — у нас нет достаточных данных для определения.

Предполагая, что медальоны кёскё заменили сплошную нагрудную вышивку, мы можем отметить тот же процесс относительно нарукавной вышивки: у чувашских рубашек XVIII века вышивка идет вдоль всего рукава. От плеча до обшлага нашивалась алая, окрашенная мареной тесьма, а по обеим сторонам ее шли вышивки шерстью и шелком, сделанные особым швом «хантӑс», тем же, каким вышивалась кёскё. В нарукавной вышивке было меньше малиновых шелков и преобладала черная шерстяная нитка.

В рубашках более новых, бытовавших в 70—80 годы XIX в., но кое-где сохранившихся и до 20-х годов XX в., сплошные вышивки рукава заменяются овальным медальоном, вышитым шелками вверху рукава, сантиметров на 5 ниже шва, соединяющего рукав с основным полотнищем.

Орнамент этого медальона хултӑрмаç несколько мельче, чем кёскё. Сохраняя общую структуру звезды, он меняет равносторонность на вытянутую поперек рукава овальную форму (рис. 14), такую же, как на удмуртских рубашках (рис. 9, стр. 29).

На марийских рубашках (из коллекций ГМЭ), также имеющих вышивку у плеча, там, где помещается у чуваш хултӑрмаç, есть орнамент, форма и величина которого совершенно совпадают с чувашским кёскё³⁰. Подобный восьмиконечный орнамент встречается не только на рубашке, но и на свадебных покрывалах и, видимо, очень древнего происхождения.

Со второй половины XIX века фабричная мануфактура начинает сильно проникать в деревню. Домотканые, крашенные мареной шерстяные ленты начинают исчезать, уступая место расположенным на тех же местах и той же ширины, но более ярким полосам кумача. Кумач вытесняет не только тесьму, но и вышивки. На месте вышитых шелком кёскё появляется новое украшение «сунтӑх». Это кумачная лента, которую сшивают, имитируя контур прежней вышивки и давая очертания ромба, многоугольника или креста.

Тот факт, что не только в с. Ораушах различные украшения рубашки являются продуктами определенной моды, изменением костю-

³⁰ Т. А. Крюкова. Марийская вышивка. Л., 1951, стр. 29, фото 11; стр. 32 фото 13.

Рис. 15. Женская рубашка анат енчи с нагрудными украшениями «сунтах».

МАЭ, колл. № 316-12. Фото А. В. Маторина.

ма во времени, а не различными вариантами, бытующими в разных районах, подтверждается материалами, которые удалось собрать в 1927 г.

Так, в с. Шибылги Шибылгинской волости в 1927—28 гг. в большинстве носили белые холщовые рубашки с украшенными кумачом швами и сунтахом на груди. Кое-кто из молодых женщин начинали носить пестрядинную рубашку.

Из рассказов старух выяснилось, что в старину носили рубашки с вышитыми кёскё на груди. Но лет 70—80 тому назад появилось новое украшение сунтăх. Сначала его носили с одной стороны, а с другой стороны груди нашивали наискосок полоску ленты. Таким образом, тут воспринимают рубашку с одной косой полоской, которую Д. Архангельский считает вдовьей, как рубашку определенного периода, моды. Позднее стали носить сунтăх с обеих сторон. Причем старуха 95 лет сообщила нам, что раньше бабка ее не носила кёскё, а носила рубашку со сплошь вышитой грудью.

В большом торговом селе Шихазанах, Шихазанской волости Канашского района, в 1927—28 гг. бытовали пестрядинные рубашки. Лет за 10—15 до этого носили белые рубашки, какие еще сохранились в глухих деревнях этой местности. Рубашки эти обшиты красным кумачом по швам, с кумачными, обшитыми вышивкой, сунтăх на груди. В сундуках еще хранились рубашки с вышитыми шелком кёскё и заготовки вышивок кёскё.

Параллельно с заменой нагрудной вышивки рубашки начинает меняться и украшение подола.

В старинных рубашках он украшен вышивкой, расположенной между двумя окрашенными мареной тесьмами. В более новых на месте дотомканой тесьмы появляются ленты из фабричной материи. Постепенно вышивка подола совсем пропадает и, вместо нее, появляется обшивка из кумача или крашеного холста сантиметров 6—8 шириной, пришитая в виде оборки.

Такая рубашка с кумачной оборкой, обшитыми кумачом швами сунтăх на груди и вышитыми хултърмаç на рукавах, бытовала в 1927—28 гг. в Шибьлгинской и Шихазанской волостях Цивильского

Рис. 16. Чувашская женщина и девушка (Чистопольский уезд Казанской губернии). ГМЭ, колл. № 203—32.

Рис. 17. Женская рубашка анатри (дер. Старые Чукалы Шемуршинского района Чувашской АССР). Перед.
Фото Н. И. Гаген-Торн.

Рис. 18. Женская рубашка анатри (дер. Старые Чукалы Шемуршинского района). Спина.
Фото Н. И. Гаген-Торн.

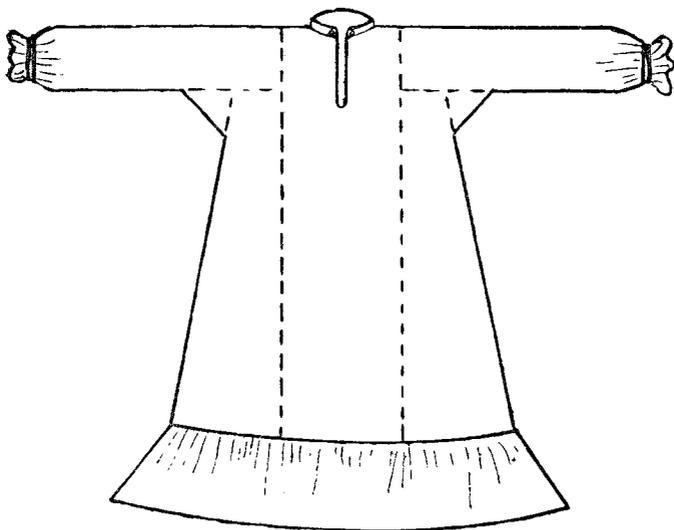
уезда и северных волостях Батыревского уезда. Она носилась почти всеми пожилыми и среднего возраста женщинами, а более молодые, не переходя на городское платье, сменяли ее на пестрядинную рубашку «улача».

б) **Рубашка чуваш анатри.** Отличительная, сразу бросающаяся в глаза особенность рубашки низовых чуваш — это ее цвет. Она делалась из домотканой сине-красной пестряди, а в новой форме — из покупной материи, ситца или сатина.

Покрой ее, в основном, тот же, что у рубашки анат енчи, но вышивки нет совсем; вместо оборки, внизу, у подола, пришивается волан — «хурта», 20—25 см ширины, из той же пестряди или сатина. На праздничных рубашках сверху пришивается еще один волан, более узкий (8—10 см ширины), всегда из покупной материи другого цвета, чем сама рубашка. Шейный вырез пестрядинной рубашки окаймляется обшивкой в 1—2 см ширины, образующей низкий стоячий воротничок того же типа, что на русской мужской рубашке. Эта обшивка спереди застегивается на крючок или одну-две пуговицы, вместо завязок, которыми скреплялась старинная рубашка анат енчи. Вышивка грудного разреза совсем исчезает. В некоторых районах она заменяется рядом разноцветных ленточек, обложенных вокруг грудного разреза, образуя овал. (чувашские поселения ТАССР по Черемшану, район села Челны ТАССР)³¹.

В деревне Старые Чукалы Шемуршинского района в 1957 г. молодежь переходила к городскому платью или носила платье национального покроя, но из покупной материи. Пожилые женщины еще носили пестрядинные рубашки туникообразного покроя 2-го типа. К основной, образующей спину и перед точе пришивались сборчатые рукава из 1,5 точки. Боковые точки под рукавами тоже собирались в сборки. Внизу к рубашке пришивался волан 20 см высоты из покупной материи или из пестряди другой расцветки. Ворот имел прямой грудной разрез с подполком; застегивался он на две пуговицы по разрезу и две пуговицы или крючка по стоячей обшивке — воротнику, высотой 2 см. По швам, соединяющим основную и боковые точки, нашивались полосы красного кумача 2—3 см ширины. Из таких же полос кумача, сложенных в виде ромба, пришивались аппликации по обе стороны грудного разреза. Но во время этнографической экспедиции летом 1957 года нами были найдены в этом селе и белые холщовые рубахи с кумачовыми полосками вдоль швов, аппликацией «сунтэх» на груди, узкой вышивкой по грудному разрезу и воланом из покупной материи 10—12 см высоты по подолу. Такие рубашки перестали носить

³¹ Материал Е. Е. Карповой и Э. А. Порет. Экспедиция ГАИМК, 1929.

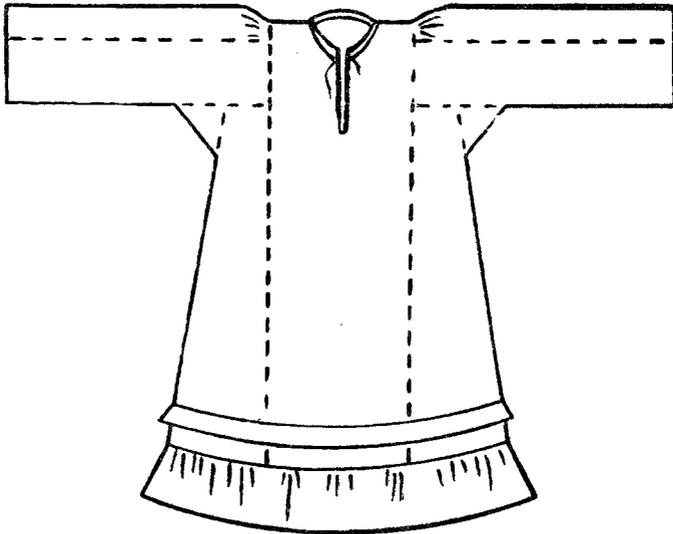

Пестрядинная рубаха чуваш. Чертеж № 6.

лет 30—35 назад и перешли на пестрядинные рубашки (см. чертеж № 6).

Дальнейшим изменением пестрядинной рубашки является расширение волана так, что основная часть рубашки, состоящая из 4-х полотнищ описанного выше покроя 2-го типа, доходит только до середины бедра. Оттуда же начинаются один за другим два широких волана, образуя пышные сборки, создающие впечатление идущей с середины бедра широкой юбки. Такие рубашки в некоторых районах появились уже в 1920 — 25 гг. и получили распространение, например, в селе Яншихово-Норваши Янтиковской волости Цивильского уезда, в котором лет 50—60 назад бытовали исключительно белые рубашки.

Второе изменение, претерпеваемое пестрядинной рубашкой, — это расширение рукава. Рукав шьется шириной не в одно, а в полтора гочива, собирается в сборки и в таком виде пришивается к основному полотнищу (чертеж № 7). Подобный рукав распространился в 20-е годы в Хормалинской волости Батыревского уезда, как нововведение, бытовавшее параллельно со старинной белой рубашкой и пестрядинной рубашкой более простого покроя. (См. чертеж № 6).

Пестрядинная рубаха чуваш. Чертеж № 7.

Сборчатая в рукавах рубашка, слегка напоминающая по первому впечатлению северовеликорусскую рубашку с прямыми поликами, бытовала в 27—28 гг. и в с. Шихазанах, наряду с белыми вышитыми рубашками.

Последний вариант пестрядинной рубашки приобрел вид настоящего платья. От первоначального покроя остается только кокетка, доходящая до половины груди, к которой пришиваются, под прямым углом, как на рубашке, рукава, ворот с прямым грудным разрезом да ластовицы. По первому впечатлению такая рубашка, сшитая из покупной материи фабричного узора, производит впечатление городского платья, и лишь просматривая ее в общей цепи вариантов пестрядинной рубашки, можно обнаружить ее происхождение.

К пятидесятым годам именно рубашка этого типа получила очень широкое распространение и превратилась в современное национальное платье, которое бытует в очень многих районах наряду с рубашкой из покупной материи. Его шьют без швов на плечах, к основному полотнищу пришивают прямые рукава без овальной проймы. Ворот вырезается по шее, с прямым грудным разрезом и обшивкой в 2 см. Внизу, на уровне колен, пришивается очень широкий волан, заложённый продольными складками. Носится такая рубашка с фартуком с грудкой и ляжками. Интересно отметить, что в районном селе Ше-

мурша есть швейная мастерская, которая шьет такие платья национального стиля, удовлетворяя запросы заказчиц.

Благодаря быстроте перехода одних форм рубашки в другие в течение первых десятилетий XX в., эти различные формы часто бытовали параллельно в одной и той же деревне, разделяясь по поколениям. В 1927—28 гг. во многих деревнях молодежь уже носила рубашки-платья последнего подтипа, более старшее поколение — обычно пестрядинные рубашки простого типа с одним воланом по подолу, и, наконец, у старух бытовали белые вышитые рубашки.

Рассматривая карту чувашских поселений, мы можем установить в очень наглядной последовательности, как идет процесс завоевания пестрядинной рубашкой все более обширной территории. Он начинается из районов смежных поселений татар и чуваш. В чувашских поселениях Татарской республики почти не сохранилось памяти о белой вышитой рубашке. Чувашки Буинского района носили типичную пестрядинную рубашку, лишенную вышивки, с двумя воланами и воротом, застегивающимся на пуговицу. Чувашки, живущие по реке Черемшан, в районе Челны (как показывают материалы 1929 г., собранные сотрудниками экспедиции ГАИМК Е. Е. Карповой и Э. А. Порет), носили пестрядинные рубашки с воланами, но продольные их швы были украшены кумачными полосами, а на груди делались кумачные вышивки типа «сунтӑх». Между тем И. И. Лепехин, описывая чуваш XVIII в. этой местности, отмечал, что они носили только белые вышитые рубашки³².

В самой ЧАССР, в Батыревском уезде, в 1927—28 гг. почти сплошь носили пестрядинную рубашку, но в районе села Ибреси лишь начинали входить в быт пестрядинные рубашки с воланом. Здесь еще бытовали у старух белые рубашки с сунтӑхом на груди. Жива была память, что лет 70 назад носились рубашки с вышивкой кёскё.

Летом 1957 г. автором настоящего исследования и сотрудницей Чувашского краеведческого музея А. Н. Львовой в селениях Старые Чукалы, Трех-Изб-Шемурша, Новая Шемурша и в самом районном центре Шемурша было зафиксировано наличие у старух белых холщовых рубашек 2-го типа туникообразного покроя с отороченными красным кумачом швами и с воланом из покупной ткани, шириной 10—12 см, по подолу. На груди у них, по обе стороны грудного разреза, нашиты были кумачные ромбы. Сзади на спине по лопаткам полосу кумача образовала треугольник иногда с аппликациями мелких ромбов³³. (См. рис. 17 и 18, стр. 40—41).

³² И. И. Лепехин. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. СПб., 1771—1805, т. 3, стр. 159.

³³ В Шемуршинском районе, в с. Старые Чукалы и в самой Шемурше, швы на белых рубашках часто соединены не красной полоской ткани, а плетеной из крас-

Рис. 19. Женщина в пестрядинной рубашке и старинном головном уборе (д. Трех-Изб-Шемурша Шемуршинского района Чувашской АССР). 1957 г.

Фото Н. И. Гаген-Торн.

Из расспросов старух удалось установить, что рубашки с двумя ромбами сунтӑх на груди носили замужние женщины. На девичьих рубашках ромб был только с одной стороны, а с другой стороны шла наискось красная полоска. По самому грудному разрезу и вокруг куачных ромбов делали вышивку, которая постепенно все уменьшалась в размерах. На смену белой рубашке пришла рубашка из домотканой пестряди «улача», причем волан на ней становился шире и делался из покупной материи. В с. Шемурше и эта рубашка почти уж не носится, заменившись рубашкой-платьем из покупной материи, но сохраняя свою специфику национального покроя. В более удаленных от районного центра деревнях — Трех-Изб-Шемурша и Старые Чукалы — у пожилых женщин еще продолжала в 1957 г. бытовать пестрядинная рубашка с воланом из покупной ткани (См. рис. 19).

«Необходимо подчеркнуть, что проникновение в быт чуваш новых форм одежды вовсе не уничтожает национальных особенностей костюма, а напротив, обогащает последний. Чувашские женщины, не бросая старой национальной одежды, творчески усваивают и перерабатывают элементы русской народной или современной готовой одежды фабричного изготовления»³⁴, — писал П. В. Денисов об

одежде низовых чувашек. Автор указывает, что в южных районах наиболее древней рубашкой была белая холщовая с отороченными красной полоской продольными швами; у замужних женщин были вышивки кёскё по сторонам грудного разреза. Девушки не имели вышивок кёскё, их рубашки украшались продольными или расположенными

ных, с белым узором, ниток. В этом сказываются связи с мишарями, у которых такие же прошивки на рубашках.

³⁴ П. В. Денисов. Национальная одежда низовых чуваш в южных районах Чувашской АССР. «Ученые записки» Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, 1955, вып. XI, стр. 213.

углом полосками красного цвета, носившими название «пўштер». Вышивки на рубашках замужних женщин постепенно заменялись красными кумачовыми ромбами, в середине которых помещали вышивки. В рубашках XVIII в. была орнаментирована, при помощи красных шелковых или шерстяных ленточек, спина рубашки. У рубашек более позднего времени, вместо сплошного геометрического орнамента, на спине вышивалась розетка, но с более простым узором, чем у кёскё. По мере замены вышивок нашивками наспинная розетка, как и нагрудные нашивки, превратилась в ромбовидную фигуру. Замена белой рубашки красной пестрядью у низовых чуваш, по мнению П. В. Денисова, произошла не раньше второй половины XIX в., и дальше пестрядинная рубашка постепенно усложнялась и сближалась с «кульмеком» казанских татар, кряшен, башкир. К этому сходству пестрядинной рубашки у многих народов Поволжья мы еще вернемся ниже, проследив, как пестрядинная рубашка распространилась в чувашской среде.

В бывший Цивильский уезд пестрядинная рубашка пришла в 1910—12 гг., начиная свое появление с крупных торговых сел и не заглядывая в глухие деревни. В районах, занятых вирьялами, пестрядинная рубашка совсем отсутствовала, а на смену старинной рубашке анат енчи пришел своеобразный вирьяльский комплекс одежды.

В чувашских селениях Куйбышевской и Саратовской областей пестрядинная рубашка — тоже сравнительно недавнее явление. В коллекциях Саратовского музея, приобретенных в 20-е годы XX в., экземпляр пестрядинной рубашки отмечен, как «образец современного костюма». О существовании у саратовских чуваш белой рубашки писала Т. М. Акимова³⁵. В Чувашском краеведческом музее имеется рубашка из белого холста, того же покроя, что чувашские рубашки анат енчи, но, вместо кёскё, нагрудное украшение ее — сплошной кусок кумача, по красному фону которого белой ниткой прострочены геометрические фигуры, подражающие тем сплошным узорам из алой ленты, которые встречались на рубашках и халатах — «шупёр» XVIII в.

Эволюция рубашки саратовских чуваш подробно описана Т. М. Акимовой. Наиболее старой ее формой является рубашка «кёскёллё кёпе», приближающаяся по покрою и вышивке к рубашкам анат енчи. У нее также отмечены красной полосой продольные швы и тупой угол на спине, по линии лопаток. На груди вышивка кёскё, по технике и орнаменту близкая к кёскё анат енчи в самой ЧАССР, но кёскё не два, а четыре: по два с каждой стороны грудного разреза.

³⁵ Т. М. Акимова. Эволюция женского костюма у саратовских чуваш. «Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения», вып. 35, Саратов, 1928.

Рис. 20. Старинная рубашка саратовских чуваш.
МАЭ, колл. № 1280-8.

На смену «кёскёллэ кёпе» пришла рубашка «*çавăрнă кёпе*» с отделкой кушачом, заменившим вышивку. Именно такую рубашку встречаем мы в коллекциях Чувашского краеведческого музея (см. рис. № 21).

Третьим этапом в истории женской рубашки саратовских чуваш является распространение «*пўштер кёпе*» из покупной материи.

В то время как старинная рубашка кёскёллэ кёпе саратовских чуваш сближает их с некоторыми группами чуваш Чувашской АССР, рубашки новые — «*çавăрнă кёпе*» и «*пўштер кёпе*» — дают возможность сближать саратовских чуваш с чувашами сызранскими и заволжскими³⁶, — писала Т. М. Акимова, указывая на наиболее древнюю общность саратовских чуваш с чувашами анат енчи, сохранившими древнейшие формы женской одежды.

Таким образом, пестрядинную рубашку с воланами и стоячей обшивкой ворота можно безошибочно считать для чуваш поздним заимствованием. Оно возникло в районах смежных чувашско-татарских поселений. Быть может, вернее будет считать ее заимствованием не от казанских татар непосредственно, у которых она уже изживалась, а от мишарей, сергачских татар и кряшен, т. е. группы старокрещеных татар, сохранивших консервативные формы быта, имеющие много общего с чувашскими, как указывал проф. Н. И. Воробьев³⁷.

Вот как описывал Н. И. Воробьев рубашку кряшен: «Кряшенский кульмяк до бедер представляет собой узкую рубашку, сходную по покрою с финской, а затем нижняя часть, путем пришивки оборки резко расширяется и создает очень широкий подол. Эта нижняя часть кульмяка обычно делается из другой материи, или ситца, или из

³⁶ Т. М. Акимова. Эволюция женского костюма у саратовских чуваш, стр. 38—39.

³⁷ Н. И. Воробьев. Кряшены и татары. «Жизнь, труд и хозяйство», Казань, 1929, № 5.

Рис. 21. Рубашка саратовских чуваш.
Краеведческий музей Чувашской АССР.

Рис. 22. Женская рубашка кряшен.
ГМЭ, колл. № 360-8. Фото А. В. Маторина.

пестряди же, но другого цвета. Сверху пришивается оборка шириной 13—20 см тоже нередко другого цвета и материи»³⁸.

Проф. Н. И. Воробьев ошибался, говоря, что верхняя часть кульмяка «сходна по покрою с финской рубашкой», от финской рубашки тут нет ничего, хотя рубашка такого типа, с воланом в подоле, бытовала в недавнем прошлом среди удмуртов и марийцев, т. е. финнов.

Эта рубашка бытовала также у чуваш, мишарей, башкир и, в самом недавнем прошлом, у казанских татар.

У кряшен описанная проф. Н. И. Воробьевым пестрядинная рубашка — тоже недавнее явление: раньше они носили белую холщовую рубашку 2-го типа с красными полосами по продольным швам основного полотнища и вышивкой по подолу, вороту и рукавам. Такая рубашка имеется в ГМЭ колл. 360-8 (см. рис. 22).

Следует отметить способы ношения рубашки. У казанских татар и башкир пестрядинная рубашка носилась женщинами совсем без пояса. У кряшен, марийцев, удмуртов и чуваш пестрядинную рубашку обычно подпоясывали, но пояс одевали без напуска рубашки, спускавшейся до щиколоток ног женщины. С ней продолжали носить, но в уменьшенном и отмирающем виде, те поясные украшения, которые достигли разрастания при ношении старинной, белой вышитой рубашки. Эти поясные украшения и поясные подвески мы рассмотрим подробнее в специальном разделе. Пока необходимо лишь отметить, что для белой, вышитой чувашской рубашки, которая сохранилась в районах, занимаемых анат енчи (средненизовыми чувашами), очень характерно ношение на поясе вышитых кусков ткани — «сарай» — и кистей из шерсти и бисера, называемых «хуре». Их продолжают носить и с пестрядинной рубашкой, но они уже потеряли былую величину и художественность вышивки. На севере Чувашской республики — в Ядринском и Чебоксарском уездах — мы застаем, взамен старинной чувашской рубашки анат енчи, другую рубашку и иной комплекс одежды.

в) Рубашка верховых чуваш-вирьял и горных марийцев. Рубашка эта по своему покрою настолько приближается ко второму типу, что если бы мы брали только один покрой, у нас не было бы оснований связывать ее с 1-м финским типом. Но, как уже упоминалось, важно обратить внимание на способ ношения рубашки, сочетание ее с другими частями костюма. Вот эти-то признаки роднят рубашку верховых чувашек и горных мариек с рубашкой марийской и мордовской. Рубашка горных мари и чуваш-вирьял, — впрочем, не только

³⁸ Н. И. Воробьев. Некоторые данные по быту крещеных татар (кряшен) Челнинского кантона ТАССР. «Вестник научного общества татароведения», Казань, 1927, № 7, стр. 166.

рубашка, но и весь комплекс одежды, — отличается как от общечувашского, так и от марийского, являясь их своеобразным сочетанием.

Такое единообразие костюма создано в результате тесного взаимодействия живших в данном районе групп населения, одна часть которых говорит на чувашском языке и относится по этому признаку к чувашам, другая же — к марийцам.

Не случайно целый ряд селений Ядринского уезда, которые считались в XIX в. чувашскими, в старых писцовых книгах значились как черемисские, т. е. марийские. Так, например, в жалованной грамоте Алексея Михайловича, данной в 1673 г. «по челобитной черемиски деревни Ядрина», село Ядрино рассматривается как марийское.

Чувашские поселения по берегу Волги до самых Чебоксар чувашами Шуматовской волости (Ядринский и Чиганарский приходы) называют, по свидетельству В. К. Магницкого, «черемисской стороной»³⁹. Таким образом, эти данные как будто говорят о том, что район был заселен населением, которое довольно поздно слилось с остальными чувашами.

Но вместе с тем в этом районе были сравнительно недавно формы одежды, близкие и чувашам анат енчи.

Первый чувашский историк-этнограф середины XIX века Спиридон Михайлов, хорошо знавший быт своих соотечественников, утверждал, что у женщин Козьмодемьянского уезда, которые носили в его время вирьяльский костюм, «костюмы в старину были такие, какие ныне у низовых чуваш Цивильского и Чебоксарского уезда», т. е. они носили вышитые рубашки и те же головные уборы — хушпу и тухью, что и «низовые» (по нашей терминологии, «анат енчи», — Н. Г.) чуваша. Далее он указывает, что «здесьние чуваша (т. е. Козьмодемьянского уезда. — Н. Г.) впоследствии переняли костюм от черемис, однако у иных и поныне хранятся старинные наряды, такие, какие употреблялись у низовых чуваш»⁴⁰.

К тому времени, когда он писал, т. е. к середине XIX в., современный вирьяльский костюм уже получил широкое употребление и мало отличался от того, каким мы застаем его в XX в., судя по довольно подробному описанию В. Лебедева костюма чувашки присурского села Штанаши, Симбирской губ., соседящего с Козьмодемьянским уездом⁴¹.

³⁹ В. К. Магницкий. Из поездки в село Шуматово, Ядринского уезда, Казанской губернии. ИОАИЭ, т. III, Казань, 1880.

⁴⁰ С. М. Михайлов. Краткое этнографическое описание чуваш. «Казанские губернские ведомости», 1853, № 20.

⁴¹ В. Лебедев. Симбирские чуваша. «Журнал Министерства внутренних дел», 1850, ч. XXX, № 6, стр. 303—355.

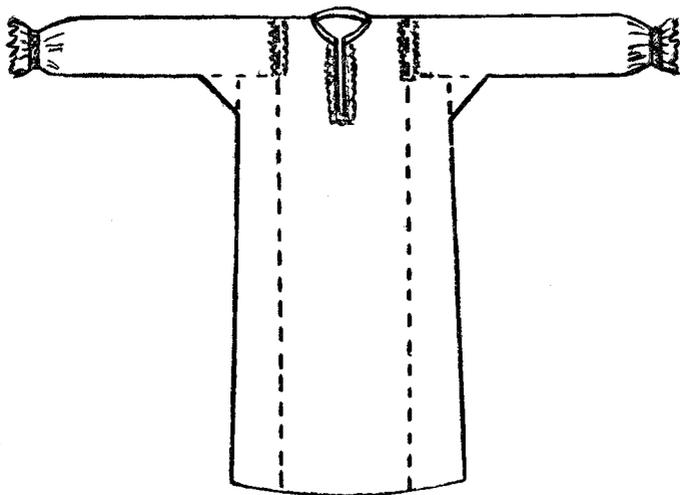
Описание это в целом дает столь характерное впечатление вирьяльского костюма, что позволительно здесь привести его почти целиком, хотя некоторые его части непосредственного отношения к рубашке не имеют, и мы вернемся к ним при описании головных уборов.

«Волосы чувашки причесаны очень гладко, так что даже лоснились и, кажется, примочены для эффекту пивом, ряд пронят совершенно прямо. Поперек головы, к ушам, проложена лента домашнего изделия из разноцветных шерстей, и голова ничем более не покрыта. К концам ленты и вместе к ушам спереди прицеплен тонкий треугольный кусок холста, висящий под подбородком — знак замужней. К концу, висящему на грудях, привешена «хошна» (?): это продолговатый четырехугольник кожи длиною около 3-х вершков, шириной 2 вершка, покрытый рядами маленьких серебряных монет. Другой четырехугольник привешен к первому, пониже, вдвое больше, унизан также и такими же монетами. Обе хошны длиною своею лежат поперек груди. Рубаха — тонкого чистого белого, как снег, холста, вышита по рукавам, воротнику и подолу разноцветными шелками и цветами и опоясанная два раза черным шелковым поясом. На концах, спущенных по левой стороне, висят длинные густые кисти черного шелка с гребенкой зеленой меди и длинными кистями разноцветного бисера. Ноги, от колен до лаптей, увиты онучами тонкого черного сукна, раз в 10, так что от лаптя до колен нога делается толщиной вершков в 5. Поверх онуч и ниже рубахи, которая спущена только до колена, виднеются холщовые штаны. Вообще, все чувашки носят холщовые штаны, а длинные свои рубахи, опоясывая по середине, вздергивают сверх пояса, чем образуется со всех сторон что-то вроде огромной пазухи»⁴².

Продолговатый четырехугольник кожи, который В. Лебедев по ошибке называет «хошна», является, конечно, составным нагрудным украшением «шўлкеме», состоящим из рудимента сьюльгама «сурпан сакки», который видим мы действительно подвешенным к сурпану, и второго куска кожи, который у современных вирьял, собственно, и называется шўлкеме и представляет собою нагрудник.

Помимо характерного для вирьял и горных мари головного и нагрудного украшения, сама рубашка совпадает с современной вирьяльской и горномарийской своими основными особенностями: она носится высоко подобранной, имеет большую пазуху, сочетается с толстыми обернутыми онучами ногами, открытыми до колен и, судя по описанию, не имеет, как и современная вирьяльская и горномарийская рубашка, окаймленных красной лентой продольных швов.

⁴² В. Лебедев. Симбирские чувашки. ЖМВД, 1850, ч. XXX, № 6, стр. 303.

Рубашка чуваш-вирьял. Чертеж № 8.

Вирьяльская рубашка уже бывала в Норусовской волости в начале XIX века; в Чувашском краеведческом музее имеется экземпляр такой рубашки из деревни Малдыкасы (колл. № 1196). Это туникообразная рубашка с одним основным полотнищем и цельными, без клиньев, боковыми полотнищами. Продольные швы не окаймлены красной полоской ткани, и только на плечах, до ластовки рукава, идет узкая вышивка и пришита полоска узорного тканья. Подол обшит тканой зеленой полоской и узкой вышивкой. Шейный вырез ворота без обшивки и вышивки; грудной разрез несколько сбоку, как на марийских рубашках, вдоль него вышивка 4 см ширины, сделана алым шелком и черной шерстью, плотного шитья. В заметке собирателя отмечено, что рубашка бывала в 20 годы XIX века (чертеж № 8).

На вирьяльской рубашке, вообще довольно бедной по орнаменту, вышивка сохраняется на обшлаге рукава, грудном разрезе и вдоль плечей, начинаясь спереди, от подмышек, и проходя на спине по лопаткам.

По линии шва делается узкая вышивка черной шерстью «хулси тёрри», орнамент которой приближается к такой же вышивке вдоль швов на рубашках анат енчи, где она делается зеленого цвета. Наиболее распространен узор «ухмах тёр». Параллельно с вышивкой в бывшей Тораевской волости нашиваются на рубашку «хулси», шерстяные ленты 2 — 3 см ширины. Это тесьма, тканная в несколько

цветов продольными полосами на особом станке для поясков или на дощечках-клюшках, как ткнут пояса.

В Аликовской волости хулси не нашиваются, а вышивка хулси тёрри делается несколько крупнее и не только черного, но и красного цвета. На рубашках у многих этнических групп Поволжья обязательно окаймление продольных швов вышивкой или нашивкой красных полос.

У горных мари бывшего Козьмодемьянского уезда также нашивались ленты, подобные хулси Тораевской волости. (См. рис. 23).

Можно предполагать, что орнаментировка шва только вдоль плеча у вирьял появилась в связи с более поздней формой одежды, где орнамент сохранился лишь в самой важной части. Работа Н. П. Гринковой о производственном значении руки и ее защите магическим орнаментом дает объяснение сохранению орнамента вокруг руки, когда его уже перестали вышивать по остальным швам⁴³.

Стиль рубашки горномарийского и вирьяльского типа может быть объяснен поздним скрещением рубашек первого и второго типов, когда орнаментация и покрой их сохранились лишь как традиция, как культурный рудимент, не отвечающий непосредственной идеологии этой общественной группы. Поздний момент скрещения в создании вирьяльского костюма еще нагляднее, чем в рубашке, будет виден в головном уборе, к которому мы вернемся в дальнейшем. Весь вирьяльско-горномарийский комплекс одежды может служить примером динамики: одежда, сохраняя в отдельных элементах очень древние традиции, не хранится недвижно, а продолжает все

Рис. 23. Женщина горных мари (Царевококшайский уезд Казанской губ.).
ГМЭ, coll. № 1086—49.

⁴³ Н. П. Гринкова. Отражение производственной деятельности руки в русской орнаментике. «Советская этнография», 1935, № 1.

время претерпевать изменения, в которых отражаются местные условия и местные общественные отношения. Описываемая одежда с равным правом может быть отнесена и к верховым чувашам и к горным мари. Национальное своеобразие чувашской одежды проявляется в наиболее древней рубашке, сохранившейся в средней части ЧАССР, где чуваша обитают плотной массой почти без вкраплений других народностей. Мы можем достаточно точно установить, когда на смену белой рубашке пришла рубашка пестрядинная, приняв на себя следующие атрибуты, характерные для старинной чувашской нательной одежды женщин и девушек. 1) Пестрядинная, как и белая, рубашка у чуваш носитя с поясом («писџи» и «писиххи») и поясным украшением «сарӑ», но не стягивается в напуск, а свободно лежит, прикрывая ноги до самых щиколоток. В связи с тем, что ноги прикрыты рубашкой, они не обертываются толстыми суконными онучами, а обуются только в портянки, легкие онучи или чулки.

2) Рубашки не имеют нагрудной застежки — фибулы, но имеют большое количество нагрудных и шейных украшений, связанных с устройством ворота. (См. ниже стр. 83, 91—92).

3) В старину под рубашкой у чуваш обязательно имелся (кое-где сохранился до последнего времени) особый нагрудник, кусок холста, одеваемый на тело и завязывавшийся сзади тесемками на шее и внизу, под лопатками.

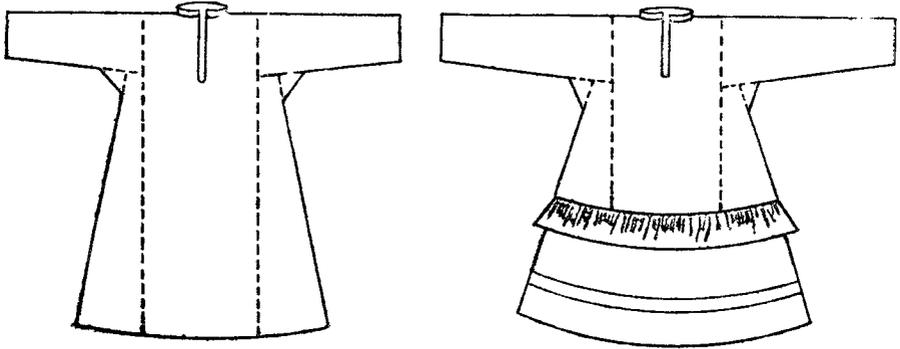
Последнее время у чуваш такой нательный нагрудник почти не носился, но память о нем сохранилась. У других же народностей, имеющих рубашку второго типа, женщины обязательно носили нагрудник.

РУБАШКИ КАЗАНСКИХ ТАТАР И МИШАРЕЙ

а) Татарская рубашка-платье. На первый взгляд резко отличающиеся женские кульмэки — платья казанских татар и башкир — при ближайшем рассмотрении оказываются тесно связанными с рубашкой низовых чуваш. Н. И. Воробьев в монографии по материальной культуре казанских татар описывает три группы кульмэков⁴⁴. 1-я группа имеет тот же покрой, что и татарская мужская рубаха, совершенно аналогичный кряшенскому кульмэку, т. е. совпадает с пестрядинной чувашской, новой марийской и удмуртской рубашками. У нее одно основное полотнище, расширяющиеся к низу боковые полотнища, прямые рукава с ластовками, прямой разрез посредине груди, обшитый ленточками, и волан на подоле (см. чертеж № 9, стр. 57).

Во второй группе кульмэков волан поднимается до половины бе-

⁴⁴ Н. И. Воробьев. Казанские татары (Этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода). Казань, 1953, стр. 238—239 и след.

Татарский кульмэк 1 и 2 типов (по Н. И. Воробьеву). Чертеж № 9.

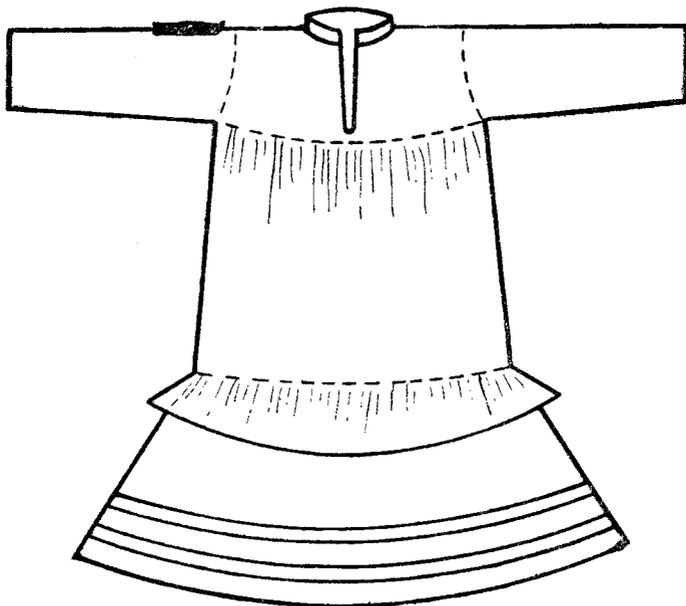
дер, до талии, а иногда до уровня груди. Но та часть покроя, что над воланом, имеет основное полотнище, к которому под прямым углом, без выкроенной проймы, пришиваются рукава с ластовками.

Наконец, кульмэк третьей группы состоит из трех частей: 1) плечевой части, которая здесь делается уже столь короткой, что превращается как бы в кокетку; 2) промежуточного широкого остова в мелкую сборку, пришивающегося к кокетке и спускающегося до колен, и 3) подола, состоящего из нескольких воланов. Рукава на кульмэках этого типа часто имеют вырезанную на европейский манер пройму, в чем сказывается их связь с городскими модами. Этот кульмэк был по преимуществу одеждой городских татарок (см. чертеж № 10, стр. 58).

Шейная обшивка ворота у кульмэков всех трех групп делалась стоячей, но очень низкой, не выше 1 см, и застегивалась крючком у самой шеи. Грудной разрез прямой, находившийся на самой середине груди, не имел ни подполки, ни застежки и носился всегда с нагрудником.

Кульмэки первой группы были распространены в глухих деревнях. «Сравнив с прошлым, — писал Н. И. Воробьев, — мы видим, что старинный татарский кульмяк был таков же у горожанок и представляет собою особый местный вариант общетурецкого кульмяка, имеющего ряд влияний узкой и короткой финской рубашки.

Этот вариант сложился отчасти, по-видимому, под влиянием узкого материала холста и пестряди, из которого кряшены до сих пор, а татары в прошлом, шили свои кульмяки. Только новые фабричные ткани вернули татарский кульмяк к его туркестанскому типу, но с возвратом к местным формам, путем ряда переходов. Кряшенские

Татарский кульмак 3 типа (по Н. И. Воробьеву). Чертеж № 10.

и татарские рубашки, таким образом, являются вариантами одного и того же типа»⁴⁵.

Соглашаясь с Н. И. Воробьевым относительно влияния на покрой татарской рубашки производственного момента узкого домотканого материала, видеть на ней ряд влияний финской рубашки нет оснований. Узкий домотканый материал использовался и для старинной одежды народов Средней Азии, и там женская одежда из домотканины не была столь широкой, как это мыслит Н. И. Воробьев. В коллекциях ГМЭ мы видим туркменские рубашки, очень близкие по крою и ширине к рубашкам народов Поволжья (см. ниже стр. 63).

У казанских татар и башкир рубашка продельвает эволюцию, во время которой волан, поднимаясь до пояса или даже до высоты груди, превращает кульмак в необычайно широкую, почти похожую на кринолин одежду.

Н. И. Воробьев считает эту одежду «возвратом к туркестанскому типу»⁴⁶ или даже «сохранением прежних форм общетурецкой одеж-

⁴⁵ Н. И. Воробьев. Кряшены и татары (материалы по сравнительной характеристике быта). Журн. «Труд и хозяйство», Казань, 1929, № 5, стр. 8.

⁴⁶ Там же.

ды»⁴⁷, а узкий кряшенский кульмэк финским влиянием, где «постепенное удлинение верхней части кульмэка и, сообразно с этим, опускание юбки, создающей подол, постепенно приводит как бы к финской короткой и узкой рубашке, к которой пришта оборка, удлиняющая ее почти до земли и резко расширяющая подол»⁴⁸. Объяснения, чем вызвано влияние финской рубашки и каков был покрой домотканой рубашки, которую носили в старину татары, автор не дал. Нам представляется гораздо более правдоподобным считать, что оборка не спускалась вниз, а, наоборот, поднималась вверх, постепенно превращая древнюю рубашку в широчайшее платье.

Поднималась она по очень понятным причинам: волан стал делаться из покупной материи. Не ограниченная шириной кросен, на которых ткнут, широкая покупная фабричная материя дала возможность делать волан любой произвольной ширины. Татарское купечество, приобретающее богатые фабричные шелка для своих женщин, следовало общему стремлению европейской моды XVIII—XIX вв. к возможно более пышной женской одежде. Эта мода была одинаково близка и любой другой социальной верхушке: пышная одежда, затрудняющая движение и требующая многих метров дорогой материи,— это символ, символ женщины богатой, могущей носить многие аршины шелков, чем больше, тем лучше, и не работающей. Она может не двигаться и не трудиться, она достаточно изящна, чтобы быть игрушкой, эстетическим произведением.

Многоволанный и широчайший кульмэк городской татарки XIX века отличался от кульмэка татарской крестьянки гораздо больше, чем пестрядинная рубашка чуваш или мари. Вместе с распространением ситца в деревне появился кульмэк покроя широкой ситцевой юбки (чему, быть может, способствовало еще бытование почти аналогичной юбки-сарафана в русских деревнях), но он утратил там пышность и влияние европейского города, который мы наблюдаем в кульмэках 3-й группы, по классификации Н. И. Воробьева.

Такое объяснение изменений татарской рубашки более правдоподобно потому, что покрой одежды всегда связан с материалом, из которого она шьется: широчайший сборчатый волан юбки не мог родиться из узкой домотканой материи.

Убедительным доводом, подтверждающим сравнительно недавнюю эволюцию кульмэка казанских татар от 1-й к 3-й группе (по классификации Н. И. Воробьева) является рассмотрение рубашек других групп волжских татар.

⁴⁷ Н. И. Воробьев. Материальная культура казанских татар. Казань, 1930, стр. 336.

⁴⁸ Там же, стр. 335.

Мишарская рубашка. В коллекциях бывшего Музея Центрально-промышленной области имелся экземпляр белой домотканой рубашки сасовских мишарей, бывшей Рязанской губернии. Она туникообразного покроя 2-го типа, с расширяющимся книзу боковыми полотнищами. Грудь вокруг грудного разреза, обшлага рукава и подол ее вышиты шелками. Швы боковых полотнищ соединены с основным полотнищем и между собой плетеной прошивкой, подобно тому, как в старинной чувашской рубашке они покрыты алой тесьмой.

Основное отличие этой рубашки в том, что шейный вырез ее обладает не узкой обшивкой, как кульмэк казанских татар, а имеет широкий отложной воротник.

С подобным же отложным воротником шились и пестрядинные кульмэки сергачских мишарей, в остальном совпадающие с вышеописанной нами, общей для многих народностей Поволжья, пестрядинной рубашкой.

Проф. С. П. Толстовым в 1930 г. была подобрана коллекция, демонстрирующая эволюцию мишарской женской одежды от туникообразной рубашки до настоящего платья с воланом, превратившимся в юбку, пришитую к остову рубашки на высоте груди (материалы бывш. Музея ЦПО в Москве).

Наибольший интерес представляют при этом две старые формы мишарских рубашек: 1) «дюли-кульмэк» — пестрядинная рубашка, со столь характерным подчеркиванием продольных швов кумачными полосами и кумачными же аппликациями на груди и по подолу. Этот тип рубахи чрезвычайно близок к рубашке чуваш, живущих по р. Черемшан или в районе Челым (как она зарегистрирована Э. А. Порет в 1929 г.)⁴⁹, а также к чувашским рубашкам, которые наблюдались А. Н. Львовой и нами в деревне Старые Чукалы Шемуршинского района Чувашской АССР летом 1957 г.

2) «Аласы-кульмэк» — рубашка того же покроя из клетчатой материи без обшивки швов красным. По подолу ее пришит широкий волан, грудной разрез имеет нагрудное украшение «кюкрек»⁵⁰.

С. П. Толстов совершенно правильно отметил, что пестрядинная мишарская рубашка, с ее широким отложным воротником, чрезвычайно сильно напоминает башкирскую. Правда, в женской башкирской рубашке отложной воротник отсутствует и бытует стоячий воротничок-обшивка, как в татарских кульмэках, но для мужской башкирской рубашки, одинаковой с женской по основному покрою, отложной воротник очень характерен.

⁴⁹ Рукописные материалы экспедиции ГАИМК в 1929 г.

⁵⁰ С. П. Толстов. Нацмены ЦПО. М., 1928, стр. 24.

Близость рубашки Шемуршинского района и мишарской рубашки сказывается и на более старинной белой рубашке села Старые Чукалы, — там, как и в мишарской рубашке, продольные швы покрыты не красной полосой ткани, а прошивкой, плетеной из красных с белым ниток (см. рис. 17 и 18, стр. 40—41).

БАШКИРСКАЯ РУБАШКА

Башкирская рубашка достаточно подробно описана в известной книге проф. С. И. Руденко о башкирах⁵¹, а поэтому остановимся на ней лишь кратко.

Наиболее древним вариантом башкирского женского кульмэка является старушечья рубашка зауральских башкир с широкими рукавами, ластовицами и расширяющимися книзу в форме клиньев боковыми полотнищами. Шейный вырез в ее основном полотнище имеет невысокую обшивку, образующую стоячий воротник. Прямой грудной разрез дугообразно обшивается несколькими полосами цветных лент и полосок материи, как мы видели на рубашках мишарей и низовых чуваш.

Башкирская рубашка другого варианта состоит из двух частей: верхней — того же покроя, что и вышеописанная, и нижней — «как бы юбки, не имеющей клиньев и собранной в сборки у пояса»⁵². Мы встречались уже с этим покроем в кульмэках казанских татар и видели на кряшенско-татарском материале, как юбка вырастает из постепенно расширяющейся простой оборки или волана на подоле рубашки, а потом, с распространением покупной материи, волан делается еще шире и поднимается до талии (у башкир) или даже до середины груди, как часто встречается у казанских татарок (чертеж № 11, стр. 62).

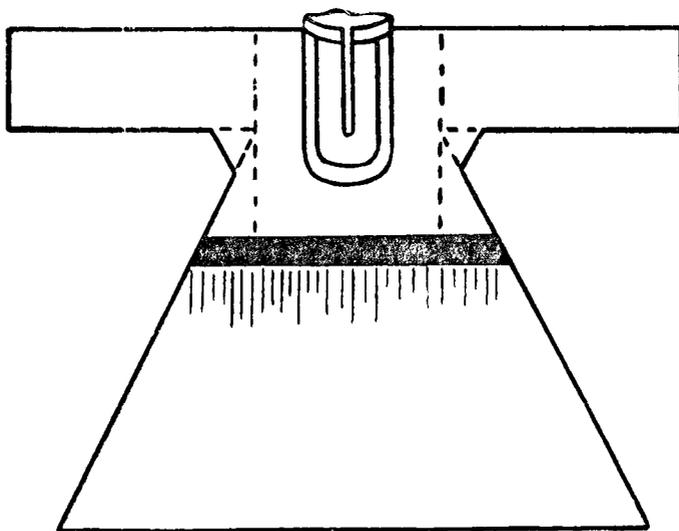
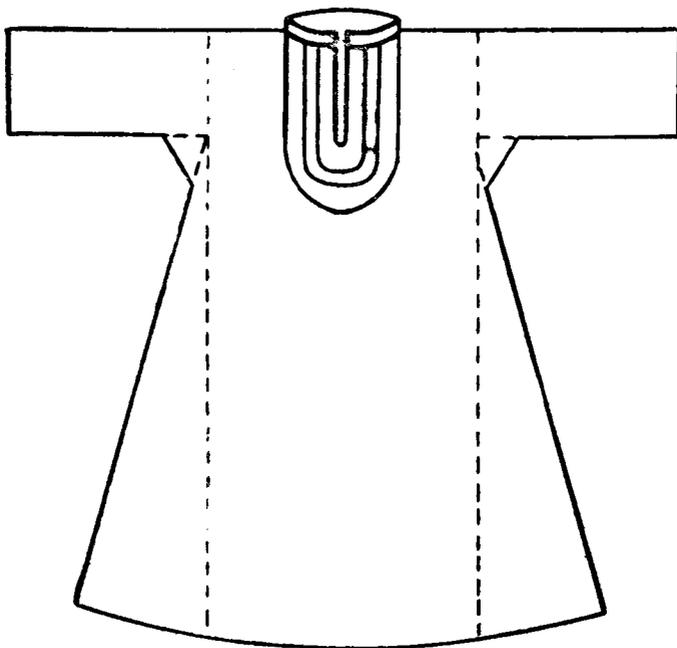
Третьим вариантом башкирского кульмэка, бытующим в центральной и северо-западной части Башкирии, является усложнение волана-юбки тем, что сверху нашивается еще одна, украшенная ленточками оборка, сантиметров 20 ширины. С подобным вариантом кульмэка мы также встречались у казанских татар.

Таковы формы женского кульмэка башкир, описанные проф. С. И. Руденко, но автор отмечает, что по описанию П. С. Палласа башкирки XVIII в. ходили «в полотняных вышитых сарафанах»⁵³. «Сарафан» этот был, конечно, холщовой, вышитой рубашкой, которую носили башкирки. Вышивки сохранялись еще до половины XIX сто-

⁵¹ С. И. Руденко. Башкиры. Историко-этнографические очерки, М. — Л., 1955, стр. 177—179.

⁵² Там же, стр. 178.

⁵³ П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1786, ч. 2, кн. 1, стр. 98.

Башкирский кульмэк (по С. И. Руденко). Тип. 1— бурзяне,
тип. 2— гайинцы. Чертеж № 11.

летия, когда В. М. Черемшанский писал, что башкирки украшают культи всевозможными шелковыми и бумажными вышивками⁵⁴.

Современное украшение грудного разреза рядами шелковых ленточек пришло на смену вышивке вокруг этого разреза, как мы видели это и на чувашских рубашках.

Бытование того же типа рубашки, что и пестрядинная рубашка народов Поволжья, уходит далеко в Среднюю Азию. Мы находим ее у казахов, встречаем в женских рубашках узбеков и таджиков, почти тождественная рубашка встречается и у разных туркменских племен, как показывают коллекции ГМЭ.

ТУРКМЕНСКАЯ РУБАШКА

В ГМЭ имеется целый ряд старых туркменских рубашек, принадлежавших разным племенам. С. М. Дудиным в 1901 г. была собрана одежда племени теке Мервского и Ашхабадского оазисов и племени сарыки Шахтабадского оазиса. Опишем рубашки этих коллекций: 1) рубашка девушки теке (колл. № 12-114). Длинная, покрывающая ноги рубашка из красной бумажной домотканы «алача». Материя ткани с ярко-желтой кромкой, и рубашка сшита через край, так что кромка остается снаружи, оттеняя шов. В основном полотнище сделан овальный шейный вырез и прямой грудной разрез. Грудной разрез украшен узкой вышивкой. Вокруг нее располагаются овалом металлические бляшки и серебряные монеты, как на татарских и башкирских «изу» (см. ниже стр. 91). Шейный вырез не имеет обшивки и завязывается тесемочками, оставляя без подполки щель грудного разреза. К основному полотнищу пришиты прямые рукава с треугольными ластовицами. Под рукавами, вплоть до низу, идут боковые полотнища резко расширяющимися клиньями. Они пришиты так, что желтая кромка подчеркивает шов. Рубашка носится совсем без пояса. (См. рис. 24, стр. 64).

Приведем описание другой рубашки из этой же коллекции.

2) Рубашка девочки («кйнек») племени теке (колл. № 12-III). Длина 114 см, ширина точки 35 см, длина рукава 52 см. Материал — бумажная алача, у которой основа и уток красно-синие, образуют мелкие клетки. Общий тон одежды — сине-фиолетовый. Желтые узкие кромки оттеняют швы. Покрой — туникообразный, 2-го типа. Под рукавами треугольные ластовицы. Грудь и спина на подоплеке из редкой домотканы «маты» коричневого цвета. Воротник — невысокая стойка из красного сукна. Грудной разрез окантован черной шерстяной плетеной тесьмой «джияком» и мелкой вышивкой.

⁵⁴ В. М. Черемшанский. Описание Оренбургской губернии в хозяйственном, статистическом, этнографическом и промышленном отношении. Уфа, 1859, стр. 155.

Рис. 24. Туркменская девушка в пестряди-
ной рубашке с перевязью через плечо.
ГМЭ, колл. № 12-114. Фото А. А. Грекшина.

ка — «көйнек», от **иомудов** Красноводского района (ГМЭ, колл. № 5975-15). Сшита из шерстяного бордового цвета кашемира. Покрой характерный для 2-го типа туникообразной рубашки. Рукава, пришитые к основному полотнищу, суживаются у кисти. Овальный шейный вырез и прямой грудной разрез. Воротник — низенькая стойка. Рубашка сшита на швейной машинке. Следует отметить примечательное: все продольные швы подчеркнуты машинной строчкой белыми нитками. Ворот и рукава тоже несколько раз простроены на машинке фигурным швом. Строчной шов машинки заменил здесь вышивку. Техника шитья изменилась, но традиция подчеркивать определенные места одежды продолжает существовать. Очевидно, эта традиция связывалась не только с техникой ткани и шитья, но и с какими-то иными мотивами.

5) Женская рубашка туркмен-гокленов (ГМЭ, колл. № 22503,

3) Рубашка девушки (колл. № 13-4; сарыки, Шахтабадский оазис). Материал — бумажная синяя домотканная мата. Покрой туникообразный 2-го типа. Длина 135 см, ширина точи 29 см, длина рукава 73 см. Рукава пришиты к основному полотнищу с треугольными ластовками из мелко-клетчатой красно-фиолетовой ткани. Широкие боковые полотнища клиньями подходят к основному полотнищу, давая резкое расширение подола. Рубашка на подоплеке из маты кирпичного цвета с мелким рисунком. Воротник — невысокая стойка красного сукна. Грудной разрез окантован черной шерстяной тесьмой и узким шелковым красным шнурком. Вокруг грудного разреза и воротника мелкая вышивка белыми нитками — точки и штрихи.

Более новые коллекции одежды туркмен, привезенные в 1937 г., дают следующие материалы: 4) женская рубаш-

кн. 43149 бив. Музея народов СССР). Из красного шелка местного производства, 2-го типа туникообразного покроя. Треугольные ластовки из черной фабричной ткани. Овальный шейный вырез и прямой грудной разрез. Воротник — стойка из черного сатина, крепляется двумя нитяными петлями, куда продевают шнуток. Грудной разрез обшит вышивкой мелкого узора.

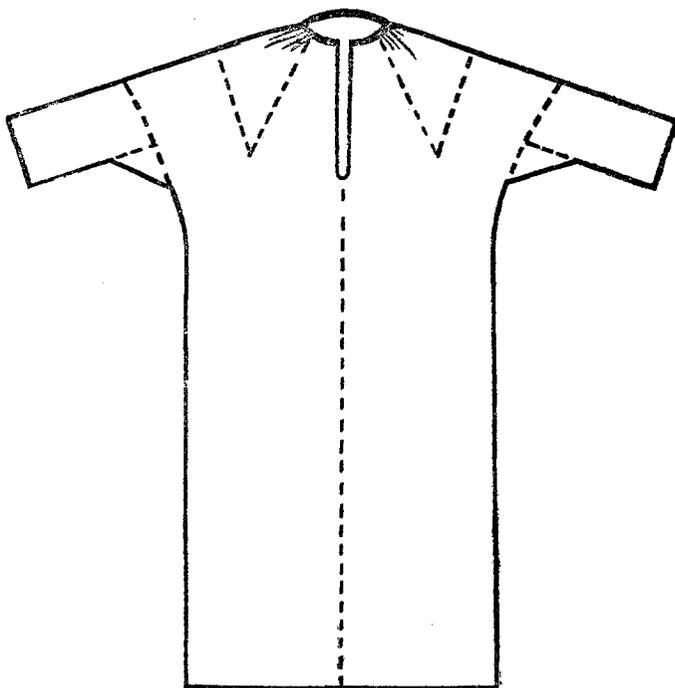
Все эти описания туркменских рубашек любезно были предоставлены нам А. С. Морозовой. Здесь мы не даем подробного описания туркменских рубашек, так как они приводятся лишь как иллюстрация широкого распространения рубашки 2-го типа туникообразного покроя. Возникает вопрос: быть может, этот покрой ничего не может дать в смысле выяснения этногенетических связей? Быть может, это один из приемов рационального использования ткани, и он естественно приходит в голову женщине, когда она имеет в употреблении ткань определенной ширины? Но материал говорит против этого предположения, так как это не единственный прием в использовании ткани, ширина которой, связанная с техникой производства на ручном станке, всюду почти одинакова: ширина ткани (от 27 до 37 см) естественно вызвана тем, что берда делаются такой ширины, чтобы положенные на их края руки ткача находились на ширине грудной клетки: если расширять или сужать руки, очень затрудняется движение. Поэтому ширина производимой вручную ткани и устройство ручного стана почти у всех народов имеют примерно одинаковые размеры, зависящие от размера грудной клетки и движений рук ткача. Но в том, как использовать полученную ткань для шитья одежды, мы наблюдаем три основных приема: 1) в основу одежды взяты два полотнища, перекинутые через плечи, полотнища сшивают между собой и к ним пришивают рукава. Это создает одежду, которую мы называли туникообразной 1-го типа (пример — старинные рубашки мордвы-эрзи).

2) В основу одежды взято полотнище, перекинутое через плечи, к которому пришивают рукава и под рукавами расширяющие одежду клинья боковых полотнищ. Это рубашки 2-го типа (пример — чувашская старинная рубашка).

3) В основу одежды берут два полотнища, отрезанные друг от друга, и так как рукава доходят до шеи, полотнища, прикрывающие спину и грудь, пришиваются под рукавами (пример — севернорусская женская рубашка).

Эти приемы дают многочисленные варианты и сочетания, но таково три различные приема, положенные в основу кроя.

Проф. С. П. Толстов в своей ранней работе высказал удачное предположение, что южнорусская и мешерская женские рубашки с косыми поликами — это вариант туникообразной рубашки с разросшимися наплечными вышивками, позднее замененными кумачными

Мещерская рубашка. Калужский вариант (по Н. И. Лебедевой). Чертеж № 12.

вставками⁵⁵. Кумачные вставки, пришедшие недавно, — замена вставок из вышивки или тканых браньем вставок, которые еще и до последнего времени сохранились на рубашках русской мещеры, бывш. Беднодемьяновского уезда Пензенской губернии. Там чрезвычайно разросшиеся «косы полики» и длинные рукава праздничной рубашки делались из точива, бранного белыми выкладками по красной бумажной нитке. Старушечьи и будничные рубашки имели белые, слегка вышитые шерстью по краям полики (Материалы экспедиции ГАИМК, 1928 г., Н. Ф. Прыткова и Н. И. Гаген-Торн).

Туникообразность рубашки с косыми поликами в том варианте ее, который приводит Б. А. Куфтин, остается затушеванной и неясной, но вариант этой рубашки, бытующей в районе Десны и верховьев Оки

⁵⁵ С. П. Толстов. К проблеме аккультурации. «Этнография», 1930, № 1, стр. 74.

и описанной Н. И. Лебедевой⁵⁶ и в западной части Калужской губ. Н. П. Гринковой⁵⁷, настолько ясно связан по покрою с 1-м типом туникообразной рубашки, что не может возбуждать никаких сомнений. (См. чертеж № 12, стр. 66).

Старинная рубашка этого района имеет очень устойчивое расположение точек холста двумя основными полотнищами, которое Н. И. Лебедева даже предложила назвать «калужским»⁵⁸, в противовес расположению точива с одним полотнищем, которое она наблюдала в Тульской и Смоленской губ., и отсутствию какого-либо устойчивого расположения их в Рязанской губ. Помимо расположения полотнищ, в ряде сел рубашка эта сочетается а) с обычаем обуваться толсто, обматывая ноги онучами и черными оборами. б) с ношением большой пазухи — напуском подтянутой рубашки. Все это приближает ее к 1-му типу. Связь ношения рубашки с косыми поликами и шерстяных, по большей части черных обор существовала во всех районах, обследованных Н. И. Лебедевой⁵⁹, а также в районе наших исследований по русской мешере, вдоль бассейна реки Выши (быв. Спасский уезд, Пензенской губ. Экспедиция ГАИМК 1928 г.).

Наиболее существенным отличием рубашки с косыми поликами от характерного типа туникообразной рубашки с 2-мя основными полотнищами является устройство ее ворота: ворот этот, плотно прилегающий к шее и имеющий прямой грудной разрез, отличается от туникообразной рубашки тем, что он собирается в сборки вокруг шеи и обязательно имеет хотя бы узенькую обшивку, которая его в эти сборки собирает, совпадая в этом с севернорусской рубашкой совершенно другого происхождения. Таким образом, разрастание наплечных вышивок дает один вариант туникообразной рубашки 1-го типа.

Другим вариантом можно считать старинную ижорскую рубашку, которая описана в работе Н. Ф. Прытковой «Одежда ижор и води»⁶⁰. Весьма интересная эта работа, давая описание старинной, вышедшей из употребления ижорской рубашки, указывает на следующий покрой ее: рубашка в том виде, как она сохранилась, состоит из 2-х частей — верхней, сделанной из более тонкого холста, и нижней «станушки», начинающейся от пояса и сделанной из холста более грубого. (См. чертеж № 13, стр. 68).

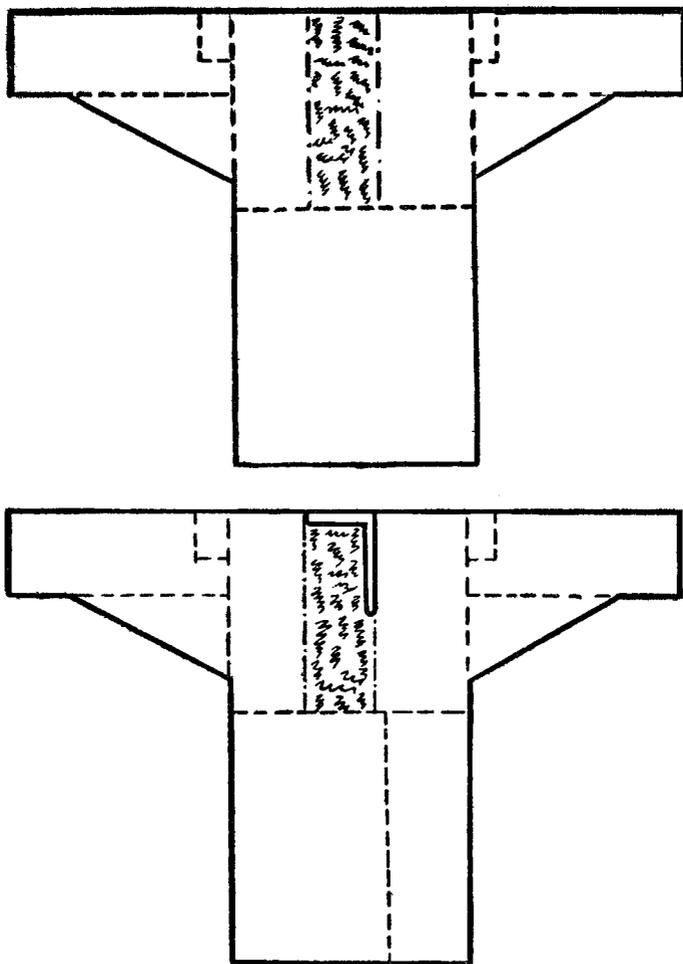
⁵⁶ Н. И. Лебедева. Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки (Этнологическая экспедиция в Брянской и Калужской губерниях в 1925 и 1926 годах), ч. 1., М., 1927, стр. 15.

⁵⁷ Н. П. Гринкова. Одежда западной части Калужской губернии. «Материалы по этнографии России», т. III, вып. 2, Л., 1927, стр. 17.

⁵⁸ Н. И. Лебедева. Народный быт в верховьях Десны, стр. 15.

⁵⁹ Там же, стр. 139—143.

⁶⁰ Н. Ф. Прыткова. Одежда ижор и води. Западнофинский сборник. «Труды КИПС АН», Л., 1930.

Ижорская рубашка. Перед и спина (по Н. Ф. Прытковой).
Чертеж № 13.

На рубашках, утративших значение самостоятельной верхней одежды, нижняя часть, прикрываемая юбкой или сарафаном, делается обычно из более грубой материи. Таким образом, «станушка», вероятно, более поздняя часть, вызванная тем, что ижорки носят сарафан и, как справедливо замечает автор, «это дает нам право на опи-

сываемой рубахе откинуть нижнюю часть (станушку) и попытаться восстановить первоначальный тип. Тогда, продолжив верхнее полотнище до подола, мы получим тот распространённый тип рубахи, который Б. А. Куфтин называет туникообразным»⁶¹. Уточняя дальше, следует сказать, что мы получим как раз переход от 1-го ко 2-му типу волжского покроя рубашки: мы имеем два полотнища, перекинутые через плечи, которые спускаются к подолу совершенно прямо, сшиты на боках и имеют пришитые к ним под прямым углом рукава с ластовками, так, как мы это имеем в 1-м типе, например, на мордовской рубашке. Но между ними вставлено на груди узкое полотнище, в 1/3 точива шириной, спереди все сплошь, а на спине лишь по краям зашитое вышивкой. Грудной разрез идет на месте соединения этого узкого полотнища с основным боковым полотнищем. Таким образом, мы получаем боковой грудной разрез рубашки, который бытует и на марийской рубашке, сохранившей ту же архитектуру вышивочного орнамента, что у рубашки ижор.

У мари, как и у ижор, полоса по середине груди зашита сплошным шитьем, но вышивка расположена на основном полотнище; узор шитья сплошной вышивки у ижорской рубашки, «состоящей из восьмиконечных розеток, исполненных гладкой черной шерстью и красной бумагой», как описывает автор, близок к типичным мотивам марийского орнамента.

Нам кажется довольно правдоподобным предположить, что марийская и ижорская рубашки являются тоже как бы звеньями, вариантами рубашки 1-го типа.

Рубашка имела различные варианты, создавшиеся под влиянием разрастаний той или иной части вышивок.

В одном варианте вышивка все больше и больше стала расширяться на плечах, создав рубашку мещеры. Во втором нагрудная вышивка для удобства работы перешла на отдельный кусок ткани, вклинившийся в середину между основными полотнищами. Это мы видим на старой ижорской рубашке.

Вклинившееся узкое полотнище перенесло грудной разрез ворота вбок, причем этот грудной разрез, т. е. оставленная несшитой полоса, прилегающая к основному полотнищу, могла располагаться как с правой, так и с левой стороны соединения. Быть может, так создавался боковой грудной разрез не только ижорской, но и марийской рубашки.

Для рассмотрения различных вариантов в эволюции туникообразной рубашки 2-го типа очень интересен материал женских рубашек дунайских болгар, который мы можем наблюдать в старой

⁶¹ Н. Ф. Прыткова. Одежда ижор и води, стр. 313.

Рис. 25. Болгарская женская рубашка (риза) (г. София).
МАЭ, колл. № 372-150.

болгарской коллекции, подаренной в 1878 г. болгарскими округами России и хранящейся в Музее антропологии и этнографии АН СССР (МАЭ, колл. № 372).

Ознакомимся вкратце с различными типами болгарских женских рубашек:

1) Женская рубашка от г. Софии (МАЭ, колл. № 372-150) (см. рис. 25). Материал — домотканый белый холст 37 см ширины с кромками красного цвета. Покрой — 2-й туникообразный. Грудной разрез (30 см длины) обшит узкой полоской, вышитой черной и

буро-красной шерстью. Обшивка шейного выреза обязана бурой шерстяной нитью. Красная кромка точки служит украшением, подчеркивающим швы. Подол рубашки окаймлен плотной вышивкой, сделанной восьмиконечным крестом. К основной точке под прямым углом пришита верхняя половина рукава, нижняя его половина сшита по прямой линии с боковыми полотнищами, что заменяет собой ластовку. Шов рукава приходится не внизу, а по передней стороне. Это строение рукава создает отличие от знакомой нам волжской рубашки 2-го типа, которую мы видели на старинной чувашской рубашке. Общими с чувашской рубашкой являются расположение точек холста и окантовка швов красной полосой, устройство ворота, характер вышивочного шва.

2) Женская рубашка от г. Шумена (МАЭ, колл. № 372-216/4). Материал — белый конопляный холст 38 см ширины, вытканый с кромкой из 5 оранжевых полосок. Покрой 2-й туникообразный. Ворот, вырезанный в основной точке с прямым грудным разрезом и овальным шейным вырезом, ничем не украшен, шейная обшивка шириной в 1 см завязывается у грудного разреза тесемками. Боковые полотнища расширяются книзу уже описанным выше приемом (см. стр. 32): точка складывается по диагонали так, что приходится $\frac{2}{3}$ ширины с одной стороны и $\frac{1}{3}$ с другой стороны. Разрезается по диагонали и сшивается, причем широкие стороны образуют подол, а узкие стороны пришиваются к рукаву. Рукав, пришитый к основному полотнищу, шьется из двух цельных точек. Благодаря его ширине, отпадает надобность в ластовице.

Таковы два примера бытования очень распространенной у болгарок рубашки 2-го типа туникообразного покроя. Но в районе городов Софии и Шумена мы можем видеть рубашки, отличающиеся по покрою от туникообразной, хотя генетическая связь их с туникообразной рубашкой, на наш взгляд, достаточно заметна.

3) Женская рубашка (МАЭ, колл. № 372- $\frac{220}{5}$; см. рис. 26). Материал — дмотканая хлопчатобумажная белая ткань 34,5 см ширины, с двумя продольными красными полосками на кромках. Длина сорочки 150 см. Покрой: цельная точка составляет перед и спину одежды. К ним перпендикулярно пришиты рукава шириной в 1,5 точки. Вдоль рукава, по передней стороне, идет окантованный красной кромкой шов, а по верхней части рукава — продольная вышивка. У кисти рукав собран в сборки, оканчивается узкой полоской обшлага, покрытой вышивкой. Под мышкой большие квадратные ластовицы (12 см сторона квадрата), соединяющие рукав с боковыми полотнищами. Боковые полотнища сшиты из цельной точки, несколько срезанной сверху и надставленной у подола срезанными сверху клиньями, что дает расширение подола. Подол

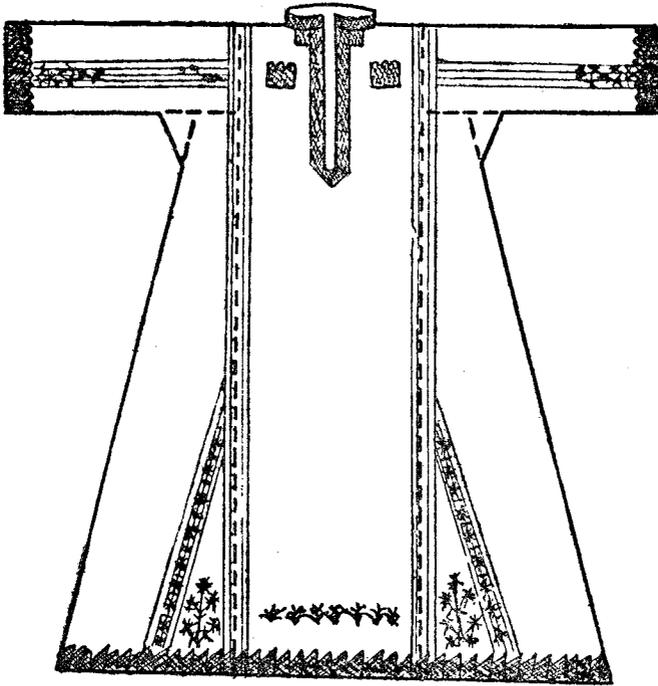
Рис. 26. Болгарская женская рубашка (риза).

МАЭ, колл. № 372 $\frac{220}{5}$.

оканчивается полосой вышивки. Швы подчеркнуты красными полосками кромки. Все эти черты покроя сближают ее с туникообразной рубашкой 2-го типа. Но устройство ворота создает резкое различие: ворот собран в густые сборки вокруг шеи, образующие стоячий воротничок в 2 см вышины, окаймленный вышивкой. Сборки ворота получаются потому, что центральное полотнище рубашки разрезано по утку и собрано до ширины, необходимой для воротника; сборки сзади закреплены тремя поперечными полосками вышивки. Продольные полосы вышивки располагаются вдоль центрального полотнища на плечах; по рукаву они идут более широкой полосой, по линии соединения центрального полотнища с боковым вышивкой становится

Македонская женская «риза».
Коллекция ГМЭ.

Женская риза от г. Разграда. Чертеж № 14.

более узкой дорожкой. Прямой грудной разрез застегивается на одну пуговицу у стойки воротника. С обеих сторон грудного разреза идет вышивка 3 см ширины. Устойчивость кроя с одним центральным полотнищем, к которому перпендикулярно пришиты рукава и боковые полотнища, сохранена здесь полностью, как и традиция подчеркивать швы полосой вышивки или кромки другого цвета. Отличие покроя появляется в силу нового стремления — создать пышные сборки вокруг шеи.

4) Это стремление к сборкам кругом шеи иногда еще усиливается тем, что спереди между центральным полотнищем и рукавами вставляются треугольные клинья, подобные «косым поликам» в мешчерской рубахе (МАЭ, колл. № 372-119 от г. Рохова). «Косые полики» мешчерской рубашки, если принимать убедительную гипотезу С. П. Толстова, создались в результате разрастания наплечных

вышивок на туникообразной рубашке 1-го типа. Наплечные клинья на болгарской рубашке из г. Рохова, тоже окантованные вышивкой, создались, как вариант рубашки, примыкающей к туникообразной рубашке 2-го типа, в результате скрещения с покроем рубашки, требующим сборок вокруг шеи.

Сборки вокруг шеи могут считаться характерным признаком, общим почти всем славянским рубашкам. Они входят в крой женской рубашки всех западных славян, у восточных славян они характерны как для севернорусской, так для белорусской и украинской рубашек. Эта общеславянская традиция круглого ворота с пышными сборками вокруг шеи сказывается и на болгарской рубашке, наследиваясь на традицию 2-го типа туникообразного кроя рубашки. Какой из двух покроев является более древним и, так сказать, исконным для болгарской рубашки? Ответить на этот вопрос довольно затруднительно.

Белая вышитая рубашка 2-го типа туникообразного покроя бытует у турецкого населения северо-восточной Болгарии. Она описана в коллективной работе Василя Маринова, Захария Дмитрова и Ивана Коева⁶² в формах, близких к болгарской женской рубашке, но, несомненно, эта общность — не результат турецкого влияния, а имеет гораздо более глубокие общие корни: как показано было выше, туникообразную рубашку 2-го типа мы находим у целого ряда тюркских народностей, и можно считать ее идущей к очень древним традициям степной, скотоводческой культуры. Древние связи в одежде болгар с народами Поволжья мы проследим в дальнейшем и на других элементах одежды и головных уборов, в особенности же в орнаменте вышивок.

Рубашка со сборками вокруг шеи имеет не менее древнюю историю, чем туникообразная рубашка; общеславянские элементы в болгарской вышивке, общность некоторых ее мотивов с узорами украинских сорочек тоже достаточно очевидны. Разные покрой в болгарской и македонской женских рубашках, бытующие часто в соседних селах, указывают, видимо, на очень сложные исторические напластования и переселения на Балканском полуострове. Несомненно можно сказать одно: связь покроя и вышивок одежды народов

⁶² Васил Маринов, Захарий Дмитров и Иван Коев. Принос към изучаването на бита и културата на тюркото население в Североизточна България. «Известия на Етнографския институт с музей» София, 1955, кн. II, стр. 176.

Поволжья с болгарско-македонскими вышивками и одеждой не может быть случайной, слишком ясна она в различных элементах одежды и головных уборов, как мы убедимся в дальнейшем. В самом Поволжье, как мы могли уже убедиться на приведенном материале, история рубашки тоже отмечает этапы взаимоотношений и связи разных этнических групп. Последним и общим этапом, относящимся к XIX в., было распространение пестрядинной рубашки. Она наслаивалась на различные варианты белой холщовой рубашки, создававшиеся в результате взаимодействия 1-го и 2-го типов туникообразной рубашки.

НАГРУДНЫЕ УКРАШЕНИЯ

В целом ряде работ по материальной культуре или специально по одежде народов Поволжья украшения описываются в особом разделе, вне их непосредственной связи с одеждой. Нам кажется методически более правильным рассматривать украшения в связи с той одеждой, к которой они относятся и с которой связаны. При этом мы исходим из мысли, положенной в основу данной работы: возникновение стиля одежды и украшений — это не случайная мода, а творческий акт, имеющий свой закономерный внутренний смысл. На него нарастают в историческом процессе дальнейшие напластования, часто затушевывающие первоначальный смысл или хранящие рудименты его в силу бессознательной культурной традиции. Дело научного анализа не только констатировать эти рудименты традиции, но и постараться найти первоначальный смысл и проследить закономерности его изменений. Украшения, на наш взгляд, имеют два корня, из которых, разветвляясь и сплетаясь между собой, создаются разнообразные моды оформления одежды.

Первый корень, из которого возникли девичье-женские украшения у народов Поволжья, — это предметы, непосредственно с одеждой не связанные: раковины-ужовки, бусы из стекла и камня, металл, позднее перешедший в монеты. Вероятно, в основе их возникновения лежат талисманы, но выяснить и доказать это далеко не всегда возможно, да вряд ли это и поможет конкретному исследованию исторического изменения самой одежды.

Второй корень девичье-женских украшений народов Поволжья вырастает из связи с самим покроем одежды и имеет в основе утилитарное значение для оформления данного типа одежды. Для первого типа рубашки это пряжка-фибула, для второго типа — нагрудник, закрывающий нагрудную щель рубашки. Из этого целесообразного назначения разрастаются многочисленные нагрудные украшения, много раз сплетавшиеся между собой в длительном историческом процессе влияния друг на друга, так как ни один предмет, который

человек на себя одевает, не может в течение столетий сохраняться в полной неизменности: он теряет первоначальный смысл, переосмысливается или продолжает бытовать как рудимент, сочетающийся с другими предметами в новые формы. Для того чтобы проследить эти процессы и установить их закономерность, следует взять, как рабочую гипотезу, связь украшения с одеждой и отыскать, хотя бы предположительно, его первоначальный смысл. С этим намерением мы приступаем к описанию нагрудных украшений.

ЗАСТЕЖКА-СЮЛЬГАМ

Наиболее характерной особенностью мордовской рубашки является скрепление ворота, а в прошлом, вероятно, двух ее распашных половин, застежкой-фибулой.

Бытование в Поволжье различных фибул и, в частности, овальной, «подковообразной» фибулы (пряжки, сделанной из металлического прута, концы которого сведены так, что почти касаются друг друга, оканчиваясь спиральками или утолщениями, а сбоку к пруту прикреплена иголка) относится к очень древним временам.

И. Р. Аспелин считал ее римским влиянием, указывая, что совершенно аналогичные формы имеются в провинциальных римских фибулах.

Подобные пряжки распространены гораздо шире, чем пределы Поволжья. И. Р. Аспелин приводил 40 серебряных и 200 бронзовых экземпляров находок их на острове Готланде и говорил о существовании их в мерянских находках¹. А. А. Спицын констатировал подобную фибулу в могильниках бассейнов Оки и Камы². П. П. Ефименко утверждал, что она существовала почти всюду, где наблюдаются следы влияния Римской империи³.

В. В. Гольмстен считала, что овальная пряжка из металлического прута, с иглой, протыкающей одежду, а также пряжка из тонкой круглой штампованной пластинки, найденные в том же погребении (Кузьминский могильник, погребение 9), относятся к III веку нашей эры⁴.

¹ И. Р. Аспелин. О потребности изучения форм предметов в постепенном развитии этих форм. «Труды IV Арх. съезда», т. I, Казань, 1884, стр. 14—16.

² А. А. Спицын. Древности бассейна реки Оки и Камы. «Материалы по археологии России», № 25. Кошебеевский могильник, табл. XI, № 11, 13.

Барковский. Кузьминский могильник, таб. XIX, № 11, 12.

³ П. П. Ефименко. Средне-Волжская экспедиция. Изв. ГАИМК, 2 т, стр. 166.

⁴ В. В. Гольмстен. Хронологическое значение эволюции древних форм. Самарский государственный университет, 1923, таблица 1.

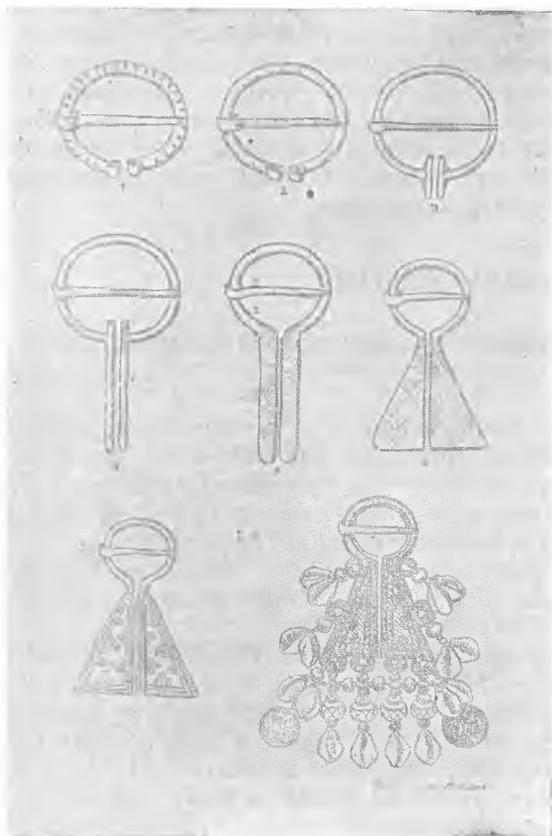

Рис. 27. Эволюция нагрудной пяржкa в Поволжье.
По В. В. Гольмстен. Фото А. А. Гречкина.

Позднее эти пяржкa проделывают сложную эволюцию, превращаясь в шумящие подвески, но в то же время они встречаются в могильниках и в более простом виде (см. рис 27).

Ушки овальной пяржкa из металлического прута начинают удлиняться в виде двух палочек, постепенно расплывающихся и расширяющихся на конце. Вся пяржкa в целом приобретает при этом форму кольца с иглой, оканчивающегося двумя прямоугольными треугольниками. В таком виде встречаем мы ее в Пичпандинском и Ефаевском могильниках, относящихся к IX—XI вв.⁵ Далее два треугольника сливаются между собой, образуя небольшую пластинку. Фибула такого вида бытует у мордвы до последнего времени под названием «сюльгам» (см. рис 28).

«Интересно отметить, — пишет В. В. Гольмстен, — что рядом с сюльгамом появляется вновь древний тип пяржкa, производным которой он является, пяржкa в виде простого круглого кольца с иглой... Эта форма, почти исчезнувшая из употребления, снова возрождается, и причину этого следует видеть в том, что новый тип сюльгама начинает играть роль почти исключительно декоративную, а для служебных целей предпочитается простая, но более удобная форма»⁶.

⁵ В. В. Гольмстен. Хронологическое значение эволюции древних форм, стр. 12.

⁶ Там же.

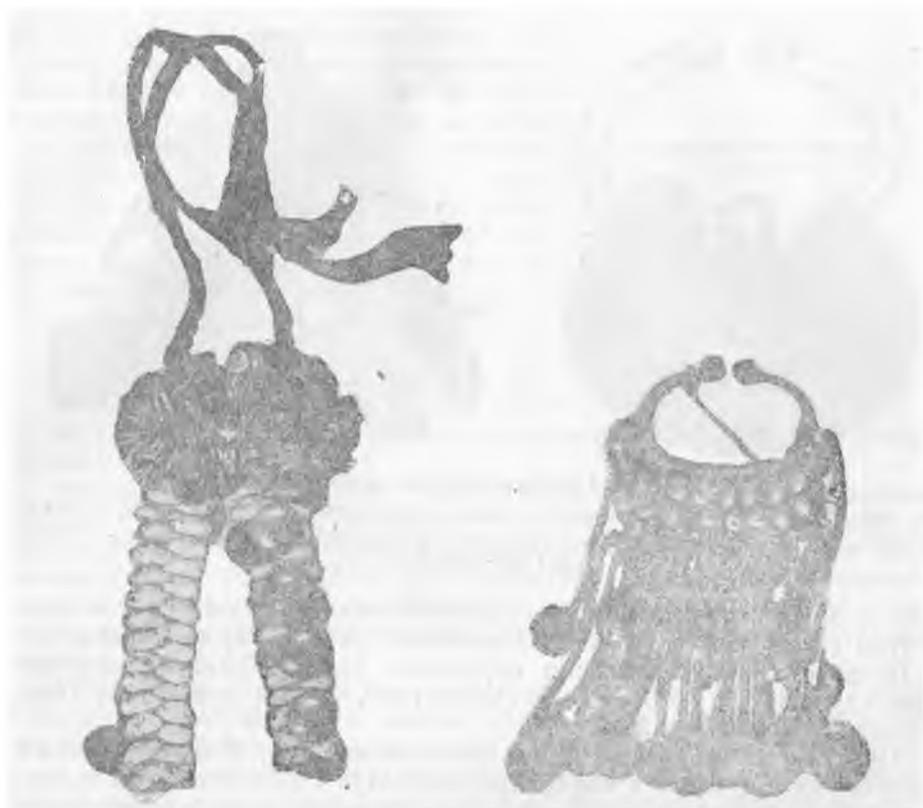

Рис. 28. Сольгамы мордвы-эрзи.

а) с. Стандрово Темниковского уезда Пензенской губернии. ГМЭ, coll. № 3454-13;
б) ГМЭ, coll. № 5582-49.

Таковы, очень кратко, данные, которые дает нам археология относительно эволюции нагрудной застежки, бытующие формы которой наблюдает в Поволжье этнография. Этнографические материалы помогают объяснить эволюцию этой фибулы.

Просматривая коллекции нескольких десятков мордовских сольгамов Государственного музея этнографии в Ленинграде, мы можем констатировать два основных типа: 1) первый представляет собой овальную дугу с почти сходящимися краями, которые носят вверх, и целым рядом различных украшений, прикрепленных к нижней стороне дуги. Кольцо дуги бывает различно: оно состоит или из двух медных прутиков, спирально перевитых между собой, как веревка, с камнями, впаянными в концы этих прутьев (ГМЭ, coll. № 398-20),

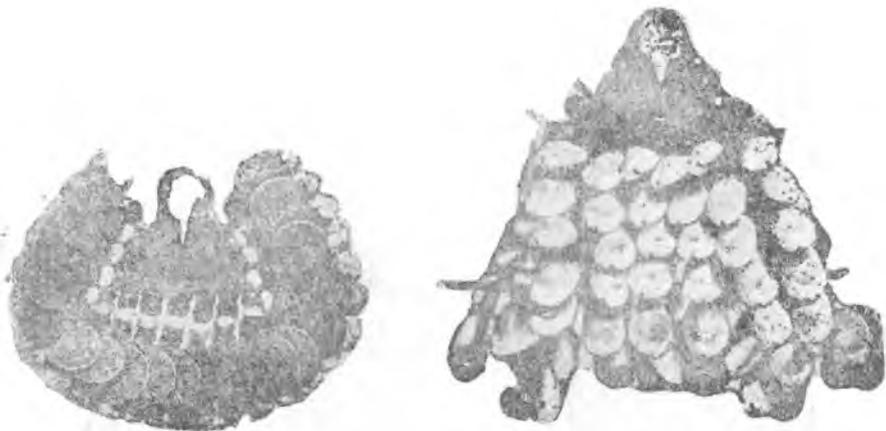

Рис. 29. Сюльгамы мордвы-мокши.

а) дер. Веченкино Наровчатского уезда Пензенской губернии. ГМЭ, колл. № 3437—21; б) с. Пичевка Пензенского округа Средне-Волжской области. ГМЭ, колл. № 5180-4.

или из одного прута, большей частью сплошного, но иногда и полого внутри (ГМЭ, колл. № 823 — Пензенская губ., Городищенский у., с. Пазелки), часто с медными перстнями, сплошь нанизанными поверх круга (колл. № 3454-13, с. Стандрово, Темниковский у., Тамбовская губ.; см. рис. 28).

Очень часто на концах прута, образующего дугу, бывают вделаны крупные камни, или же концы превращаются в шишечки типа шариков. Общим является то, что пряжка — кольцо с иглой представляет собой лишь остов, на который, с нижней стороны, нанизывают богатые и разнообразные украшения, слагающиеся из ужовок, бус, бисера, пуговиц, проволоки и цепочек. На эрзянке XVIII в. в книге П. С. Палласа одет такой сюльгам (см. рис. 2, стр. 13).

Второй тип, об эволюции которого писала В. В. Гольмстен, представляет собой ту же овальную дугу, но опущенные книзу концы ее постепенно разрастаются, переходя в две смыкающиеся лопасти. (ГМЭ, колл. № 665-4 и др.; см. рис. 29).

Фибулы, распространенные среди мордвы, имеют свои излюбленные и устойчивые сочетания, но точно локализовать их при том, в сущности, незначительном (около 100 экземпляров) и случайном материале, который имеется в Государственном музее этнографии, не представляется возможным.

Можно лишь грубо наметить, что для бывш. Городищенского уезда Пензенской губ. характерно большое количество проволоки (колл.

№ 821-7), а в Бугульминском уезде Самарской губ. преобладают параллельные ряды медных цепочек, на которых подвешены сплетенные ряды бус и монеток.

С гораздо большей долей вероятности можно говорить о распределении двух основных типов сьюльгамов между эрзей и мокшей. Вышеописанный первый тип всюду зарегистрирован, как эрзянский сьюльгам. Сьюльгам же второго типа, встречающийся и у мордвы-эрзи в с. Стандрово, бывш. Темниковского уезда Тамбовской губ., носит там местное название «мокшань сьюльгам» (колл. ГМЭ № 3454-45) и бытует в этом селе параллельно с 1-м типом (колл. № 3454-1377-78).

Мокшанский тип сьюльгама представляет собою медное круглое кольцо, имеющее сбоку подвижную иголку, переходящее внизу в треугольную пластинку величины, примерно, вдвое большей, чем само кольцо (кольцо бывает 2—4 см в диаметре). По середине пластинки идет глубокая бороздка, разделяющая ее очень явно на две самостоятельные части. Гравированный на них орнамент симметрично повторяется.

Есть районы, где оба типа сьюльгама бытуют совместно. Так, в с. Шокше, Теньгушевского района Мордовской АССР, в 1934 г., во время этнографических исследований по заданию Мордовского института культуры, нами было зафиксировано маленькое медное кольцо с булавкой и треугольной бляшкой внизу, без всяких украшений. Называли его «мокшань сьюльгам».

По словам одной из старух, Василисы Андреевой, такой сьюльгам носить стали на ее памяти, раньше же носили «эрзянь сьюльгам», который у нее еще сохранился в сундуке. Она показала его, это овальная пряжка с концами в виде шишечек (см. рис. 30). Следует добавить, что не только в сьюльгамах, но и во всем комплексе одежды и в языке этого района видно скрещение мокшанских и эрзянских элементов или, что может быть правильнее, остатки какой-то иной племенной группировки.

Если присмотреться, как прикрепляют к пряжке-фибуле украшения, станет понятен процесс ее эволюции, отмеченный археологами. Первоначальное различие двух типов овальной пряжки было в том, что в эрзянском варианте концы медного прутика носились вверх. Естественно, что подвесные украшения прикреплялись при этом к дужке фибулы. Если фибулу прикреплять так, что концы ее прихо-

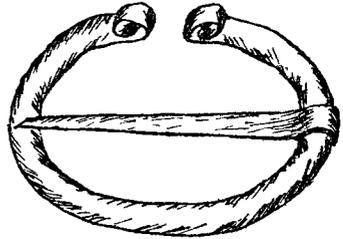

Рис. 30. Эрзянь сьюльгам (с. Шокша Теньгушевского района Мордовской АССР).
Материалы Н. И. Гаген-Торн.

дятся вниз, подвесные украшения, тоже располагающиеся по нижнему краю, переходят на самые концы. Этим и объясняется увеличение концов до размеров двух лопастей, как мы это видели на мокшанском сьюльгаме.

Необходимость прикрепить украшения вызывает появление на пластинке сьюльгама особых фестонов, колечек с отверстиями, сквозь которые пропускается проволока, скрепляющая ряды пуговиц, бус и ужовок (рис. 27, таблица В. В. Гольмстен, рис. 8, стр. 78).

Быть может, необходимость прикрепить украшения вызывает и самый рост пластинчатых концов пряжки. Нам представляется не совсем правильной мысль В. В. Гольмстен, что пряжка теряет при этом свое утилитарное значение.

Кажется вероятным предположить, что связь фибулы — пряжки с подвешенными украшениями не нова: пряжки, находимые в могильниках, быть может, просто не сохранили украшений, благодаря материалу, из которого они были сделаны. На это указывает то, что в раскопанных П. П. Ефименко на северо-западной части Чувашской АССР могильниках, относимых им к XVII в., на скрепляющих одежду грудных застежках очень часто встречаются с нижней стороны обрывки кожаной петли⁷.

Восстановить, как выглядели эти пряжки с кожаной петлей, поможет найденная нами в 1928 г. в чувашской дер. Орнары Цивильского уезда очень старая пряжка «шўлкеме». Она сохранилась у старухи 85 лет, которая сообщила, что во времена ее бабушки такой пряжкой в их деревне скрепляли рубашки все девушки и женщины. В других же деревнях их не носили⁸. Это овальная пряжка типа эрзянского сьюльгама с иглой сбоку и куском кожи внизу, к которому прикрепляли украшения. Таким образом, оба вида сьюльгама, эрзянский и мокшанский, представляют собой видоизменения очень древней для Поволжья дугообразной пряжки, обросшей различными украшениями, прикрепленными к нижней стороне. Наблюдая способ ношения, мы

⁷ Вещи из погребения находятся в Чувашском краеведческом музее в Чебоксарах.

⁸ Чувашская дер. Орнары и соседний по направлению к Волге район вообще имеет целый ряд этнографических особенностей: там, например, до последнего времени бытовал широкий, одеваемый на лоб «масмак» — начельш (совпадающий с башкирским «хараусом»), особый головной убор «чалма», чрезвычайно напоминающий марийские и удмуртские треугольные головные косынки. Там же нагрудные вышивки, известные повсеместно у чуваш, вплоть до самарских и саратовских чуваш, под названием «кёскё», носят особое название «сыпмала». Многочисленные бытовые особенности этого района заставляют предполагать здесь какой-то поздний колониционный стык, что легко объясняется его близким расположением к Волге. На наш взгляд, присутствие здесь шўлкеме, в виде пряжки на рубашке, не встречающейся в других районах чуваш и не бытующей, обычно, с воротом, характерным для чувашской рубашки, может быть объяснено марийским влиянием.

Рис. 31. Чувашские «сестенкё» — рудимент сьюльгама на нагрудном украшении «сурпан сакки».

МАЭ, колл. № 347—¹⁰/₂, Фото А. В. Маторина.

видим, что эрзянский сьюльгам прикрепляется к рубашке всегда так, что сходящиеся концы дугообразного прута расположены вверх; на мокшанском же сьюльгаме концы дугообразного прута опущены книзу, к этим концам (лопастям) прикрепляются украшения, что и требует их разрастания.

Рудимент мокшанского сьюльгама бытует у горных марийцев и у чуваш на нагрудном украшении замужних женщин, носящем название «сурпан сакки». Оно представляет собой маленькую треугольную медную пластинку с кольцом и иголкой. Треугольник пересекает бороздки, разделяющие его на две слившиеся лопасти. Называется эта пластинка с кольцом «сестенкё» и располагается в верхней части большого куска кожи, обшитого бисером и монетами. Иголлка сестенкё настолько мала, что она не может удержать тяжелого украшения сурпан сакки, особенно там, где оно разрослось до большого кожаного прямоугольника (15×25 см), зашитого нухратками, как у чуваш-вирьял и у соседних с ними горных мари (см. рис. 31). У тех и у других сурпан сакки не носится отдельно, а составляет часть нагрудного украшения «шўлкеме», состоящего из двух скрепленных друг с другом кожаных прямоугольников, покрывающих всю грудь и одеваемых на ремне, перекинутом через шею (см. рис. 32). Среди этого громоздкого украшения маленькое медное сестенкё становится совершенно незаметным. Оно несколько больше видно в другом типе чувашского сурпан сакки, который распространен в районе анат енчи и имеет меньшие размеры (15×18 см) и форму треугольника, приближающую его к мордовскому сьюльгаму (см. рис. 16, стр. 39).

В верхнем углу этого треугольника помещается сестенкё, это та самая круглая пряжка из медной пластинки с отверстием в середине,

Рис. 32. Чувашская женщина (Марпосадский район Чувашской АССР). Нагрудное украшение «сурпан сакки».

Материалы А. Н. Львовой.

которую В. В. Гольмстен описала бытующей совместно с овальной пряжкой из металлического прута в Кузьминском могильнике, как было упомянуто выше (см. стр. 77). Очевидно, обе пряжки готовили, или во всяком случае встречались, совместно, как показывают археологические материалы. На этнографических материалах мы видим, что овальная, не замкнутая пряжка существует у мордвы, органически связанный с ней рудимент пряжки входит в нагрудное украшение или в подвеску к головному полотенцу — сурпану у чуваш, а круглая пластинка с иглой и отверстием в середине встречается у мари, хотя в некоторых районах у них встречается и овальная не сомкнутая пряжка. Ворот мариинской рубашки часто застегивается несколькими пряжками, скрепленными одна над другой.

НАГРУДНИКИ

Для женской рубашки 1-го типа характерно скрепление грудного разреза при помощи пряжки-фибулы. Рубашка 2-го типа не носится с нагрудными пряжками. Шейный вырез ее, плотно облегающий шею, в старых формах рубашки не застегивался, а завязывался у самой шеи при помощи тесемок или шнурков. Грудной разрез оставался ничем не скрепленным, не имел подполка и оставлял на груди открытую щель. Чтобы закрыть тело, женщина употребляла особую часть одежды — нагрудник. В наиболее простом виде нагрудник — это кусок холщовой ткани, одеваемый под рубашку так, чтобы прикрыть грудь женщины. Его завязывали тесемками сзади на шее и на спине, ниже лопаток. Холст покрывали вышивкой. Такие матерчатые нагрудники встречаются у удмуртов, бесермян, чуваш, башкир, казанских татар, кряшен, мишарей.

Удмурты, по описанию В. Н. Белицер, носят нагрудники трех типов:

а) «Кыкрак» — четырехугольный кусок холста размером от 26×34 см до 28×36 см, с завязками по углам, завязывается вокруг шеи и под лопатками. Эти нагрудники бывают вышиты или обшиты ситцем, лентами, бархатом и позументами, которые видны в разрез рубашки. Они носят замужними женщинами под рубашкой и прикрывают грудь. Девушки не носят их, так как грудной разрез девичьей рубашки значительно короче, чем рубашки замужней женщины. В. Н. Белицер подчеркивает, что нагрудник этого типа и с этим названием бытовал у южных удмурток, в районах Граховском, Алнашском, Мало-Пургинском и других, расположенных на границах с Татарской и Башкирской республиками, и считает его заимствованием из татарского и башкирского костюма, так как у этих народов есть аналогичные нагрудники⁹.

б) «Кабачи» — продолговатый кусок холста размером 20×40 см, сплошь зашитый черным и красным шелком с добавлением синей и коричневой шерсти. «Более ранние образцы вышивались серебряными и золотыми нитями. Орнамент часто состоял из солярных мотивов, изображений птиц и конских головок. К концу XIX в. вышитые шелком нагрудники выходят из употребления и заменяются более простыми (муресазь), сшитыми из разноцветных кусков материи с очень незначительной вышивкой, сделанной техникой креста.

Рис. 33. Нагрудник удмуртов «кабачи» (Глазовский уезд Вятской губ.).

ГМЭ, кол. № 363-1. Фото А. В. Маторина.

⁹ В. Н. Белицер. Народная одежда удмуртов, стр. 45—46.

Нагрудник кабачи носили молодые замужние женщины, а муресазь носят в настоящее время более пожилые удмуртки поверх белой рубашки, прикрепляя его завязками таким образом, что он бывает виден из расходящихся пол верхней летней одежды (шортдэрема)¹⁰, — пишет В. Н. Белицер, прибавляя, что кабачи принадлежат северным удмуртам, а муресазь встречается и в северных и в южных районах. В. Н. Белицер не указывает их различия или генетической связи. С нашей точки зрения, их можно рассматривать как один и тот же нагрудник, претерпевший изменение во времени, характерное для всего комплекса одежды в течение XIX в., когда на смену вышивке приходит аппликация из яркой покупной материи. Помня, что эта замена совершенно закономерна для всего Поволжья, можно принять кабачи и муресазь за два этапа того же нагрудника, одеваемого поверх белой рубашки, в то время как другой тип, «кыкрак», одевается на голую грудь под рубашку. Какой прием ношения нагрудника является исконным для удмуртской одежды? Ответить на это довольно затруднительно, и мы не имеем для этого данных, но приписывать прием ношения нагрудника под рубашкой татарскому влиянию, как это делает В. Н. Белицер, у нас тоже нет достаточных оснований: нагрудники носили под рубашкой не только татарки и башкирки, но и бесермянки и чувашки.

Ношение нагрудника под рубашкой или поверх нее кажется нам связанным с тем, носится ли одна рубашка, в качестве выходного платья, или надевается на нее еще верхняя одежда. Там, где женщина носит одну рубашку, матерчатый нагрудник удобно надеть непосредственно на тело, прикрыв им разрез рубашки; там же, где носится поверх рубашки верхняя одежда, — нагрудник одевается на рубашку и виден в разрез верхней одежды. Мы встретимся далее у татар и башкир, с тем, что нагрудник принимает на себя украшения ворота самой рубашки. Нужно особо отметить для шейных и нагрудных украшений несоответствие между бытованием названия и самого предмета: часто аналогичный предмет имеет разные названия и одинаковый корень слова относится к разным по происхождению вещам. Быть может этим объясняется различие у удмуртов между «кабачи» и «муресазь».

В быв. Глазовском уезде Вятской губ. у удмуртов бытовал нагрудник «кабача», десятки экземпляров которого есть в коллекциях ГМЭ. Опишем один, типичный, из колл. № 363-1: прямоугольный кусок холста 39×21 см окантован полоской покупной материи. Середина вышита алым шелком в контурах черной шерсти. Орнамент

¹⁰ В. Н. Белицер. Народная одежда удмуртов, стр. 45.

Рис. 34. Нагрудник бесермян «муресазь» (Глазовский уезд Вятской губ.).

ГМЭ, coll. № 1111-14. Фото А. В. Маторина.

геометрический, шов — полугладь косога стежка. К верхнему краю пришиты нитяные завязки (см. рис. 33, стр. 85).

Чрезвычайно похожие нагрудники у бесермян Глазовского уезда носили название «муресазь». Они тоже представляли собой прямоугольный кусок холста, отороченный покупной материей и вышитый алым шелком геометрическим узором той же техники (см. рис. 34). Название «муресазь» не специфично для бесермян, оно встречается, как мы отмечали, и у удмуртов. Холщовый вышитый нагрудник бытует и у других народов Поволжья.

Башкирки носили под рубашкой нагрудник, который назывался «тушелдерек» или «кукрэксэ». В. М. Черемшанский писал о нем: «Прорезь на груди обыкновенно делается широкая и закрывается

Рис. 35. Башкирский нагрудник
«кукрэкэ».
МАЭ, coll. № 2027—17.

небольшим цветным нагрудником»¹¹ (см. рис.35). С. И. Руденко описывает нагрудник, «нагрудную повязку», как он называется. Это кусок ситца, с загнутыми вверх углами и нашитым на него прямоугольным куском цветной ткани, по которой идет вышивка крупных цветов. Он не имел всеобщего распространения, были деревни, где его носили только замужние женщины, в других деревнях его одевали и на девушек, по достижении половой зрелости, в третьих — почти не носили и замужние женщины. «Отсутствие повязки там, где мы ее не находим, легко объясняется, помимо других соображений, употреблением костюмов, застегивающихся и наглухо прикрывающих грудь, таких, как камзул, бишмэт, или кэзэки, а также нагрудных укра-

шений, носимых поверх сорочки. Украшения этого рода у башкирок были весьма разнообразны»¹², — писал С. И. Руденко. Мнение С. И. Руденко достаточно убедительно объясняет исчезновение нагрудника у башкирок, — его функции перешли к нагрудным украшениям.

Мы можем наблюдать ряд форм, на которых ясно виден процесс перехода. У башкирок к югу от р. Белой было нагрудное украшение «тушелдерек» или «изеу», представлявшее собой следующее: на кусок материи лопатообразной формы нашивались два-три ряда полосок лент или яркой материи, подражая обшивке рубашки. К этим лентам пришивали серебряные монеты или круглые металлические бляхи. Нередко весь нагрудник обшивали позументом. Ленты и позумент были расположены вокруг грудного разреза на рубашке, и назывался этот нагрудник тоже, как украшение грудного разреза на рубашке, «изеу». Чаще всего такой нагрудник встречался в южной

¹¹ В. М. Черемшанский. Описание Оренбургской губернии, стр. 155.

¹² С. И. Руденко. Башкиры. Историко-этнографические очерки. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 181.

Башкирии. «У северо-западных башкир (например гайнинцев) это нагрудное украшение превратилось уже в так называемый **утырма унер**, роскошный нагрудник богатых женщин из бархата с нашитым на нем позументом и крупными серебряными монетами»¹³.

С бытованием аппликаций из параллельно нашитых вокруг грудного разреза рубашки лент мы сталкивались при описании рубашки. Назывались эти ленты «изу» у татар и «изеу» у башкир. То же самое название «изеу» или «алмаизеу», применявшееся к одеваемому поверх рубашки нагруднику, сохранение на нем имитации грудного разреза в расположении лент как бы подчеркивает, что это нательный нагрудник, превратившийся в украшение и перенесший на себя орнамент, бывший раньше на одеваемой поверх него рубашке.

У **татарок** нагрудник «кукрэчки» надевался на голое тело и был виден в разрез ворота рубашки; он представлял собой кусок материи, варьирующий от 20×30 см до 25×40 см, со скошенными верхними углами. К этим углам пришивались завязки, которыми кукрэчки завязывался сзади на шее. Иногда, вместо завязок или параллельно с ними устраивается нечто вроде лямок, один конец которых пришивается к верхним углам, а другой к нижним углам. Эти лямки одеваются через руки и, при помощи их, кукрэчки держится на плечах. На среднюю часть нагрудника, видную в разрезе рубашки, нашивается второй слой более яркой материи, и часто она еще богаче вышивается

Рис. 36. Татарский нагрудник «кукрэчки». По Н. И. Воробьеву.

¹³ С. И. Руденко. Башкиры, стр. 182.

шелками. Носили подобные нагрудники только замужние женщины, а девушки не носили¹⁴. (См. рис. 36).

Подобный же нагрудник «кукрэк» носился сергачскими мишарями. Он представлял собою кусок кумача (47×57 см) со скошенными верхними углами и пришитыми к ним шнурками, при помощи которых завязывался сзади на шее. Средняя часть была украшена шелковыми лентами и монетами¹⁵. Помимо кукрэка, носимого под рубашкой, у мишарей, по материалам профессора С. П. Толстова, имелся еще нагрудник, тоже называемый «кюкрэк», который носился поверх рубашки. Он обладал несколько иной формой: закругленным нижним концом и вырезом для шеи. Сделан он из гораздо более плотной материи, часто из бархата, на плотной холщовой подкладке. По бархату нашивались монеты 20-тикопеечного достоинства, а сверху, двумя рядами, перламутровые пуговицы (колл. бывш. Музея ЦПО). В этом случае, как и у башкир, мы имеем переход от нагрудника к нагрудному украшению.

У казанских татар одно и то же название «изу» сохранялось как за нашитыми на кульмэк, вокруг грудного разреза, лентами, так и за особым, одеваемым на грудь украшением. Это был лопатообразный кусок материи, колленкора или холста, на который нашивались ряды позумента, парчовых лент, блях и украшений, причем в середине его остается разрез или имитация разреза, который скреплен блясками и обшит кругом лентами. В верхних углах изу пришивались завязки, укрепляемые на шее, а снизу он пришивался к кульмэку¹⁶.

Это изу — нагрудное украшение, совершенно ясно хранит еще следы своего происхождения от изу — лент, украшавших грудной разрез рубашки (см. рис. 37, стр. 91).

Превращаясь в украшение, нагрудники становятся бархатными, богато украшенными позументами и крупными серебряными монетами или сплошь украшаются рядами серебряных монет и кораллов.

В процессе дальнейшей эволюции нагрудник получает различные варианты. У одной и той же народности он имеет то лопатообразную форму «накал» (в центральной Башкирии), то прямоугольную форму — «селтэр» (у южных башкир). В монографии С. И. Руденко по башкирам имеется их описание, и поэтому не будем останавливаться на них подробнее¹⁷.

Нам важно установить, что у ряда народностей Поволжья наблюдается тот же процесс: переход куска ткани, несущего функцию защиты груди и связанного с грудным разрезом рубашки, в особое на-

¹⁴ Н. И. Воробьев. Казанские татары. Казань, 1953, стр. 244—245.

¹⁵ Материалы С. П. Толстова. В бывш. колл. Музея ЦПО.

¹⁶ Н. И. Воробьев. Казанские татары, стр. 300—301.

¹⁷ С. И. Руденко. Башкиры, стр. 182—183.

грудное украшение. При сравнительном анализе можно установить стадии перехода от матерчатого вышитого нагрудника к нагруднику, хранящему имитацию ворота рубашки, и далее — к куску материи или кожи, зашитому монетами, кораллами и позументом. Матерчатые и кожаные нагрудные украшения самого разнообразного типа генетически связаны с одеваемым для прикрытия разреза рубашки куском материи. Если брать нагрудные украшения и нательные нагрудники одной народности, — они носят и под рубашкой и на рубашке, — переходные формы выпадают, и происхождение нагрудных украшений становится неясным. Но если пересмотреть целый ряд народностей, нагрудные украшения предстанут, как варианты нательного нагрудника, связанного с воротом рубашки. В силу этой связи нагрудные украшения часто соединяются с шейными украшениями.

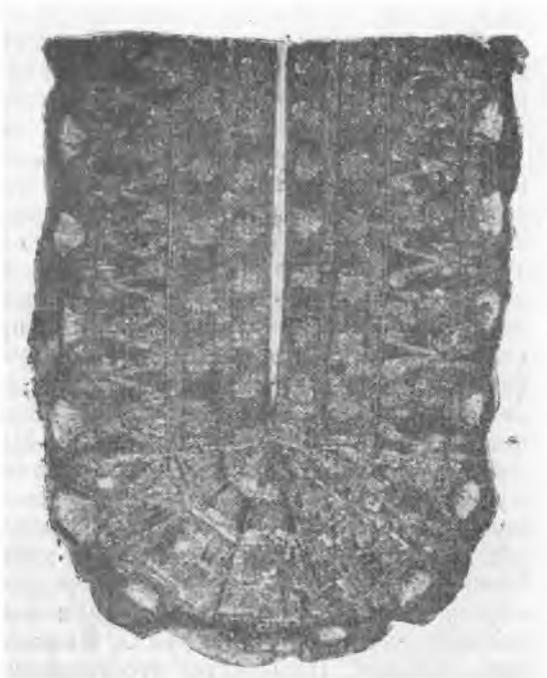

Рис. 37. Татарское нагрудное украшение «изу» (г. Казань).

ГМЭ, coll. № 1177-14. Фото А. В. Маторина.

ШЕЙНЫЕ УКРАШЕНИЯ

Шейные украшения у народностей Поволжья разделяются на две категории: 1) шейные украшения, связанные с устройством ворота рубашки и являющиеся как бы отрезанным от рубашки воротником. Основой таких украшений служит кусок ткани, и в них сохраняется непосредственная связь с одеждой. 2) Шейные украшения — подвески. Они сделаны из бисера, бус, раковин-ужовок, с большим или меньшим добавлением монеток.

Шейные украшения, связанные с устройством ворота, закрепляют шейный вырез рубашки туникообразного типа, не имевшей нагрудной застежки.

Подобно тому как ничем не подшитый грудной разрез рубашки этого типа порождает ношение нагрудника, шейный вырез рубашки прикрывается особым матерчатым ожерельем, представляющим собой как бы отдельный, отрезной воротник.

Присутствие воротника ожерелья, «жерёлок», как его называли у южных русских¹⁸, характерно для целого ряда народностей, имеющих рубашку с воротом указанного типа. У чуваш это ожерелье имеет несколько вариантов, бытующих иногда в одной и той же местности. Так в селе Ахманей Татаркасинской волости, Чебоксарского уезда, носили «суха» — ожерелье из овального куска холста (или кожи). выкроенного так, чтобы он плотно прилегал к шее. Он был зашит сплошь лежащими друг над другом двумя-тремя рядами монет, в зависимости от состоятельности, 15 и 20-копеечного достоинства и окаймлен сверху рядом бисера. Сзади на спине имелась пуговица и нитяная петля, которые служили застежкой. Носилась суха только девушками. Параллельно с этим, в селе Ахманей носилось и девушками и замужними женщинами другое нашейное украшение, похожее на ожерелье. Оно состоит из такого же вырезанного по шее куска холста, обшитого бисером сверху и рядом крупных монет, 50-копеечного достоинства внизу. К нему сзади, вместо застежки, пришита металлическая цепочка, 1,5 м длины, огибающая шею и перекидывающаяся вперед, спускаясь на грудь. Иногда концы ее соединены внизу пронизью бус. Называется это украшение «чепчушка» или «вйчара», т. е. «цепочка».

В Аликовской и Норусовской волостях Ядринского уезда суха носилась вместе с нагрудником. В Богородской волости Чебоксарского уезда и в Цивильском уезде ожерелье, слившееся с нагрудником, носило название «ама».

В Хормалинской волости Батыревского уезда было аналогичное ожерелье, состоящее из холста, на который сплошь нашиты два ряда монет, верхний ряд 20-копеечного достоинства, а нижний ряд 25-копеечного достоинства, с пятью рублевками в середине, называемое «мй сыххи».

В Шемуршинском районе в 1957 г. еще употребляли на праздниках, когда одевались в национальные костюмы, шейное украшение из монет, называемое здесь также «мй сыххи» (деревня Новая Шемурша). Это была вырезанная овалом, простеганная полоса черной материи, на которую нашито 2 ряда крупных серебряных монет. Ожерелье это плотно облегалo шею. Сзади к нему прикреплена опускающаяся на спину подвеска из спаянных металлическими кругами серебряных монет, носящая название «шанкарда».

¹⁸ Д. К. Зеленин. Russische (Ostslavische) Volkskunde. Berlin, 1927.

В селе Трех-Изб-Шемурша к «мáй сыххи», плотно прилегающему к шее ожерелью из материи с нашитыми вплотную, в два ряда, рублевыми монетами, на спину не прикрепляли никакого украшения; наспинное украшение из бисера скреплялось с нагрудным украшением «алка» — полосой кожи 5—6 см ширины, 10 см длины, сплошь зашитой рядами нухраток и монет. Алка скреплялась шнурами с двумя полосками материи, на каждой из которых вплотную нашит ряд пуговиц, а вниз опускается разноцветная бисерная бахрома, каждая ниточка которой оканчивается 10-копеечной монеткой. Называлось это наспинное украшение «шáрса шерепе». (См. рис. 38).

В деревне Старые Чукалы того же Шемуршинского района это наспинное украшение скрепляли не с алка, а с мáй сыххи. «Мáй сыххи» в Старых Чукалах называли проволочную дугу, обшитую полоской красной материи. По верхнему краю материи идет нитка крупных белых бус и нитка бисера. Ниже — ряд рублевых монет. Во всем Шемуршинском районе ниже ожерелья из монет одевалось нагрудное украшение «мáя» и перевязь через плечо «теветь». Важно отметить, что названия того же украшения — ошейника у чуваш меняются в различных местностях, но это все тот же ошейник, прикрепляющий ворот рубашки у девушек, а у женщин плотно придерживающий на шее головное полотенце сурпан.

У казанских татарок тоже были подобные ожерелья-воротники. В своей работе «Материальная культура казанских татар» Н. И. Воробьев описывал шейные украшения «чылбырг», которые «представляют собой высокие жесткие воротники, сделанные из позумента или, реже, из цветных лент, сверху, по середине воротника, скрепленных узкой полосой позумента»¹⁹. Одевались эти воротники, плотно прилегающие к шее, так, чтобы придерживать шейный вырез кульмэка. Воротник «чылбырг» скреплялся двумя металлическими пряжками с подвесками или монетами на цепочках. Пряжки назывались «яка чылбыры». Причем сам воротник уже вышел из употребления, и во

Рис. 38. Наспинное украшение «шáрса шерепе» (дер. Трех-Изб-Шемурша Шемуршинского района Чувашской АССР). Фото Н. И. Гаген-Торн.

¹⁹ Н. И. Воробьев. Материальная культура казанских татар. Казань, 1930, стр. 399—403.

Рис. 39. Марийское нагрудное украшение
(Елабужский уезд Вятской губ.).
ГМЭ, колл. № 204-50 а.

К плотно облегающему шею матерчатому воротнику с рядами бисера и фарфоровых пуговиц пришивали нагрудник, сплошь зашитый крупными серебряными монетами (см. рис. 39).

То же сочетание ошейника и нагрудника было в удмуртском украшении, экземпляр которого имеется в коллекциях ГМЭ, колл. № 593-52 (см. рис. 40).

Это облегающее шею ожерелье из холста, сплошь зашито сверху серебряными монетами 10-копеечного достоинства. Оно застегивалось сзади на пуговицу. Спереди к нему снизу пришита длинная и узкая полоса холста, тоже зашитая рядами серебряных монет 15-копеечного достоинства, вверху по 3, внизу по 4 монеты в ряд. Полоса расположена так, что прикрывает разрез рубашки, наглядно пока-

втором издании книга Н. И. Воробьева почти не упоминает о нем, останавливая внимание на металлических пряжках, разросшихся в самостоятельные украшения²⁰.

У башкир имелся такой же ошейник, «теркэмэ һырга», из полосы материи овальной формы, плотно прилегающей к шее. На ней в три ряда нашивались монеты, а вверху — полоска бус или кораллов, как и на чувашском украшении суха. «В том случае, когда теркэмэ несколько увеличивалась в размерах и принимала форму квадрата или продолговатого прямоугольника, получалось уже нагрудное украшение»²¹, — писал С. И. Руденко, считая, что многие нагрудные украшения башкир развились из шейных украшений.

Сочетание шейного и нагрудного украшения было у мари быв. Елабужского уезда Вятской губернии.

²⁰ Н. И. Воробьев. Казанские татары, стр. 288—292.

²¹ С. И. Руденко. Башкиры, стр. 181.

зваяя цель, породившую ношение нагрудника. Г. Н. Потанин так описывает этот нагрудник «чъркертэт» из Елабужского уезда: «Спереди к ошейнику пришита пластина в виде языка, прикрывающая разрез рубахи, которая тоже украшена монетами, нашитыми в пять рядов»²². В. Н. Белицер приводит несколько отличное название украшения, «чъртывесь», бывавшее в Пычасском районе в 30-е годы XX века²³.

Бесермяне носили ошейник «силът» — холщовую полоску, расширенную шелками и украшенную пуговицами (колл. ГМЭ, № 1111-39).

Подобный ошейник — «жерёлок» был и у южных русских и у русской мещеры. Он был широко распространен в районе русской мещеры, бывш. Спаского у. Пензенской губернии и соседнего Моршанского у. бывш. Тамбовской губернии²⁴, представляя собой полоску материи, обычно красной (2—2½ см ширины), на которую были нашиты пуговицы и бисер или несколько рядов позумента. Его одевали на шею около ворота рубашки и застегивали сзади на пуговицу. В коллекциях ГМЭ имеется целый ряд подобных шейных украшений русских, относящихся к Севскому и Дмитровскому уездам бывш. Орловской губ., Тамбовскому уезду бывш. Тамбовской губ. и Бирючскому уезду бывш. Воронежской губ. Сюда же может быть отнесен и «язык», встречаемый в Гамаюнщине, по описанию Н. И. Лебедевой и М. Е. Шереметевой²⁵.

²² Г. Н. Потанин. У вотяков Елабужского уезда. ИОАИЭ, т. III, Казань, 1882, стр. 197.

²³ В. Н. Белицер. Народная одежда удмуртов, стр. 76.

²⁴ Материалы экспедиции ГАИМК 1928 г. Н. Ф. Прыткова и Н. И. Гаген-Торн.

²⁵ Н. И. Лебедева. Народный быт, стр. 107.

М. Е. Шереметева. Крестьянская одежда Калужской Гамаюнщины. Калуга, 1925, стр. 29.

Рис. 40. Удмуртское нагрудное украшение.
ГМЭ, колл. № 593—52.

Рис. 41. Чувашское «ама» (с. Аликово Аликовского района Чувашской АССР).

Фото Н. И. Гаген-Торн. 1927.

Д. К. Зеленин считает этот отрезной воротник-ожерелье свойственным старой восточнославянской рубашке, указывая, что древняя русская рубашка не имела воротника, а носилась с ожерельем (гривной, обнизью, ожерёлком); подобное же ожерелье имела украинская рубаха с прямым вырезом на середине груди, которую Д. К. Зеленин приводит, как образец старинной рубахи «голошейки».

Наряду с матерчатыми ожерельями-воротниками, у народов Поволжья существовали шейные украшения из камня, стекла и металла. Наиболее характерными для казанских татар и башкир были металлические чеканные или филигранные украшения. Н. И. Воробьев отмечал развитие этих украшений, описывая, как застежки к воротнику превращаются в самостоятельное украшение ювелирной работы. В этих украшениях татар и башкир несомненно можно констатировать среднеазиатское влияние, т. к. богатая торговая прослойка этих народов была связана со Средней Азией многими нитями. У других народов Поволжья таких украшений наблюдалось значительно меньше.

У некоторых народов Поволжья достигли значительного развития украшения из монет. Они иногда близко совпадают у разных народностей, имея различное наименование. В то же время под одним названием бытуют разные украшения. Под названием «ама» у чуваш мы уже описали украшение из монет, связанное с ожерельем. Под тем же названием «ама» (ожерелье) бытуют различные нагрудные украшения: 1) в монографии «Чуваши» описывается украшение «ама» в виде двух перекинутых через шею и спускающихся по груди до пояса полос, зашитых крупными монетами²⁶. Совершенно аналогичное украшение имеется у некоторых групп мари.

2) В Аликовской, Норусовской, Асакасинской волостях Ядринского уезда нам встречалось в 1928 г. ама в виде зашитого крупными серебряными монетами четырехугольника 30 × 40 см, одевавшегося на шею при помощи тесемок или скреплявшегося с наспинным украшением «пуç хыç». Это украшение приближается к башкирскому лакал (см. рис. 41). Но у чуваш существовали нагрудные украшения

²⁶ Проф. Н. И. Воробьев, А. Н. Львова, Н. Р. Романов, А. Р. Симонова. Чуваши. Этнографическое исследование. Часть 1, Чебоксары, 1956, стр. 324—325.

Мордовское поясное украшение «пулай». Коллекция ГМЭ.

из монет, носившие и совсем другое название. Название здесь опять не связано с самой вещью.

Это нагрудное украшение под названием «шўлкеме» носилось чувашами вирьялами и анат енчи в Ядринском и Чебоксарском уездах. Оно представляет собой прямоугольный кусок кожи, 10—12 см ширины и 20 см длины, который носился длинной стороной поперек груди. Кусок кожи сплошь зашит, как чешуей, мелкими монетами или, на более бедных экземплярах, жестяными, имитирующими старые монеты, бляшками «нухратками». Нухратки окаймлены одним-двумя рядами бисера и по краю монетами. К верхним концам пришита широкая петля, одеваемая через шею у девушек и скрепленная со вторым верхним куском кожи, тоже зашитым монетами, у замужних женщин. (См. рис. 42).

Верхняя часть этого составного украшения носит название «сурпан ҫакки», т. е. подвеска к «сурпану», и носится только замужними женщинами, которые носят головное полотенце «сурпан». Нижняя же часть, как и все украшения в целом, называется в других местах Ядринского уезда «шўлкеме». Слово «шўлкеме» несомненно связано с «ширкама» марийцев, «сюльгам» мордвы (см. выше). И то и другое обозначает застежку, скрепляющую рубашку 1-го типа. Шўлкеме же чуваш отнюдь не является застежкой и не имеет ее рудимента. Рудимент застежки, называемый «ҫеҫтенкё», пришивается к верхней части украшения сурпан ҫакки. Слово «шўлкеме», потеряв свой смысл, перешло на украшение, примыкающее к группе нагрудников, сделанных из кожи и покрытых монетами.

В то же время «ҫеҫтенкё» — рудимент нагрудной застежки — получил связь с головным полотенцем сурпаном. Подвешенное к сурпану, это украшение у чуваш и у мари служит тому, чтобы оттянуть на грудь обертывающее шею головное полотенце.

Не перечисляя всего многообразия украшений из монет, бытовавших в Поволжье, то связанных с ожерельями, то примыкающих к чисто нагрудным украшениям, следует лишь отметить очень большое сходство их с болгарскими украшениями из монет. В коллекции ГМЭ

Рис. 42. Чувашские нагрудные украшения: а) ҫуха, б) ама, в) сурпан ҫакки, г) шўлкеме. (с. Аликово Аликовского района Чувашской АССР).

Фото Н. И. Гаген-Торн.

Рис. 43. Болгарское нагрудное украшение из серебряных монет.
ГМЭ, coll. № II—Ж 2332.

Рис. 44. Болгарское нагрудное украшение (г. Свищов).
МАЭ, coll. № 372—52.

есть болгарское нагрудное украшение, очень близкое к чувашским, марийским и удмуртским нагрудникам. Это кусок ткани, вырезанный овалом по шее, с застежкой сзади, сплошь зашитый крупными монетами (см. рис. 43).

В коллекциях МАЭ имеются также болгарские матерчатые нагрудники из алого сукна, обшитые позументом, бисером и монетами. При помощи завязок они закрепляются на груди, видимо, поверх рубашки (coll. № 372-52, 53; см. рис. 44).

ПЕРЕВЯЗЬ ЧЕРЕЗ ПЛЕЧО

Необходимо остановиться еще на одном украшении, непосредственно не связанном с комплексом одежды. Его широкое распространение почти у всех исследуемых нами народностей указывает на их культурную общность. Несмотря на различные названия у разных народов или в разных группах той же народности, это, несомненно, один и тот же атрибут одежды (видимо, имевший и одинаковое осмысление) — перевязь, одеваемая на левое плечо под правую руку. У татар она носит название в одних районах «хэситэ», в других — «дэуат». Наиболее типичной «хэситэ» Н. И. Воробьев считает полосу ткани шириной от 5 до 10 см, с длиной хорды 30—35 см; под ткань, для твердости, подкладывали картон. На ткань нашивались цепочки, металлические бляхи, жетоны, монеты, пуговицы. Часто предметы, которые были нашиты, не могли служить украшениями, а были амулетами, талисманами. В некоторых районах к нижнему краю перевязи, под правую руку, пришивался мешочек с молитвой или заклинанием, а иногда металлический футляр для корана.²⁷

Иногда хэситэ у казанских татар делали не из полосы ткани, а из одних металлических четырехгранных блях, соединенных шарнирами, к которым тоже на шарнирах прикреплялся еще ряд блях. В этом нельзя не видеть прямую связь с перевязью, которую носили туркменские женщины. Она состояла из филигранно сделанных металлических блях со вставленным внутри каждой бляхи цветным стеклышком, изображающим камень. Бляхи были скреплены шарнирами. Внизу под правой рукой к ним прикреплялся металлический футлярчик для корана или небольшой мешочек с молитвою (коллекция ГМЭ, см. рис. 24, стр. 64).

Башкиры носили перевязь с левого плеча под правую руку, и у них она в одних районах называлась «эмэйзэк», а в других — «дэуэт». Еще П. С. Паллас описывал это украшение в Исетской провинции. Оно состояло из полосы материи в 15—20 см ширины, зашитой рядами кораллов и мелких серебряных монет, с коралловой бахромой по нижнему краю. В северо-западной Башкирии перевязь называлась «дэуэт». На него нашивали не кораллы, а монеты, камни, вделанные в ажурные бляхи, и полосы мишуры. В тех же районах, где носили дэуэт, носили другую перевязь, хэситэ, которая считалась не только украшением, но и оберегом, так как на ней были нашиты талисманы, амулеты, изречения из корана²⁸.

²⁷ Н. И. Воробьев. Казанские татары, стр. 303.

²⁸ С. И. Руденко. Башкиры, стр. 187.

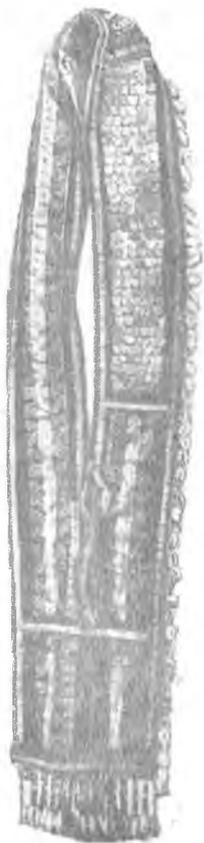

Рис. 45. Наплечное украшение «теветь». Чуваш-и-вирьялы.
МАЭ, колл. № 347.²⁰/₂.

Рис. 46. Наплечная перевязь бесермянок (Глазовский уезд Вятской губ.).
ГМЭ, колл. № 1111-47.

Удмуртские женщины тоже носили перевязь через левое плечо, под правую руку; она известна в разных районах под разными наименованиями и отличается по виду в разных районах Удмуртии.

В бывш. Глазовском уезде это была широкая лента с нашитыми на нее серебряными монетами и бусами. В быв. Малмыжском уезде эта холщовая лента, покрытая кумачом с нашитыми монетами, жетонами и пуговицами, носила название «сюмысбырттан». Термин «сюмыс» (русск.— кожа), возможно, указывает на первоначальное употребление кожаной, а не холщовой полосы. У южных удмуртов перевязь называлась «бутьмар» и тоже имела свои отличия. В. Н. Белицер, описав различные перевязи удмуртов и дав сравнительный материал, приводит точку зрения Н. И. Воробьева, что перевязь развилась из «бѳти» — амулета или мешочка с зашитой в него молитвой²⁹. Н. И. Воробьев дал подробное описание наплечной перевязи у казанских татар, указав, что их имеется два вида: один развился из бѳти — мешочка с охранительными молитвами, который у мусульман в обычае носить на себе, а вторую группу представляют собой перевязи из материи, на которых мы при всем старании не можем найти амулета.

У чуваш бытовали два типа перевязи, «теветь». У низовых чуваш (анатри) это была полоса холста, зашитая монетами, как и у кряшен. У анат енчи на обшитую красной материей полосу холста нашивались бусы, раковины-ужовки и ряд мелких бляшек «нужраток» (см. рис. 45). Бесермяне носили перевязь, очень близкую к перевязи чуваш анат енчи (см. рис. 46). Не повторяя большой литературный обзор о широком распространении перевязи через плечо, приведенный Н. И. Воробьевым и В. Н. Белицер, можно лишь отметить, что в оформлении перевязи ясно намечается два типа: 1) Перевязь с металлическими украшениями часто носится со специальным мешочком для молитв или заклинаний. Она, как убедительно показал Н. И. Воробьев, развилась в силу мусульманского обычая носить изречения из корана, молитвы и заклинания. 2) Перевязь из ткани красного цвета с вышивкой и нашитыми на нее раковинами и бисером не имеет никаких амулетов, потому что сама красная ткань и ракушки-ужовки уже являются оберегами³⁰, подобно тому, как это наблюдается в поясных украшениях.

²⁹ В. Н. Белицер. Народная одежда удмуртов, стр. 77—78.

³⁰ О значении ткани как оберега см. нашу статью «Обрядовые полотенца у народов Восточной Европы».

III

ПОЯСНЫЕ УКРАШЕНИЯ И ПОЯСНАЯ ОДЕЖДА

СОБСТВЕННО УКРАШЕНИЯ

Двум описанным выше типам рубашки соответствует различие в поясных украшениях.

Первый тип рубашки носится с достигающими наибольшей величины у мордвы поясными украшениями — «пулагаями», «пулаями». 2-й тип, в наиболее резко выраженном виде, носится совсем без пояса (у татар, башкир, казахов). Рубашки чуваш, мари, удмуртов, бесермян относятся к различным вариантам скрещения обоих типов, и поясные украшения их чрезвычайно разнообразны.

Начнем описание поясных украшений с мордовского материала. У мордвы поясные украшения достигали наибольшего развития и величины; у эрзи это были назадники «пулай», у мокши — набедренные куски ткани. Но и эрзянки носили в XVIII в. куски ткани в виде поясной одежды. В XVIII в. П. С. Паллас следующим образом описывает поясные украшения мордвы-эрзи: «Носят обыкновенно пояс, у которого назади внизу висит разделенная, разноцветной шерстяной пряжей вышитая, бахромою, пронизками, погремушками или балаболочками обвешанная кожа. Если они хотят нарядиться в праздник, то, кроме того, еще привешивают к поясу спереди и по сторонам всякие пестро вышитые и бахромою обложенные лоскутья»¹. (См. рис. 2, стр. 13).

В 1934 году в Кочкуровском районе (села Кочкурово, Сабаево, Премись, Тавла) Мордовской АССР во время этнографической экспедиции от Мордовского института национальной культуры мы наблюдали женщин, еще носивших национальный костюм и, как обязательную и важную часть его, тяжелый (до 8 кг весом) назадник из черной шерсти — «пулай» (пуло — по-мордовски хвост, и пуло называется также девичья коса).

О значении шерсти как изображения волос и о значении оберега — волос подробно остановимся ниже (см. стр. 139 и след.). Пулай в бук-

¹ П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям..., СПб., 1773, ч. 1, стр. 82.

вальном переводе — «нахвостник», делался из холщовой овальной подушки, с простежкой пеньки внутри. С наружной стороны зашивался рядами бисера, красного — «немыц» и белого — «ама». Между бисерными рядами были пришиты медные солдатские пуговицы. К внутренней стороне были подшиты нити черной шерсти, которые спускались на 15—18 см ниже подушечки и доходили почти до подколенок. На нарядный пулай с боков пришиваются еще «джок» — медные цепочки, с прикрепленными на концах монетами. Пулай одевается прямо на рубашку и прикрепляется холщовыми тесемками спереди. Рубашка напуском прикрывает тесемки, образуя большую пазуху. Вышивки на спине рубашки располагаются так, что доходят до места, где привязывается пулай, прерываются и начинаются снова, уже в той части, которая видна из-под пулая. В Теньгушевском районе Мордовской АССР пулай представляет собой маленькую подушечку из холста, простеганную пенькой. Наружная часть ее покрыта короткой бахромой из черной шерсти, на которую прикреплены ряды позументов, стеклянные пуговицы, раковины-ужовки и медные бубенчики. Верхняя часть покрыта полосой вышивки на холсте черной и красной шерстью (см. рис. 47).

Подушка прикреплена к холщовому поясу, низко завязываемому спереди под напуском рубашки. По описанию Н. И. Спрыгиной, этот пулай называется «цъка-сэри-гаркс» и носится в северо-западной части Краснослободского уезда. Гаркс, каркс по-эрзянски называется и просто пояс. У Самарской и Саратовской мордвы-эрзи «каркс» называется пояс без различия, мужской или женский, и назадник сделанный из точи холста, сплошь покрытой вышивками, защитой металлическими пуговицами, блестками и позументами.

В быв. Саранском уезде мордва-эрзя носила назадники пулагай

Рис. 47. Женщина в праздничном наряде с пулаем (с. Шокша Теньгушевского рай. она Мордовской АССР).

Фото Н. И. Гаген-Торн.

Чувашское старинное головное полотенце «сурпан» (Цивильский район Чувашской АССР). Коллекция Н. И. Гаген-Торн.

Македонский «убрус». ГМЭ, колл. № 4067-2.

Рис. 48 Пояные полотенца мордвы-мокши
МАЭ, колл. № XII-5. Фото А. В. Маторина.

или пулай, состоявшие из плотной полосы ткани 10 см ширины, вышитой бисером и украшенной медными пуговицами, раковинами-ужовками и металлическими жетонами. От этой полосы спускалась густая и длинная бахрома из черной шерсти². В быв. Городищенском уезде мордва-эрзя носила сзади поясное украшение, называвшееся «мукуроцьок», состоявшее из украшенного медными и фарфоровыми пуговицами пояса, от которого сзади спускались сплетенные нити разноцветного бисера. Мукуроцьок был принадлежностью девичьего костюма³. Вместе с назадником в селе Шокша носились обычно на бедрах продетые за пояс небольшие полотенца, около 60 см длины, 25 см ширины, с тканной красной выкладкой и продернутыми сеткой концами. Называются они «бокс патя». Иногда эти же бокс патя продеваются не за пояс, а за ляжки покрывающего лопатки украшения — «ожанучка» — прямоугольника, покрытого раковинами-ужовками.

Подобные полотенца, прикрепляемые на бедрах за пояс, у мордвы-мокши носят название «каркс-рутят». В южной части бывшего Краснослободского и северо-западной части бывшего Наровчатского уездов, по материалам Н. И. Спрыгиной, каркс-рутят представляют

² Н. И. Спрыгина. Одежда мордвы-мокши. Пенза, 1929. стр. 38

³ Там же, стр. 37.

собой короткие полотенца с затканными красной бумагой, украшенными лентой и шерстяной вышивкой концами.

В бывш. Рузаевском и восточной части бывш. Наровчатского уездов каркс-рутят украшены до самого верха прошивками, выполненными цветной строчкой, лентами, позументом и блестками. Они закладываются в складки наподобие фартука, подвязанного с боков⁴. В коллекциях Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР хранится ряд поя ных полотенец (20) мордвы-мокши (без указания района) по 6 штук в каждом экземпляре, которыми закрывались бедра и зад женщины, как настоящей поясной одеждой (см. рис. 48).

Спереди, рядом с каркс-рутят, подвешиваются поясные кисти — «кильки», состоящие из низок раковин-ужовок, бус и медных бляшек.

Для мордвы-мокши очень характерно обилие кистей, раковин и металлических бляшек, подвешанных к поясу, как это отметил еще Паллас⁵.

У марийцев на прикрепленные к поясу кисти из шерсти одевают медные трубочки. Скрепленные вместе ряды кистей с трубочками образуют назадник, приближающийся к пуляям мордвы-эрзи. При раскопках могильников XVI века в Тораевской волости ЧАССР мы встречали подобные поясные украшения, которые в равной степени относятся к горным мари и к чувашам-вирьялам⁶.

У чуваш-вирьял Тораевской волости Ядринского уезда к 1927 г. мы не наблюдали ни домотканых вышитых поясов, ни поясных украшений. Они носили шелковые покупные пояса, «пурсай пишси», из разноцветной ткани, сантиметров 7—8 ширины и 1,5—2 метров длины, одеваемые поверх напуска рубашки и передника, когда одевался передник «саппун» (см. ниже). Пурсай пишси опоясывался вокруг талии так, чтобы длинные концы его, с пестрой бахромой, висели у правого бока до самых колен. В праздничном наряде одевали два пурсай пишси. Напуск рубашки, называемый «хутлан», существенно необходимый при вирьяльском ношении рубашки, подбираемой выше колен, создавался другим, узеньким холщовым пояском — «писиххи», который оставался невидимым. К нему прикреплялись шерстяные тканые ленточки, шириной 15 см, длиной 50 см, с кистями синего бисера и шариками из разноцветной шерсти на концах. Назывались эти украшения «яркайч». Так же называли и весь пояс, поддерживающий напуск, если он делался не из холста, а был выткан из цветной шерсти. Рядом с кисточками «яркайч» на пояс в ста-

⁴ Н. И. Спрыгина. Одежда мордвы-мокши, стр. 40—41.

⁵ П. С. Паллас Путешествие по разным провинциям, стр. 109—110.

⁶ Экспедиция ГАИМК 1927 г. Раскопки П. П. Ефименко.

Рис 49 Чувашские пояса (Ядринский уезд
Казанской губ.)

Фото Ю. А. Никитина.

рину подвязывали кожаный кошелек — «енчѣк», стянутый сверху шнурком с бисерными кистями, и медный гребешок с коскими головами.

Покупной пояс пурѣан пиѣци пришел в этом районе на смену старинному поясному украшению «сарѣ». В деревне Ойкас-Абаши нам показывали конец домотканой синей шерстяной полосы, вышитой алым шелком и зеленой шерстью и обшитой шелковыми ленточками, утверждая, что раньше носили такие пояса. В коллекциях ГМЭ в Ленинграде, собранных в начале 1900-х гг. в бывш. Ядринском уезде Казанской губ. и бывш. Курмышском уезде Симбирской губ. (колл. № 279, №№ 152, 153, 163 — 172 и т. д. И. Н. Смирнова), находится целый ряд поясов из домотканой синей шерстяной материи, 10 см ширины и от 2 до 2½ метров длины. Оба конца этих синих полос на 35—38 см вышиты поперечными вышивками, от-

деленными друг от друга алыми шелковыми ленточками. Низ этих концов окаймлен бисерной бахромой. В верхней части вышивки с обоих концов пришиты тонкие кожаные ремешки. Называются эти пояса «сарѣ». (См. рис. 49). По собранным нами сведениям, они одевались, обматываясь два раза вокруг талии, а кожаные ремешки завязывались так, чтобы поддерживать вышитые концы с двух сторон на бедрах. В тех же районах бытовали пояса не из шерсти, а из белого холста (колл. № 279-161, 162 см. рис. 51, стр. 108). Они обозначены И. Н. Смирновым, как «полотенца в 1 метр 88 см длины и 14,5 см ширины, пояс с верховой чувашской женщины». Концы полотенца на 30 см зашиты сплошной вышивкой красным и зеленым шелком, синей, желтой и черной шерстью. В коллекциях из Чебоксарского уезда есть «полотенце поясное» в 1 метр длины и 17 см ширины с концами,

вышитыми рядами восьмиконечных звезд из красного, желтого шелка и черной шерсти (колл. № 179-80-28). У этого поясного пологенца концы, очевидно, тоже располагались так, что висели с обеих сторон, по бедрам. Собственно, эти-то концы и носят название «саря» (см. рис. 50).

В большом селе Аликово (бывш. волостном центре) нам сообщили, что в старину носили не два, а четыре саря, называя саря куски материи (домотканой, шерстяной, на подкладке из холста), сплошь вышитые шелком и отороченные бахромой из черной шерсти. Размеры этих кусков 15×12 см для боковых полос, 20×10 см для одеваемых сзади полос. Они продевались на узкую холщовую тесемку, которой и подпоясывалась рубашка так, что с боков висели более длинные и широкие, а сзади более узкие полосы.

У чуваш анат енчи бывш. Цивильского уезда полосы не продевались на пояс, а пришивались к концам, составляя одно целое с ним. В коллекциях И. Н. Смирнова (ГМЭ, колл. № 178-2 в Ленинграде) имеется несколько поясков, свыше двух метров длины и около 4 см ширины, к которым пришиты вышитые концы в 36×10 см. Одетые на бедра, они создают то же впечатление, что и концы, протернутые сквозь пояс. П. С. Паллас, описывая чувашский женский костюм XVIII века, сообщает: «Они так же, как мордовки, украшают себя большими пряжками и нагрудниками да висящими от пояса на стороне пестро вышитыми лоскутьями с бахромой, что у них «сар» называется»⁷. (См. рис. 10, стр. 31).

На рисунке П. С. Палласа изображена чувашка с двумя вышитыми и отороченными бахромой прямоугольными кусками ткани на бедрах. Были ли эти куски ткани концами пояса, заправленными и завязанными на боках, или они продевались, как в Аликовской волости, на пояс, непонятно, так как сам пояс скрыт под рубашкой.

Рис. 50. Чувашский пояс «саря». МАЭ, колл № 317—6с/3.

⁷ П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям, ч. I, стр. 136.

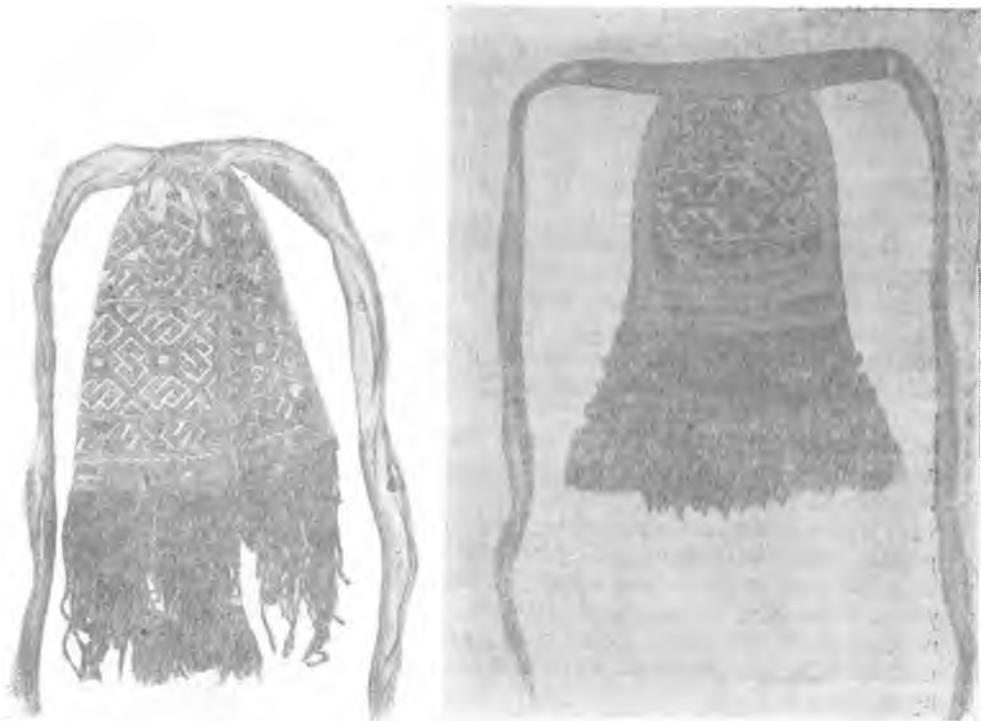

Рис. 51. Типы поясных подвесок «саря́»

- а) «Саря́» (Цивильский уезд). 1907 г. ГМЭ, колл. № 1239-133. б) «Сара» нового типа, 1907 г. ГМЭ, колл. № 1239-136. Фото А. А. Гречкина.

Другой тип поясных украшений у чуваш получался, когда концы саря́ завязывались сзади. В 1927 г. в Чувашско-Сорминской волости Ядринского уезда и Шихазанской волости Цивильского уезда, в Богородской волости Чебоксарского и Батыревской волости Батыревского уезда носилось поясное украшение в виде маленького назадника из холста трапецевидной формы, обшитого кумачом по краям, вышитого в середине шелком и окаймленного снизу бахромой черной шерсти. Оно называлось «саря́». Орнамент вышивки этого украшения разделялся на две части расположенной сверху вниз полоской кумача (см. рис. 51). В тех же местах, где бытовал указанный саря́, нам удалось найти более старую форму его, состоящую из двух лопастей, скрепленных между собой.

И. Н. Смирнов описывал доставленные им в ГМЭ вещи: «пояс верховой чувашской женщины, состоящий из двух холщовых клиньев, сшитых вместе узкими концами своими и вышитых на широких концах разноцветным шелком (орнамент геометрический), на одном вышитом конце имеется шелковая бахрома красного цвета, на другом она оборвана (с. Ядрино, Казанской губ.)» (колл. № 279-161, 162).

Под сара́ сзади обычно прикреплялся «хўре», что означает в переводе хвост. Это — кисть из разноцветного бисера, сантиметров 20—25 длины, с медным кольцом в основании. Верховые чувашки носили хўре с медными трубочками, продернутыми на черный конский волос и зацепленные крючками за медное кольцо у пояса⁸. Такие же медные трубочки у пояса носили и марийские женщины.

Иногда хўре сделано из сплошных нитей бисера, в других же случаях это нити красной шерсти, с вплетенными в них бисеринами и более крупными бусами на концах. Хўре привязывалось за кольцо к поясу. Девушки привязывали к поясу конец тесемки, вплетенной в косу, как пояснили нам, «чтобы коса не болталась в разные стороны». Хўре прикреплялось к этой же тесемке. Весьма вероятно, что хўре, носимое как поясное украшение, связано по происхождению с накошником. Переход сара́, носимых чувашками на бедрах, в назадник, по-видимому, явление сравнительно недавнее и относится к концу XIX века. Во всех районах, где нам встречался этот тип сара́, еще помнят, «что раньше сара́ было два». В старинных экземплярах действительно сохранились две лопасти, лишь слегка скрепленные между собой (см. рис. № 51а).

В некоторых районах перекинутый назад сара́ сменил другое украшение, которое в 1927 г. почти ушло из памяти населения. Нам удалось записать рассказы о нем и найти два случайных экземпляра в с. Шихазанах и дер. Нюргечи Цивильского уезда. Это треугольник из холста, покрытый красным кумачом. Середина треугольника вышита черной шерстью, красным и зеленым шелком, с орнаментом свастики. На кумач, обрамляющий вышивку, были пришиты, по-видимому, цветные ленты (они спороты, и остался только след). Оба катета окаймлены бахромой из зеленого бисера. К концам гипотенузы пришиты холщовые тесемки. Называется весь треугольник «чалма». О способе ношения ее население не имеет уже ясного представления: в селе Шихазанах рассказывали, что его надевали сзади на пояс, а в деревне Нюргечи сообщили, что «чалму» одевали во время свадьбы жениху на плечи. Некоторые, однако, уверяли, что одевали на спину,

⁸ Проф. Н. И. Воробьев, А. Н. Львова, Н. Р. Романов, А. Р. Симонов а. Чуваш, стр. 332.

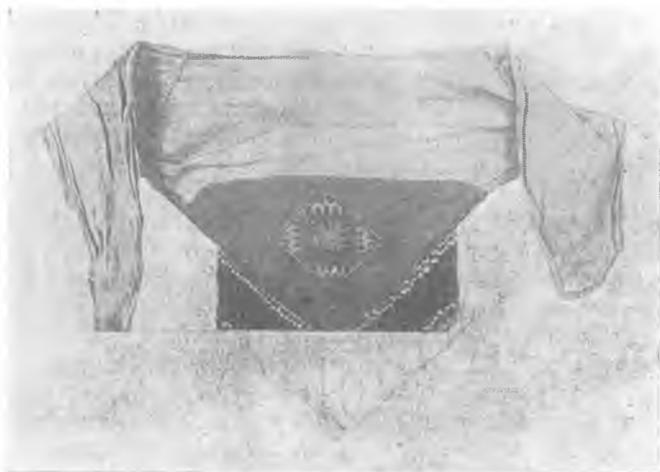

Рис. 52. Чувашское поясное украшение «чалма» (Цивильский уезд). 1907 г.
ГМЭ, колл. № 1239-149. Фото А. А. Гречкина.

а не на плечи, но точно никто не помнил. В коллекциях ГМЭ (колл. № 1239-40-142, см. рис. 52) встречаются экспонаты под названием «шърса чалма» (т. е. бисерная чалма) из Цивильского уезда Казанской губ., приобретенные в 1902 г., названные «женское поясное украшение». За то, что они употреблялись в качестве поясного украшения, говорит присутствие аналогичной чалмы в сложном поясном украшении из той же коллекции (колл. № 1239-93), зарегистрированном как старинный пояс «сум тутри», надеваемый свахами поверх кафтана во время свадьбы в Чебоксарском уезде, Казанской губ.

И. Н. Смирнов, собиратель колл. № 1239, пишет: «Шърса чалма— поясное украшение — треугольник, лицевая сторона обшита красным кумачом с полоской зеленого ситца между двух рядов узкой белой тесемочки «городки»; по середине расположен квадрат вышивки красным шелком и зеленой шерстью в виде геометрического орнамента, на нижнем углу бахромы из зеленого, красного и белого бисера; на боковых узлах завязки из холста.

Оно состоит из: а) треугольника, покрытого кумачом, называемого хўре, аналогично описанной выше «чалме», б) вышитых и обшитых шелковыми тесемками полос — саря, в) пришитых к треугольнику маленьких кусков красной материи, отороченных бахромой— «чори хўре», г) подвесок, прикрепленных к поясу, называемых «яркяч», аналогичных встреченным нами яркяч Тораевской волости, д) протянутой

между сара́ полосы из двух нитей крупного черного бисера на медных кольцах, называемой «шерепе».

Этот свадебный убор объединяет целый ряд поясных украшений и подвесок, встреченных нами отдельно, в одно сложное целое, закрывающее зад и бедра женской одежды почти до колен. Таким образом, по-видимому, назадник и набедренники бытовали у чуваш совместно.

Поясное украшение в виде назадника из вышитого куска холста, обшитого кумачом с бахромой из черной шерсти, которое бытовало в 1927 г. в Чувашско-Сорминской волости Ядринского уезда, Шихазанской волости Цивильского и Батыревской волости Батыревского уезда, имело в 20—30-х годах XX века наиболее широкое распространение, простираясь на юг до границы ЧАССР.

В 1957 г. мы с А. Н. Львовой зафиксировали его в самой южной части ЧАССР в деревне Старые Чукалы и в селе Трех-Изб-Шемурша Шемуршинского района. По рассказам, оно бытовало там до Отечественной войны 1941—45 гг., а в послевоенные годы вышло из употребления, но еще хранилось в сундуках (см. рис. 53).

Распространение поясных подвесок из ткани охватывает район гораздо более широкий, чем Поволжье. Длинные, подвешенные к поясу по бокам полосы вышитой ткани встречаются у ижор Ленинградской области под названием «каттирет» (см. рис. 54, стр. 112)⁹.

Анализу поясных подвесок посвящена специальная работа Н. П. Гринковой¹⁰. Н. П. Гринкова привела обширный материал бытования поясных подвесок у русского населения, главным образом, бывш. Воронежской губернии, где к поясу прикрепляются однолопа-

Рис. 53. Женщина в старинном наряде, в головном уборе «хушпу» и с «сара́», повязанным поверх сурпана (дер. Трех-Изб-Шемурша Шемуршинского района Чувашской АССР). 1957 г.

Фото Н. И. Гаген-Торн.

⁹ Н. Ф. Прыткова. Одежда ижор и води, КИПС, 1929, стр. 318.

¹⁰ Н. П. Гринкова. Очерки по истории русской одежды. Поясные украшения. «Советская этнография», 1934, № 1—2.

Рис. 54. Ижорка в старинной одежде с поясными подвесками «каттирет».

По книге Н. Ф. Прытковой.

родцова и П. П. Ефименко, относящиеся к районам Волго-Донскому, Волго-Камскому и Окскому, свидетельствуют, что в могильниках находятся богатые материалы по поясным привескам и однолопастного, т. е. носившегося сзади, и двухлопастного, носившегося на бедрах, типа. Лингвистический анализ приводит Н. П. Гринкову к убеждению,

стные и двухлопастные подвески, носимые обычно вместе с женской понёвой.

«Мы застаем,— пишет она,— у русского населения следы поясных украшений, в виде нашивок и вышивок на понёвах, в эпоху строительства социализма и бесклассового общества на территории СССР. Углубляясь дальше, в эпоху капитализма, мы видим в ряде мест отдельно бытующие поясные подвески в слабом, не ярко выраженном оформлении; эти же подвески в ярко выраженном оформлении в эту же эпоху находим у ряда соседящих народов. Наконец, идя ретроспективно в глубь времен, мы обнаруживаем, при помощи археологических данных, наличие тех же самых поясных подвесок в эпоху раннего феодализма. Дальше этого исторического периода наш вещественный материал нас не может вести, за отсутствием фактических данных. Естественно, что возникает вопрос, следует ли ограничиться, в исторической трактовке интересующего нас элемента, эпохой феодализма и трактовать этот элемент, как порождение возникающего на территории Восточной Европы классового общества, или же попробовать идти дальше, в доклассовое общество, и искать там, в структуре доклассового общества, тех же самых элементов»¹¹.

Археологические данные по материалам А. А. Спицына, В. А. Го-

¹¹ Н. П. Гринкова. Очерки по истории русской одежды, стр. 79.

Македонска наплична вишивка. Г.МЭ, кола, № 1722-3.

что эти подвески имеют культовое значение, причем они теснейшим образом увязываются автором с имеющим культовое значение поясом. Анализ поясных подвесок у русского населения показывает, что поясные подвески связаны с поясной одеждой и сама поясная одежда женского южнорусского костюма — понёва — тоже является разросшимися орнаментированными поясными подвесками. Приводя целый ряд фактов по расположению орнамента на понёве, украшению ее швов и способу ношения, Н. П. Гринкова блестяще доказала свое положение, что «южная понёва данного типа развилась из отдельных полос, позднее получивших соответствующие украшения: эти полосы являлись подвесками к поясу. Таким образом, упомянутый тип понёвы возможно связать с той группой вышеописанных поясных подвесок, которые прикрепляются в виде парных на поясе»¹². На тесную связь подвесок с поясом указывает, у мордвы-эрзи, и одинаковость названия: каркс — пояс и каркс — поясные украшения.

Внимательно рассматривая изображения мордовской женщины и девушки в книге П. С. Палласа (см. рис. 2), мы видим у девушки парные подвески на бедрах, а у женщины куски орнаментированной ткани, сплошь покрывающие спину и бока, как поясная одежда. Куски ткани оторочены кружевами и черными кисточками. Предметы, имеющиеся в старинной мордовской коллекции МАЭ, позволяют нам лучше понять условный рисунок в книге П. С. Палласа. Эти предметы колл. XII-5 представляют скрепленные между собой, перегнутые наподобие украинской плахты полотенца. Вышитые и отороченные кружевами концы их доходят от пояса до колен женщины, как поясная одежда, закрывая зад и бока. Спереди на том же пояске продеты подвески из снизок раковин-ужовок. Эти мордовские поясные полотенца неоспоримо подтверждают высказанное Н. П. Гринковой положение, что между поясной одеждой — поневой, с одной стороны, и поясными подвесками, с другой стороны, нет резкой грани: как та, так и другие представляют собой магические символы, служащие оберегом для владельца. Гораздо сомнительнее и менее доказательна та схема этапов развития поясных украшений, которую выдвинула Н. П. Гринкова.

Несколько искусственно и утверждение Н. П. Гринковой о полной идентичности в происхождении поясных украшений, или, правильнее сказать, магических знаков, носимых на поясе, с самим поясом и увязка их культового значения с культовым значением пояса.

Культовое отношение к поясу, мне кажется, имеет по происхождению своему не столько культ неба, сколько племенное отличие, связанное с отличиями производственными: кочевники-скотоводы на

¹² Н. П. Гринкова. Очерки по истории русской одежды, стр. 74.

нательной одежде, и в особенности на женской одежде, не имеют пояса, и он им не нужен. Для земледелия или собирательства и охоты в лесу — пояс необходим и неизбежно употреблялся всеми народами. Это стало восприниматься как племенное отличие: беспоясые — это «проклятые бусурмане», кочевники и враги. Носящие пояс — земледельцы, свои. Племенное отличие тем самым уже становится священным, к поясу же подвешиваются особые предметы, служащие оберегом. Происхождение этих предметов станет несколько яснее, если мы разобьем их не на двухлопастные и однолопастные, как делает автор, а постараемся проследить цели, для которых их употребляли, осмыслить их значение. Мы можем заметить тогда, что все поясные привески по своей функции разделяются на две группы.

Первая группа связана со священными предметами, типа талисмана или амулетов, надеваемых на себя человеком. Сюда относятся служащие оберегом предметы: раковины-ужовки, бусы из коралла, янтаря, куски металла (в особенности гремушки из металла). Подвешивают на себя все эти предметы, обычно в виде кистей или цепочек, на шерстяных нитях красного или черного цвета, причем красный или черный цвет и материал — шерсть — тоже являются не случайностью, а сами по себе служат оберегом, как мы увидим ниже. Характерным примером подвешивания такого рода священных предметов может быть приведенная Н. П. Гринковой связка куриных костей, одетых на пояс, — «вставаранка» — в бывш. Землянском уезде бывш. Воронежской губ.¹³.

Вторая группа подвесок — не священные предметы, а куски ткани, сила которых в покрывающих их знаках. Это — своего рода пиктографическое письмо: кусок материи, служащий покровом, становится священным и мог быть оберегом в силу знаков, поставленных на нем рисунком, вышивкой или тканьем.

Между этими двумя типами оберегов есть существенная разница, причем второй тип, несомненно, является позднейшим, так как связан уже с умением обработать покров для тела. Для того чтобы наносить знаки на одежду, надо знать ткачество или иметь выделанную кожу, а не просто шкуру.

Таким образом, нам кажется, что подвески в виде кусков материи относятся к более позднему этапу развития, чем подвески со священными предметами или просто с кистями цветной шерсти. Самое скрепление кистей шерсти с металлическими гремушками в единое целое, как в пуляях мордвы-эрзи или назадняка мари, развивается вместе с представлением о покровах, которым они подражают и с которыми скрещиваются, создавая более сложные типы украшений.

¹³ Н. П. Гринкова. Очерки по истории русской одежды, стр. 74.

Н. П. Гринкова связывает культовое значение всех типов подвесок с культовым значением пояса. Но так ли уж сильна связь кусков материи, украшенных магическими знаками, именно с поясом? Короткие полотнища, покрытые вышивками, «кеск руця» у мордвы-мокши, носятся на поясе. Но «руця» у мордвы-эрзи значит не пояс, а верхняя одежда и сводится, при дальнейшем рассмотрении этого слова, к понятию покрывала. Шокшинская мордва Теньгушевского района Мордовской АССР носит такие же полотнища не на поясе, а прикрепляет их на спине у лопаток, клямкам украшения «ожа-нучка», тоже называя их «руця».

Чуваши носят вышитые куски материи в виде поясных подвесок — саря, но эти же чуваши имеют вышитые аналогичными приемами куски материи, которыми на свадьбе обрядово меняются жених и невеста. Это так называемые «свадебные платки», «суляк», «солык». Они представляют собой прямоугольный кусок холста, со всех сторон покрытый вышивкой, из алого с небольшой примесью зеленого и желтого шелка и черной шерстью, отороченной бахромой. Богатые коллекции этих полотенец из ЧАССР имеются в ГМЭ в Ленинграде (колл. № 279-101-110). Такие же «солык» есть и у мари.

У марицев «солык» называются короткие куски вышитого холста, которые носятся на поясе, но «солык» же называется и покрывало невесты, и платок жениха и свахи (ГМЭ колл. № 2848-4,5). На свадьбе эти платки, вернее, короткие полотнища с орнаментированными концами, не только продаются за пояс, но и подвязываются свахами у кистей рук, поверх кафтана, как это изображено на фотографии свахи в ГМЭ (см. рис. 55).

У удмуртов «сюлык» называется вышитое покрывало из холста, которое одевается поверх женского головного убора «айшона»¹⁴.

¹⁴ В. Н. Белицер. Народная одежда удмуртов, стр. 66.

Рис. 55. Сваха с полотенцами.
ГМЭ, колл. № 1086-60.

У чуваш одним и тем же словом «чалма» обозначается как вышитый и отороченный бисерной бахромой треугольник, одеваемый на пояс, так и треугольник из холста, которые женщины в Цивильском и южной части Чебоксарского уездов повязывают на голову, поверх сурпана.

Слово «сарӑ», обозначающее у чуваш поясные подвески, состоит в несомненной генетической связи как со словом «сорпан, сурпан, сарпан», так и со словом «сорока», «сарока», обозначающим головные уборы, и со словами «сорочка» и «сарафан» у русских, применяемыми к одежде. Все эти слова восходят к понятию охранительного покрова.

К этому же понятию покрова подводит нас и термин «солык»¹⁵, употребляемый как для кусков холста, так и для покрывал головных уборов, и термин «руця», служащий для обозначения и полотенца и одежды¹⁶.

Из этого следует, что покровом, оберегом, являлись куски материи с накрашенными, вышитыми или вытканными на них символическими знаками, весьма вероятно — знаками тотема. Эти куски были частями одежды, одевавшимися на требующие наибольшего оберега части тела. Их носили как покров головы (с чем мы сталкиваемся в дальнейшем) и как покров — поясная одежда, носимая на боках или сзади.

ПЕРЕДНИКИ

Наряду с кусками материи, прикреплявшимися к поясу по бедрам и на спине, в Поволжье бытовали куски ткани, подвешиваемые спереди, которые проделали иную эволюцию в связи с новыми формами одежды, давшими разнообразные варианты передника у разных народов.

Чувашские женщины и девушки поверх рубашки носили и носят передники, фартуки. Называются фартуки у вирьял «хвартук» или «сапан». Более новый сапан у вирьял, начиная с 20-х годов XX в., был кусок покупной материи, очень часто сатина, собранный на тоненький поясok из той же материи, внизу отделанный воланом, цветными ленточками и кружевами (Аликовская и Норусовская волости). Старухи в 20-е годы носили домотканый сапан из двух точек холста: одна цельная точка имеет сверху лямку, одеваемую на шею. Другая, разрезанная пополам и пришитая на бока точка доходит до пояса и завязывается сзади тесемками.

¹⁵ У казанских татар головной платок женщин называется «яулык», что связано с термином «солык». Подробнее об этом см. стр. 196—197.

¹⁶ Подробнее см. статью Н. И. Гаген-Торн. Обрядовые полотенца у народов Восточной Европы.

Такой сапан носился только старухами, молодые носили или передник, прикрывающий грудь, или сапан совсем закрытый, до самого горла, с завязками сзади (деревня Ойкас-Абаши). Оба сапана, несомненно, являются нововведением, распространенным в связи с утилитарным назначением: закрыть передником одежду при работе. Такое производственное значение имел закрытый передник-запон туникообразного покроя с рукавами длинными или полукороткими, с одним полотнищем, перекинутым на спину, употреблявшийся многими народностями. Он бытовал у южнорусских (в бывш. Воронежской, Пензенской, Тульской, Тамбовской и Рязанской губерниях), у русской мещеры, мордвы — мокши и эрзи.

Казалось бы, его происхождение может быть объяснено чисто утилитарным, производственным моментом. Но в целом ряде районов он хранит черты, указывающие и на другое значение. Так у русской мещеры в бывш. Спасском уезде Пензенской губ. и бывш. Моршанском уезде Тамбовской губернии мы наблюдали в 1925 и 1928 гг. носение запона как обязательной праздничной одежды. Запоны эти по нижнему краю оторочивались плетеными кружевами, носящими название «хрыбы», далее украшались выкладками из красной бумаги, лентами и блестками от нижнего края почти до самого пояса. Такие вышивки не могли возникнуть на рабочем костюме и вряд ли создались только как украшение. Вернее, следует предположить, что они перенесены на этот запон с другой старинной поясной одежды, на что указывает характер вышивки.

Подобные старинные поясные передники бытовали у мордвы-эрзи Кочкуровского и Теньгушевского районов Мордовской АССР¹⁷. Это — подвязанный спереди на талии кусок холста в одно точиво, почти сплошь покрытый вышивками, длиной в 40—50 см; назывался он «икильгапатья». «Патя» — означает платок, «икильга» — по переду, передний. Вышивка на икильгапатья в селе Сабаеве Кочкуровского района делалась в старину красной окрашенной мареной шерстью, а позднее — покупной красной краской. Узор состоял из рядов ромбов. Называется он «пельца». Называют этот узор также «коу», что значит месяц, потому что он «кругло, как месяц, вышивается»¹⁸.

В селе Тавлах, этого же района, вышивки на икильгапатья меньше, ее заменил кумач. Низ икильгапатья покрыт кружевом или лентами, швы оторочены кумачом (см. рис. 56, стр. 118).

Самое название передника «передний платок», как и украшение его вышивкой, связывает его с вышитыми кусками холста на бедрах и с «карксами» саратовской мордвы, носимыми сзади (см. описание на 103—104 стр.). Подобный передник, покрытый вышивками, встре-

¹⁷ Полевые записи автора 1934 г.

¹⁸ Сообщено колхозницей с. Сабаева Евдокией Яковлевной Калачиной в 1934 г.

Рис. 56. Мордовский передник.
ГМЭ, coll. № 1069-199.

чался и у чуваш. Так, в деревне Чешлама бывш. Цивильского уезда нами был зарисован передник—«чёрситти», представляющий собою кусок домотканой бумажной материи красного цвета. Длина его 55 см, ширина 48 см. На материю пришиты: выкладка из красных шелковых лент с ромбическим орнаментом, разноцветные шелковые ленточки, полоса кумача и в самом низу — плетеное кружево. Завязки пришиты к верхнему краю, несколько отступя, перпендикулярно краю материи. Повязывается он не у талии, а ниже, на бедрах. (См. рис. 57, стр. 119).

Чрезвычайно близки к старинным чувашским передникам чёрситти передники дунайских болгарок, носящие название «престилки». В МАЭ имеется около тридцати таких передников, главным образом, из северо-западной части Болгарии, где в литературе описан Хр. Вакарельским так называемый «двупрестилочный» женский костюм¹⁹.

¹⁹ Хр. Вакарельский, Дм. Иванов. История на облеклото. София, 1942.

Рис. 57. Чувашский женский передник (Цивильский уезд Казанской губ.).

ГМЭ, coll. № 1239-72в. Фото А. А. Гречкина.

Женская одежда этого комплекса состоит из холщовой вышитой сорочки и суконной поясной одежды, состоящей из двух «престилок» — кусков шерстяной ткани, завязываемых на поясе. Задняя престилка — «вълненик» бывает или из плиссированной черной или темно-синей домашней шерстяной ткани, украшенной по подолу лентами, вышивкой и позументом, или из более плотной красной материи узорного тканья. Передняя престилка делается из двух сшитых вместе узорнотканых точек (от 25 до 35 см ширины) плотной красной шерстяной ткани. На точке выткан многоцветный геометрический орнамент, очень близкий к орнаментам на узорном тканье у народностей Повол-

Рис. 58. Болгарский передник «престилка» (г. Свищов).
МАЭ, колл. № 372-96. Фото А. В. Маторина.

жья (рис. 58). Подол этого передника украшен позументом, цветными лентами, иногда бисером или монетками, а иногда полосой кружев. Вверху, отступя от краев, пришиты завязки из шнурков, которыми подвязывают передник. Эти поясные передники из домашней шерстяной ткани иногда украшаются еще и вышивками. Мария Велева описывает в одежде Котленского района подобные престилки как наиболее старинные²⁰. Им на смену в этом районе пришли другие

²⁰ Мария Велева. Котленска носия от началото на XIX век. «Известия на Етнографския институт с музей». София, 1953, кн. 1, стр. 35.

передники, сшитые из гладкой темной шерстяной домотканины или из покупной материи. Они шьются в сборках на поясе и имеют нагрудник с лямкой через шею²¹. В Котленском районе мы можем, таким образом, констатировать последовательную замену старинного передника — куска ткани, прикрывающего спереди таз женщины, — передником с нагрудником и лямками. В других районах Болгарии наблюдается, сколько можно судить по имеющимся в Ленинграде (в ГМЭ и в МАЭ) коллекциям, тот же процесс: старинный, домотканый, узорный передник-платок заменяется фартуком с нагрудником, близким к общеевропейским формам. Совершенно аналогичный процесс наблюдается в передниках у удмуртов, бесермян, чуваш. В. Н. Белицер описывает передники удмуртов так. С вышитой белой, т. е. наиболее старинной рубашкой носится передник, сшитый из двух полотнищ белого холста, пришитых к обшивке-пояску «азькышет». Ширина передника 65—75 см, длина 70—75 см, подол отделявают оборкой. Как видно на рисунке, передник почти сплошь покрыт вышивкой. Позднее, с исчезновением белого холста в одежде, передники начинают делать из покупной материи и делают его с нагрудниками, украшают воланом и вышивками (айшет)²². Такая же замена передника, вышитого куска ткани, который подвязывали спереди, на завязках, передником с грудкой, часто сшитым из покупной материи, отмечена Т. А. Крюковой для марийцев. Т. А. Крюкова считает при этом, что передник у марийцев появился гораздо позднее, чем сложился основной комплекс марийской одежды²³. Таким образом, наиболее старая форма передника восходит к куску вышитой ткани с пришитыми по верхним углам завязками, при помощи которых он привязывается спереди, на поясе или ниже пояса, на бедрах. По орнаменту украшений он близко связан с такими же кусками ткани — платками, которые носили на бедрах и на спине. У мордвы-эрзи он так и назывался «передний платок» (см. стр. 117). В своем позднейшем развитии он приобрел поясок, а дальше кусок ткани, который поднимался на грудь. На этот новый передник частично была перенесена старинная вышивка, как мы видим на запонах мешеры. В других случаях передник стали шить из покупной материи, украшать воланами, и он утратил всякую связь с платком.

ШТАНЫ

Еще одной, обязательной для многих народов Поволжья, женской нагрудной поясной одеждой являются холщовые штаны. Их носили татарки («иштан»), чувашки («йём»), удмуртки («штан»), мордва-

²¹ Мария Велева, Котленска иосия. «Известия на Етнографския институт с музей», 1955, книга II, стр. 71.

²² В. Н. Белицер, Народная одежда удмуртов, стр. 44—45.

²³ Т. А. Крюкова, Материальная культура марийцев XIX века, стр. 130.

мокша («понкст»). Не носили штаны только русские женщины и женщины мордвы-эрзи. Покрой женских штанов не отличался от мужских: и те и другие были двух типов, причем у одной и той же национальности встречались оба типа. Первый тип — это штаны того же покроя, как русские старинные мужские штаны: они кроются со штанинами из цельной точи и вставленными в середину косыми клиньями, носятся на продетой в пояс вздержке — гашнике. Такие штаны для русского мужского населения описаны Г. С. Масловой²⁴ и Н. И. Лебедевой²⁵. Этот тип штанов встречался у удмуртов, мари, чуваш-вирьял и носился как женщинами, так и мужчинами²⁶. Второй тип штанов распространен более широко, также встречаясь и у мужчин и у женщин. Он бытовал у татар, башкир, чуваш анат енчи, мордвы-мокши. С. И. Руденко считал его господствующим для всех групп башкир. «Верхней поясной одежды, общей для обоих полов, у башкир не было; нижняя же поясная одежда — штаны — по крою и по материалу была одинакова, как у мужчин, так и у женщин. Покрой этой одежды в основе своей был один и тот же, несколько варьируя только в зависимости от местности или, вернее, от материала. Очень широкие и длинные шаровары (салбар) кроились так, что средняя часть всегда состояла из одного цельного куска материи, никогда не имела прорех, а по бокам к этой средней части пришивались штанины с одной или двумя парами клиньев»²⁷.

У казанских татарок штаны также не отличались от мужских и принадлежали к этому же второму типу. «Штаны у татар, — писал Н. И. Воробьев, — безразлично какого пола и возраста, имеют один покрой и составляют, собственно, из трех частей — двух штанин и вставки между ними, так что принадлежат к типу штанов с широким шагом»²⁸.

Чувашки носили штаны как первого, так и второго типа, причем штаны первого типа бытовали преимущественно у вирьял, а второго типа — у анат енчи. Стоит отметить различное отношение женщин к своим штанам, существовавшее у различных групп чуваш. У чуваш-вирьялок штаны виднелись из-под высоко вздернутой рубашки и не считались исподним платьем, как и у горных мариек; женщина могла

²⁴ Г. С. Маслова. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX вв. «Труды Института этнографии», Новая серия, т. XXXI, М., 1956, стр. 592.

²⁵ Н. И. Лебедева. Народный быт в верховьях Десны и верховьях Оки, стр. 121.

²⁶ В. К. Белицер. Народная одежда удмуртов, стр. 91.

²⁷ С. И. Руденко. Башкиры, стр. 160.

²⁸ Н. И. Воробьев. Материальная культура казанских татар. Казань, 1930, стр. 314.

показывать свои штаны, и в этом не видели ничего зазорного. Другое отношение к штанам наблюдалось нами в Цивильском и Батыревском уездах в 1928 г., там носили короткие, доходившие до колен, штаны второго типа, скроенные из двух точек прямыми трубками, облегающими ноги, и вставленной в середину цельной точки; у верхнего края, с обеих сторон, пришивались завязочки, стягивавшие штаны на бедрах; штаны не поднимались до пояса. Штаны эти женщины никому не показывали и, если во время сушки белья кто-нибудь входил во двор, их спешили убрать.

К тому же покрою приближались штаны мордвы-мокши, описанные Н. И. Спрыгиной. Но они делались длиннее, до самых лодыжек, и шире, что достигалось при помощи вставленного в каждую штанину косоугольного клина²⁹. Нижний край штанов был украшен вытканной красной полосой. В 1934 г. на базаре в с. Темникове нам встречались мордовки, которые, сохранив национальный костюм, перестали носить лапти и онучи, заменив их городскими ботинками. Из-под коротко подобранных, с большой пазухой рубашек (часто из цветной покупной материи), доходивших до колен, виднелись белые штаны с красными каймами у щиколоток. Штаны эти не являлись «исподним платьем», показывать их, у этой группы мордвы, настолько позволительно, что так ходят даже на базар.

Удмуртки, по описанию В. Н. Белицер, носили штаны второго типа с одной особенностью: нижние половины штанин пришивались так, что образовывали одну горизонтальную линию с мотней, а верхние половины каждой штанины образовывали прямой угол с нижней половиной³⁰. Такой прием кроя не встречается у других народов Поволжья, но широко распространен среди населения Балканского полуострова. Для турецкого населения северо-восточной Болгарии он описан в коллективной работе В. Маринова, З. Димитрова и Ив. Коева³¹. Судя по литературе, штаны такого покроя встречаются в некоторых районах и у болгарских женщин. Болгарские этнографы считают их заимствованными от турецкого населения, так как в славянский женский костюм не входит употребление штанов. Но, быть может, ношение штанов в некоторых местностях Болгарии указывает не на позднейшие турецкие влияния, а на очень древние связи с народами Поволжья, которые мы уже наблюдали в других элементах одежды.

²⁹ Н. И. Спрыгина. Одежда мордвы-мокши, стр. 19.

³⁰ В. Н. Белицер. Народная одежда удмуртов, стр. 44.

³¹ Васил Маринов, Захарий Димитров и Иван Коев. Принос към изучаването на бита и културата на турското население в Североизточна България. «Известия на Етнографския институт с музей», книга II, София, 1955, стр. 178.

Отмечая для многих народов Поволжья существование одинакового покроя мужских и женских штанов, следует остановиться вообще на происхождении этой одежды и попытаться осмыслить различные приемы в ее крое. В основе всякого кроя одежды, несомненно, лежит целесообразность приспособления ее к определенным производственным и географическим условиям. Мы знаем целый ряд культур, где не носили штанов ни мужчины, ни женщины, например, из европейских культур штаны совсем не употреблялись в древней Греции и очень поздно пришли в Рим. В Греции одежда обоих полов состояла из нижней одежды — хитона и верхней одежды — накидки, гимадии³². В течение разных эпох в разных греческих государствах менялись моды и способы ношения одежды, но общий принцип — рубашка-хитон и накидка сверх нее — оставался один и тот же для обоих полов.

В Риме штаны появились в первые годы империи, когда римляне ознакомились с ними во время парфянских войн, но употреблялись они только всадниками-воинами. «В Риме штаны можно было увидеть разве только на чужеземце, но никак не на римском гражданине»³³.

Штаны пришли в Европу вместе с верховой лошастью. Верховая лошадь была, прежде всего, военной, боевой лошастью, и появившиеся вместе с нею штаны были сословной одеждой всадников-воинов. Крестьянское население Европы, по-видимому, довольно долго не носило штанов. В альбоме Готтенрота чрезвычайно мало изображений «простонародья», но в таблице I есть сцены, изображающие пахоту и жатву у англосаксов (51, 52, 53, 54, 56). В таблице VII (36, 38, 39) есть изображения пахоты, сева, жатвы у норманнов. Все работающие люди носят одежду до колен, с длинными рукавами, и не имеют штанов. На таблице VI изображены вожди ирландцев XVI века в туниках до колен и плащах, с босыми ногами, без штанов. У шотландцев обычай не носить штанов сохранился до последнего времени, и поясной одеждой мужчин осталась короткая юбка-плед.

Во Франции XVI—XVII вв. «простолюдины», крестьяне, зачастую еще не носили штанов. До Французской буржуазной революции сохранилось выражение «sans-culottes», т. е. «бесштанник», как обозначение низших классов.

В связи с тем, что штаны были для населения Западной Европы одеждой всадников-рыцарей, лишь впоследствии охватившей все мужское население, в европейском женском костюме не существовало штанов: в них не было производственной надобности.

Штаны необходимы при верховой езде. Поэтому у номадов, где и женщины, в особенности девушки, ездили верхом, штаны входят в

³² Готтенрот. История внешней культуры, т. 1, стр. 57. Перевод С. Клячко.

³³ Там же.

женскую одежду: их носят одинаково мужчины и женщины, так как без них трудно сидеть в седле. Как пережиток культуры номадов, женские штаны сохраняются у большинства тюркских народностей. Видимо, в связи с верховой ездой, возник второй тип покроя широких шаровар, без клиньев, с прямой широкой мотней. Они не стесняют движения всадника и удобны при верховой езде. Самое название «шаровары», «сальвары», «шальвары» охватывает очень широкую территорию и встречается в целом ряде языков³⁴, у многих народов, обозначая один и тот же покрой штанов с широкой мотней, удобных при верховой езде.

Достаточно широкое распространение может быть отмечено и для другого названия — «иштан», «штан», «штаны». Это название чаще обозначает штаны первого типа — с косыми клиньями в верхней части и более узкими штанинами, облегаящими ноги. Для того чтобы решить, каково происхождение штанов этого покроя, у нас нет достаточных данных. Можно лишь констатировать, что первый тип уходит далеко на север: штаны с косыми, кроенными по диагонали, клиньями были у хантов (назывались *ики кась*)³⁵, встречались и у целого ряда других сибирских народов³⁶. Кроме верховой езды, важной причиной, вызывавшей употребление штанов, был холодный климат. Поэтому на севере штаны необходимо должны были быть изобретены для защиты тела от холода. Быть может, именно с этим мотивом связан первый принцип кроя: более узкие, облегаящие ноги штаны с клиньями, кроеными по диагонали.

В женской одежде у народов Поволжья встречаются оба типа, причем большее распространение первого типа можно отметить там, где меньше чувствуется влияние степных, скотоводческих элементов культуры и сильнее связи с лесными, охотничьими традициями финно-угорских племен.

³⁴ По-таджикски «шалвор». «Краткий таджикско-русский словарь», Я. И. Колонтаров, Л., 1955. Афганский «шалвар», «Русско-афганский словарь», П. Б. Зудин. По-ойротски — «шалбар». Ойротско-русский словарь, Н. А. Баскаков и Т. М. Пондаков.

³⁵ Н. Ф. Прыткова. Одежда хантов. «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XIV, М.—Л., 1953, стр. 145—147.

³⁶ Н. Ф. Прыткова. Одежда народов Сибири.

IV ВЕРХНЯЯ ОДЕЖДА

Материалом для верхней одежды у народов Поволжья служили как ткани домашнего изготовления — холст, домашнее сукно, овчины, так и покупные материи. До половины XIX в. преимущественно употреблялись ткани домашнего производства, и только у казанских татар и у башкир даже сельское население уже употребляло покупные ткани. В описаниях большинства авторов констатируется общность покроя верхней мужской и женской одежды почти для всех народов Поволжья. Эту общность отметили у марийцев Т. А. Крюкова¹, у удмуртов В. Н. Белицер², у башкир С. И. Руденко³, у татар Н. И. Воробьев⁴. То же явление общности в покрое верхней одежды обоих полов наблюдалось у восточных славян⁵, и ее можно считать закономерным явлением для одежды населения, ведущего натуральное или полунатуральное хозяйство. Поэтому, рассматривая женскую одежду народов Поволжья, что является задачей данной работы, мы вправе привлекать для анализа и мужскую одежду, так как нередки случаи, когда музейный материал сохранил нам старые формы в мужской одежде, а старый материал женской верхней одежды утерян. Пример: у нас нет музейных материалов XVIII в. по чувашской женской верхней одежде. Картинка в книге П. С. Палласа изображает чувашку XVIII в. в вышитой рубашке, без распашной верхней одежды. В течение XIX в., сколько известно, чувашки анат енчи и анатри летом, действительно, не носили никакой распашной одежды, одевая в холодную погоду несколько рубашек одну на другую, но чувашки-вирьялки поверх рубашки носили белые холщовые кафтаны «шобры». В начале

¹ Т. А. Крюкова. Материальная культура марийцев XIX в., стр. 143.

² В. Н. Белицер. Народная одежда удмуртов, стр. 93.

³ С. И. Руденко. Башкиры, стр. 157—159.

⁴ Н. И. Воробьев. Казанские татары, стр. 226.

⁵ Г. С. Маслова. Народная одежда русских, украинцев и белорусов Восточнославянский сборник. «Труды Института этнографии АН СССР», т. XII, стр. 659.

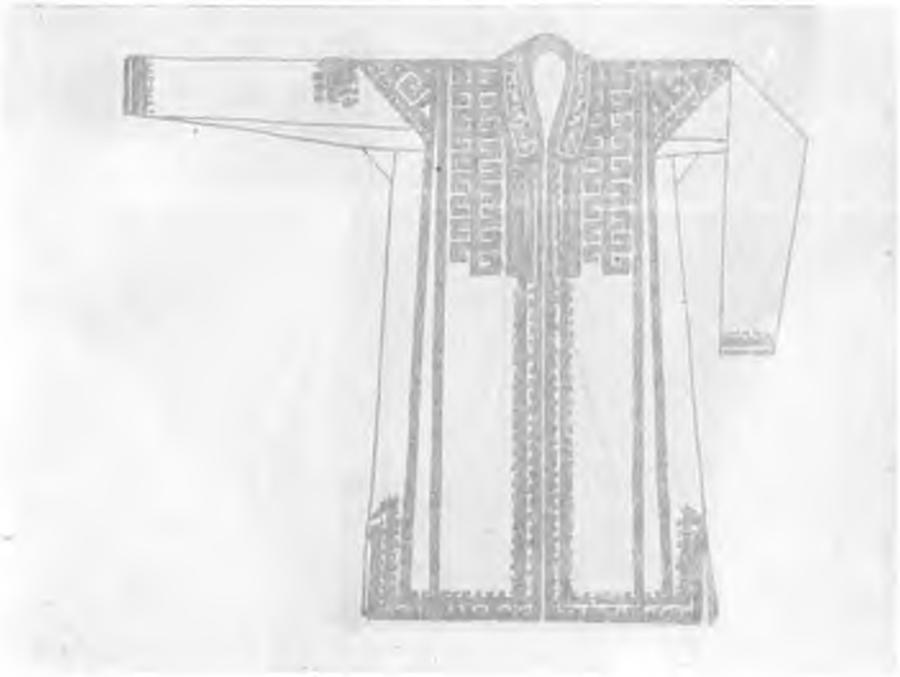
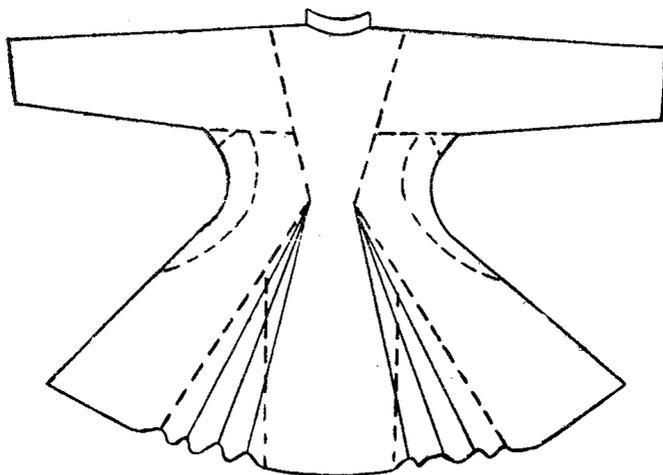
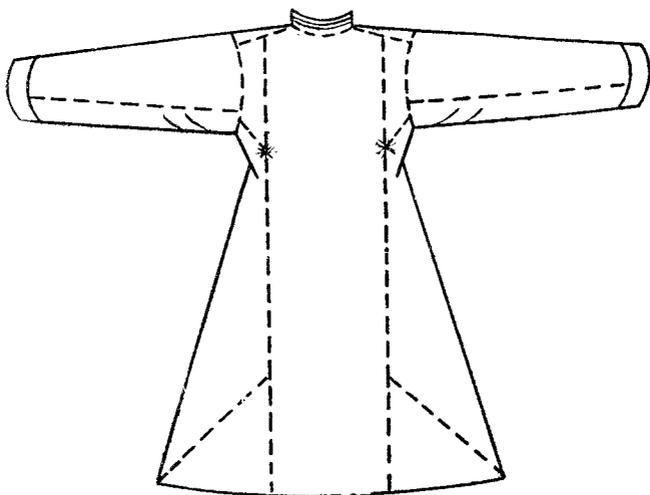

Рис. 59. Чувашский мужской свадебный кафтан XVIII в.
Из коллекции Краеведческого музея Чувашской АССР.

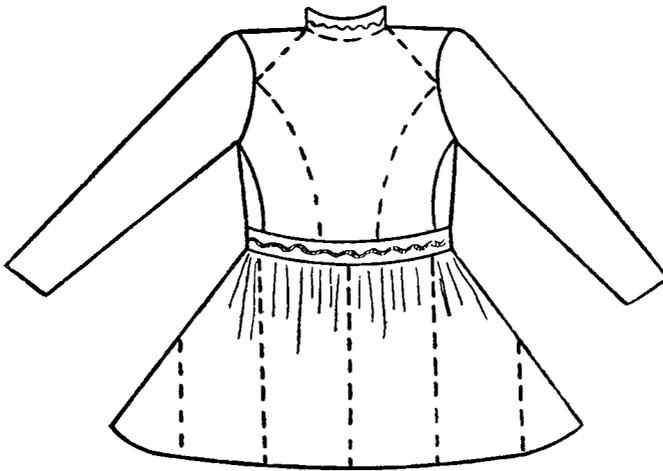
XX в. мы застаем еще эти «шобры» в виде двубортных кафтанов, сшитых в талию, с отрезной спиной и густыми сборами. У них нет воротника: вокруг шеи идет низенькая обшивка; рукава кроили с овальными проймами. Мужчины-чуваши всех этнографических групп в конце XIX в. носили такого же покроя кафтаны «шобры»⁶; делали их для лета из холста, для холодного времени — из домашнего сукна.

Но в коллекциях ГМЭ в Ленинграде и в коллекциях Чувашского краеведческого музея в Чебоксарах сохранились холщовые, покрытые богатой вышивкой мужские свадебные кафтаны XVIII в. Они прямо-спинные, с одним основным полотнищем (спереди разрезанным), к которому перпендикулярно пришиты прямые рукава с ластовками. Продольные швы, как и на женских рубашках, окаймлены полосками красной материи, на груди и на спине в виде треугольника идут

⁶ Н. И. Воробьев, А. Н. Львова, Н. Р. Романов, А. Р. Симонова. Чуваши, стр. 260.

Эволюция русской верхней одежды (по Г. С. Масловой),
Чертеж № 15.

Эволюция русской верхней одежды (по Г. С. Масловой). Чертеж № 16.

аппликации из ленточек алого шелка в сочетании с вышивкой. Вышиты и наплечья у рукавов (см. рис. 59). Существование в XVIII в. таких кафтанов у мужчин позволяет предполагать, что в какой-то период они бытовали и у женщин и лишь впоследствии у женщин-вирьялок, как и у мужчин, сменились шоборами, сшитыми с борами по талии и с отрезной спиной.

Процесс перехода прямоспинной одежды в борчатку хорошо исследован на восточнославянской свитке. Он был продемонстрирован в экспозиции ГМЭ, сделанной А. Я. Дуисбург в 1954 г., и описан Г. С. Масловой в данной ею сводке материалов по восточнославянской одежде. Общая всем восточнославянским народам «свита» — «сермяга», «пониток» — в старой форме была прямоспинной одеждой без воротника, с двумя расширяющими спину клиньями по бокам. Она шилась из белого, серого или коричневого (по разным районам различно) домашнего сукна. Путем ряда постепенных переходов, сужения основного полотнища спины в талии и увеличения числа клиньев свиты она эволюционировала в борчатку с отрезной спиной, сохраняя спереди застежку с левой стороны и оставаясь без воротника⁷. (См. чертежи № 15—16). Этот процесс завершился, и «борчатка» получила широкое распространение у южных и северных русских.

⁷ Г. С. Маслова. Народная одежда русских, украинцев и белорусов, стр. 703—705.

У украинцев же и белорусов свита еще не получила покроя с отрезной в поясе спиной. Когда и в связи с чем получила широкое распространение борчатка? Н. И. Лебедева считает это поздним явлением, указывая, что для района Десны и Оки оно произошло около половины XIX в. в связи с внедрением в деревню покупного материала; первыми стали носить поддевку — борчатку бурмистры, деревенские торговцы, извозчики⁸.

Собранные нами в 1925 г. материалы по одежде б. Моршанского уезда Тамбовской губернии подтверждают эту мысль: там в двадцатые годы у стариков еще сохранились прямоспинные «понитки» коричневого домашнего сукна, а «модной» считалась борчатка, которую шили и из домашней, и из покупной ткани. Но когда и откуда появилась эта одежда, получившая широкое распространение не только у русских, но и у народов Поволжья, остается неизученным. Быть может, в этом и можно будет проследить какие-то восточные влияния, но они пока неясны. Г. С. Маслова склонна поддерживать предположение некоторых исследователей, что вообще распашная одежда у восточных славян появилась под влиянием кочевых народов Азии, для которых характерны распашные халаты. В подтверждение мысли о глухой верхней одежде восточных славян она приводит рисунок заставки новгородской рукописи XIV века. Г. С. Маслова считает, что на этом рисунке изображена глухая верхняя одежда с короткими рукавами, надетая на рубашку. Нам кажется, что это изображение гораздо правдоподобнее объяснить иначе. Люди там просто одеты в одни рубахи, с широкими вышивками по плечьям. У человека, который протягивает руки к зайцу (рис. 795), достаточно ясно видно, что это не короткий рукав одежды, одетой сверху на рубашку, а вышивка самой рубашки, идущая пониже плеча, поперек рукава, как мы это видим на приведенном у Г. С. Масловой рисунке мужской рубашки XVII в. (стр. 580, рис. 13). Нам кажется лишним оснований предположение о бытовании у восточных славян глухой верхней одежды: она плохо совместима с традицией плачевидной одежды и слишком мало удобна в условиях климата, когда ее приходится часто снимать. У нас нет данных утверждать, что глухая верхняя одежда когда-либо существовала у восточных славян, как и у народов Поволжья. Наиболее древняя форма верхней одежды восточных славян, которую нам дают этнографические материалы, это «сердак» гуцулов, вообще сохранивших наиболее архаические черты в быту и одежде (см. рис. 61, стр. 131)

⁸ Н. И. Лебедева. Народный быт в верховьях Десны и верховьях Оки, стр. 129.

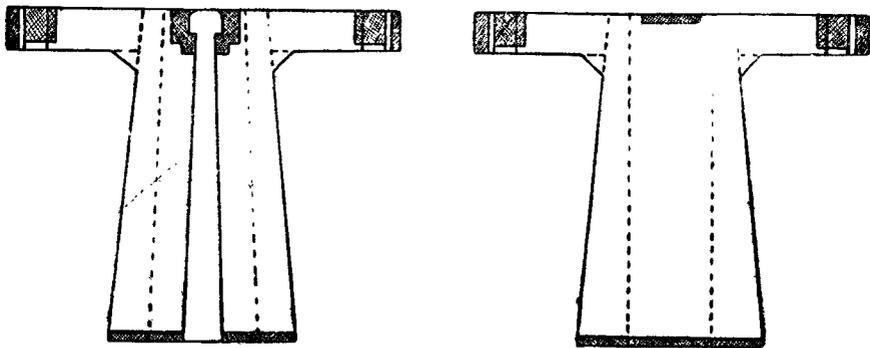
Рис. 60. Болгарский «мент».
МАЭ, coll. № 372—221. Фото А. В. Маторина.

Рис. 61. Гуцульский сердак из черного домашнего сукна (Закарпатская область).

Гуцульский сердак — прямоспинная одежда, темно-коричневого или черного сукна, по покрою и расположению украшений чрезвычайно близок к архаичной одежде южных славян, в частности, к болгарской одежде, известной под названием «мент»⁹. От туникообразной рубашки эта одежда отличается только тем, что основное полотнище спереди разрезано. Подобного покроя кафтан мы находим и у народов Поволжья. Разумеется, к этому покрою в основном близки и среднеазиатские халаты, как отмечает Г. С. Маслова, но из

⁹ Подробнее об этом см. Н. И. Гаген-Торн. Болгарская одежда (по коллекциям ленинградских музеев). «Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР», т. XVIII, Л., 1959, стр. 208—2/8.

«Руця» — верхняя одежда мордвы-эрзи (по Heikel, y), чертеж № 17.

этой близости еще нельзя делать вывод о заимствованиях, так как это наиболее простой прием рационального использования узкой ткани, сотканной на примитивном ткацком станке.

Мы рассмотрели, в схематическом виде, процесс изменения покроя верхней одежды, надевавшейся непосредственно на нательную одежду. Одежда эта, в зависимости от сезона, делалась из холста или сукна. Рассмотрим ее подробнее на этнографическом материале у разных народов Поволжья.

У мордвы-мокши бывш. Краснослободского уезда летом на рубашку «панар» женщины одевали распашную одежду «мушкас». Она сшита из тонкого бумажного холста того же покроя, что панар (см. выше стр. 14—16), но несколько короче панара и с разрезанным передним полотнищем¹⁰ Полы и ворот мушкас обшиты кумачом, вдоль скрепления рукава с боковым полотнищем, по рукаву и кисти идет красная полоса, по подолу — красная полоса, вышивка шерстью и блески.

У мордвы-эрзи подобная холщовая распашная одежда длиной до колен носила название «руця»¹¹. (См. чертеж № 17.)

Осенней и весенней одеждой в быв. Краснослободском уезде служила прямоспинная, с двумя клиньями в боках и прямыми полами спереди, запахивающимися на левую сторону, одежда, носившая название «эрзянка».

В быв. Спасском уезде Пензенской губ. Н. И. Спрыгина описывает верхнюю одежду из белой шерстяной домотканины, с русским названием «панитка». Она очень близка к одежде русской мешеры с тем же названием «паниток», которую мы наблюдали в быв. Спас-

¹⁰ Н. И. Спрыгина. Одежда мордвы-мокши, стр. 17

¹¹ А. Heikel. Trachten und Muster, t. I.

ском уезде Тамбовской губ., соседившем со Спасским уездом Пензенской губ. Панитка кроится без отреза спинки, суживаясь в талии, от которой по бокам вставлены заложённые в складки куски материи. Передние полы прямые, но правая пола закладывается наискось так, что панитка плотно облегает корпус носительницы. Рукава внизу, ворот и полы обшиты черным шнурком, из такого же шнура идут украшения на спине, вверх от талии. Н. И. Спрыгина пишет, что это старинная, вышедшая из употребления одежда, но насколько это глубокая старина, можно ли ее относить дальше одного поколения, сказать трудно.

У удмуртов В. Н. Белицер описала верхнюю одежду, подобную мордовской¹². Она называлась «шортдэрем». Наиболее старый тип шортдэрема, носившейся поверх белой вышитой рубашки, по покрою

близок к мордовско-эрзянской руже, отличаясь от нее рукавом до локтя и прорезом в верхней части рукава у плеча (см. рис. 62). Во втором типе шортдэрема совсем отсутствовали рукава, в бока вставляли по три клина с каждой стороны, а на подол пришивали ситцевую оборку, что говорит о более позднем оформлении этого типа. Отсутствие рукавов наводит на мысль о влиянии татарских и башкирских безрукавок. Третий тип шортдэрема шили из пестряди или цветной покупной ткани, он был не распашной одеждой, а платьем, которое одевалось на нательную рубашку. В. Н. Белицер отметила в нем наличие городских влияний.

В коллекции ГМЭ есть летняя удмуртская одежда, несколько отличающаяся от типов, описанных В. Н. Белицер. Это прямоспин-

Рис. 62. Верхняя одежда удмуртов «шортдэрем».

ГМЭ, coll. № 593-9. Фото А. В. Маторина.

¹² В. Н. Белицер. Народная одежда удмуртов, стр. 47—49.

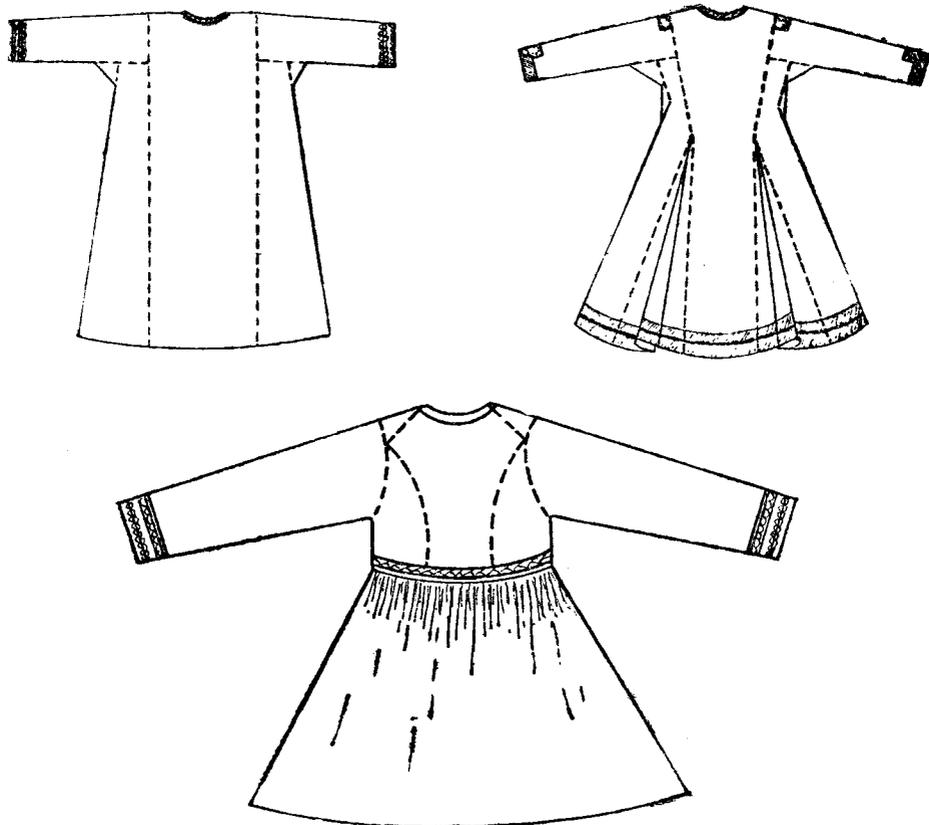
Рис. 63. Марийский кафтан начала XIX в. (Тоншаевский район Горьковской области). По книге Т. А. Крюковой «Марийская вышивка». Фото Т. А. Крюковой.

ная холщовая одежда с одним основным полотнищем и перпендикулярно пришитыми к нему прямыми рукавами, без разреза у плеча, очень приближающаяся по покрою к мордовской руке (см. рис. 62).

У марийцев летней верхней одеждой был «шовыр», «шобыр». Т. А. Крюкова описала три типа шобыра у мари. 1) Наиболее старый—прямая распашная одежда из белого холста, туникообразного покроя, длиной до колен. Она не имеет воротника, соединяется на груди завязками, грудь, продольные швы и рукава покрыты богатой вышивкой. Рукава — прямые, длинные, с ластовицами. Этот тип одежды, употребляемой и мужчинами и женщинами, очень близок к чувашским мужским свадебным кафтанам XVIII в. (см. рис. 59). 2) Второй тип шобыра — со швами на плечах, выкроен в талию, с неотрезной спиной и боковыми клиньями. На спине, у начала клиньев,

вышивались розетки или пришивались снизу бисера и ракушек-ужовок¹³. 3) Третий тип шобыра бытовал у горных мари. Он не отличался от «шобора» чуваш-вирьял, т. е. был сшит в талию, с отрезной спинкой кафтаном, с борами, запахом передней полы, застегивающейся на крючки на левую сторону, и низкой обшивкой по шее (см. чертеж № 18, стр. 135). До тридцатых годов XX в. чувашки-вирьялки, как и горные мари, носили шобры из белого, домашнего холста. За последние двадцать лет материал изменился: шобры стали шить из покупной материи черного цвета. Осенняя одежда ма-

¹³ Стремление подчеркнуть и украсить место начала расходящихся вниз от талии клиньев встречалось и на мордовской верхней одежде, сшитой в талию, и на одежде южных славян, у которых на спине верхней одежды, около начала клиньев, размещены наиболее богатые украшения.

Типы марийской верхней одежды (по *И. А. Крюковой*), чертеж № 18.

рийцев из домашнего сукна шилась: 1) у луговых мари обычно из белого или серого сукна, с прямой спиной и двумя клиньями от талии; 2) у горных мари — из темного домашнего сукна с отрезной спинкой и борами по талии, как и у чуваш-вирьял.

Таким образом, наиболее старым слоем в верхней одежде, как летней, так и зимней, у мари, удмуртов, мордвы и чуваш можно считать прямоспинную одежду туникообразного покроя с прямыми длинными рукавами, с ластовкой и воротником в виде маленькой стойки или совсем без воротника. Позднее появляется покрой в талию, но еще без отрезной спинки, и, наконец, в одежде делают отрезную спинку с борами по талии, т. е. мы можем констатировать тот же процесс, что и в восточнославянской верхней одежде.

Другого типа и, видимо, иного происхождения верхняя одежда казанских татар и башкир. Она отличается значительным количеством вариантов и разнообразием форм. Характерно широкое распространение безрукавок — «камзолов» татар, «камзулов» башкир. Шились они всегда из покупной материи (от нанки и китайки до шелка и бархата), плотно облекая талию и расширяясь в подоле. Длина, как и материал, была очень разнообразна. Проф. Н. И. Воробьев отмечает, что у казанских татарок в старину встречались камзолы с рукавами¹⁴. Примерно такая же, судя по описанию, одежда у башкир носила название «бишмет» и употреблялась как женщинами, так и мужчинами. Бишмет у башкир был шире распространен, чем безрукавный камзул¹⁵. Бишмет носили и казанские татарки, но в описании проф. Н. И. Воробьева неясно их различие. Из прямоспальных одежд с рукавами у татар бытовал «жилэн», а у башкир «сэкмэн» — чекмень, у женщин из белого, а у мужчин из темного домотканого сукна. Сэкмэн не имел застежек и просто запахивался на левую сторону; мужчины подпоясывали его широким поясом, а женщины никогда не подпоясывали. Наиболее богато украшенной верхней одеждой башкирок был длинный, сшитый в талию с большим количеством украшений на спине, около пояса, кафтан — «елэн». То, что одежды татар и башкир шились из покупных, привозных, русских или среднеазиатских тканей, указывает, что они — более позднего происхождения и не сохранили архаических черт, свойственных примитивным общественным формам. Следует отметить, что при изучении марийской, чувашской, мордовской одежды мы имеем дело с одеждой, хранившейся в крестьянской среде, — классовая верхушка у этих народов не сохраняла национальных особенностей: она или русифицировалась или отатаривалась; у башкир и татар развитие национальных форм одежды шло не только в крестьянской среде, но формировалась и сохранялась она и в богатых феодально-торговых группах этих народов, что несомненно накладывало свою печать не только на материал, но и на покрой.

Вероятно, не без влияния татарско-башкирских элементов происходили изменения и в одежде удмуртов: 2-й тип шортдэрема, сшитый в талию и без рукавов, и сшитый в талию с отрезной спинкой и широкими к подолу полами кафтан южных удмурток. В. Н. Белицер связывает его с распространенным у русского населения зипуном, но эта связь, на наш взгляд, относится скорее к названию, чем к крою одежды, так как у русских «зипуном» называется обычно одежда без отрезной спинки.

¹⁴ Н. И. Воробьев. Казанские татары, стр. 246—249.

¹⁵ С. И. Руденко. Башкиры, стр. 176—177.

Интересен кафтан у удмуртов, живущих в Марийской республике. Он имеет рукава много длиннее кистей рук, с прорезями у плечей. Носили его в накидку или вдевая руки в эти прорези. Устойчивое бытование этой одежды с длинными ложными рукавами зафиксировано исследователями начиная с XVIII по XX вв. Аналогию к ней различные исследователи находили и в Польше, и у народов Кавказа, но как и по каким причинам она получила устойчивое (на двести лет) бытование у удмуртов, остается неясным.

Также неясно происхождение и выпадающей из общего стиля чувашской одежды обрядовой одежды свахи у чуваш, бытовавшей в Чебоксарском уезде в XIX в. Она вышла из употребления и сохранилась лишь в коллекциях ГМЭ в Ленинграде, в Чувашском краеведческом музее в Чебоксарах и в Государственном музее Татарской АССР в Казани. Одежда эта, носящая название «пуç тёрлэ шупår» или «каптал», состоит из двух частей: верхняя представляет собой доходящую до талии распашную кофту из яркого ситца, с прямыми рукавами, собранными у кисти рюшем, квадратными ластовицами и отложным воротником. К этой кофте пришита собранная боррами нижняя часть из черной покупной ткани, отороченной по подолу цветной полосой. Все вместе составляет распашной кафтан. Наиболее характерно у него украшение спины, с определенной, устойчивой для всех экземпляров, аппликацией из шнуров, полос материи и мишуры. Этот сделанный аппликацией орнамент собственно и носит название «пуç тёр», т. е. «главный узор», по которому называется одежда «пуç тёрле шупår». В коллекциях она обозначена, как «старинная одежда свахи». То, что это ритуальная одежда, как будто говорит за ее старину. Но употребление аппликации, а не вышивки, которая обычна для старинной чувашской одежды, и покупная пестрая материя заставляют сомневаться в глубокой древности этой одежды. Видимо, это шупår нового типа, т. е. кафтан с отрезной талией и сборками, верхняя часть которого делается из яркой покупной ткани, а нижняя остается из черной. Что означает узор на спине, одинаковый во всех сохранившихся экземплярах, каково ритуальное значение этой одежды — остается неясным. Она локализована в нескольких деревнях Ядринского и Чебоксарского уездов, и в других местах ЧАССР памяти о ней не сохранилось. В противоположность двухсотлетней устойчивости удмуртского кафтана с откидными рукавами, эта одежда бытовала, видимо, очень недолго. Верхняя одежда часто отражает случайно занесенные элементы, так как шьется обычно захожими мастерами и быстрее подвергается переменам, чем нательная одежда и головные уборы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЖЕНСКИЕ И ДЕВИЧЬИ ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ

Покрой одежды, как показано в 1-й части настоящей работы, создается в результате производственной деятельности и географических условий, окружающих человека. Орнаментировка, расцветка, вышивка одежды, как мы подробнее увидим ниже, отражают идеологию общественной группы, их создавшей, они вызываются не производственными, а надстроечными моментами. Еще сильнее этот надстроечный, идеологический момент выявляется при изучении головных уборов. Высокий, тяжелый и твердый женский головной убор, вроде покрытого монетами кожаного «хушпу» чуваш или удмуртского «айшона», не мог создаться ни из каких рациональных или производственных соображений. Трудно объяснить их и бессмысленной модой. Убор этот вырос как символ определенной идеологии: это знак, указывающий на социальное положение и роль его носительницы. Так как вся идеология родового и феодального общества пронизана системой различных верований и попыток воздействия при их помощи на окружающий мир, эти стремления должны были найти свое отражение и в создании головного убора: он служит оберегом носительницы. Прежде чем перейти к описанию конкретных головных уборов народов Поволжья, нам необходимо объяснить значение волос и головного убора, как оберега, у всех народов Восточной Европы.

I

МАГИЯ ВОЛОС

Вера в магию вызывает потребность создать оберег, охраняющий важнейшую часть тела — голову. При дальнейшем развитии общества значение и понимание оберега может видоизменяться или стираться, но закрепленный в вещь оберег создает образ, вызывающий цепь ассоциаций, служит символом.

Всякий одетый человеком на себя и затушеванный оберег-символ зависит от роли носителя в обществе, от требований, которые к этому носителю предъявляются. Головной убор женщины должен уяснить место и указывать социальную роль, занимаемую ею в обществе.

Л. Я. Штернберг в краткой статье о головном уборе писал¹, что в основе его лежит чисто утилитарное значение — скрепить волосы. Но сам же он приводил такое количество фактов, говорящих о религиозном и магическом значении головного убора и прически, что его рационалистическое объяснение, из «естественной потребности», само собой отходит на задний план. Посмотрим значение женского головного убора у восточных славян.

Д. К. Зеленин дал рационалистическое объяснение происхождению головных уборов восточных славян — девичьей повязки и женской «кибалки». «Вряд ли можно сомневаться в том, — писал он, — что кибалка развилась из перевязки, которою обвязывались некогда волосы вокруг головы. У великорусских рабочих, особенно шерстобитов, и до наших дней сохраняется обычай обвязывать веревкой или ленточкой волосы на голове, «чтоб зря не трепались» при движениях корпуса»².

Но им же приводится в начале работы характерное отличие девичьих головных уборов от женских, состоящее в том, что женские головные уборы всегда и непременно стремятся закрыть волосы женщины, в то время как девичьи оставляют их открытыми. Вряд ли это

¹ Л. Я. Штернберг. Убор головной. «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона», т. 67.

² Д. К. Зеленин. Женские головные уборы восточных (русских) славян. «Slavia», вып. 3, Прага, 1926/27, стр. 327.

отличие можно объяснить потребностью скрепить волосы. Социальное, а не практическое значение головного убора резче всего сказывается на ритуальном значении его в свадебной обрядности. Обряд перемены убора и прически — один из центральных моментов свадьбы.

В литературе отмечен существовавший в русской свадьбе, особенно в северном ее варианте, специальный обряд расплетания девичьей косы и прощания с «девьей красотой», т. е. девичьей прической и связанным с ней девичьим головным убором.

«Гуляй, Сашенька, пока волюшка своя,
Не покрыта голова,
Покроется голова,
Минуется вся гульба»,—

поют девушки в Чебоксарском уезде»³,— писал В. К. Магницкий.

Церковное венчание, на которое был перенесен центр тяжести брачной обрядности русских после христианизации, расколело обряд перемены прически и головного убора на две части, ступевав его центральное значение. Первая часть — расплетание косы, плач над ней невесты и снятие девичьего головного убора — стала происходить накануне или за несколько дней до венчания, часто сочетаясь с обрядовым хождением невесты в баню. Вторая часть — устройство бабьей прически и бабьего головного убора — перенеслась к моменту возвращения от венца. Иногда это делалось тут же в церковной сторожке, иногда по приезде в дом мужа. Но там, где нет церковного элемента, стирающего более старую обрядность, обряд перемены прически и головного убора не разделен и играет центральную роль. Так у кержаков, старообрядцев Пермской губ. Чердынского уезда, у которых нет церковного венчания, по описанию Чеснокова, «весь церемониал брака заключается в обрядах и главным образом в расплетении косы, после которого девица уже считается мужнею женой»⁴. У кержаков девушке расплетают косу, и она причитывает в это время о своей «русой косыньке», «девичьей красоте»; потом начинается свадебный стол, за которым поют ей песню:

Нынче мою русу косыньку
Учесали да угладили,
Что две свашеньки княжие,
Что Ивана то Васильевича,
Белу кийку понакинули,
Белу кийку то женскую,

³ В. К. Магницкий. Нравы и обычаи в Чебоксарском уезде. Этнографический сборник. Казань. 1888, стр. 82.

⁴ Чесноков. Свадебные обряды и песни кержаков. «Живая Старина», 1911, № 1, стр. 58.

Мужней женой меня назвали,
Что Ивана то Васильевича,
Верной слугой меня назвали,
Что Василия то Антоновича (свекра)⁵.

Перемена прически, «бела кийка» — женский головной убор — ясно символизирует новое положение, в которое вступает девушка, подневольное положение в чужой семье.

Вступление в брак в патриархальном обществе — это закрепощение женщины чужим родом, где она занимает подчиненное положение. Свадебные обряды отражают символику зависимости, подчиненности воле мужа. Естественно, что именно эту зависимость должен отражать центральный момент обряда — перемена головного убора, — он оформляется, как плач по девичьей воле.

Девичья прическа и головной убор в песнях, кроме эпитета «девья красота», имеют еще употребляющийся как синоним эпитет «вольная воля». Девушка, расставаясь с головным убором и обрядово ища ему место, в Олонецкой губ. причитает:

Положу я дорогу волю
Выше плеча да на головушку,
Пусть-ка волюшка по-старому
Дорога моя по-прежнему⁶.

Обряд оплакивания косы — это плач по теряемой девичьей независимости:

Уж как час к часу минуется,
Скоро воля коротается,
Я со волюшкой расстануся,
С подневолюшкой спознаюся⁷.

На Пинеге, когда на посиделках подруга расплетает невесте косу, невеста держится за нее обеими руками, не давая расплести, и причитает:

Не гора ли рассыпается,
Трубчатая коса да расплетается,
Дивий век да коротается.
Дивья жира лебединая,
Дивье прозвище да хорошо,
Женская жира да не дородна,
Женское званье да нехорошо.

И дальше:

Уж мои русы природны да волосыньки,
Уж ничего они да не боялися,

⁵ Чесноков. Свадебные обряды и песни кержаков, стр. 81.

⁶ П. В. Шейн. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п., т. 1, вып. 2, СПб., 1900, № 1643, стр. 491.

⁷ Там же, стр. 492.

Ничего они да не страшилися,
Уж теперь им будет да натерпеться,
Уж теперь им будет да настрашиться⁸.

Архангельская песня, приводимая у Шейна, дает яркий образ женского головного убора, как символа подневольного состояния замужней женщины: «девья красота уходит», «бабья красота», то есть ее головной убор,

Сидит за печьным столбом,
Она сидит все и топорщица,
Растит крылья ястребиные,
Растит когти совиные,
Налететь хочет, напорхнуть,
На мою, на буйну голову,
Она вцепить хочет когти острые
Во мои русы волосы⁹.

Таким образом, у русских женский головной убор, закрывающий волосы девушки, символически закрывает и ее волю.

Д. К. Зеленин считал закрывание женщиной волос остатком покрытия лица¹⁰, которое имело две причины: первая — суеверный страх, так как укрывание служит оберегом от чар, и вторая — ревность мужа, который хочет уберечь свою собственность.

Но если бы причиной закрывания волос был оберег от чар вообще, то в таком обереге не меньше нуждается девушка, в особенности девушка-невеста, которая больше всего подвержена чарам и нападению злых духов. Она должна бы так же тщательно прятать волосы, как замужняя женщина. Однако невеста не закрывала волос, и даже когда она прикрывала лицо и голову платком, волосы ее оставались распущенными по спине¹¹.

Гипотеза о том, что закрывание волос есть остаток закрывания лица, Д. К. Зелениным никак не доказана. Самый факт обязательного закрывания лица женщиной Восточной Европы отнюдь не может считаться установленным. Мы склонны думать, что если эти факты и имели место, они относились только к женщинам высших классов эпохи феодализма, и влияние их было очень поверхностно. Во всяком

⁸ Н. Колпакова. Свадебный обряд на реке Пинеге. «Искусство Севера», Госуд ин-т истории искусства, Л., 1928, стр. 125.

⁹ П. В. Шейн. Великорус в своих песнях, № 1351, стр. 399.

¹⁰ Д. К. Зеленин. Головные уборы восточных (русских) славян, журн. *Slavia*, 1926, стр. 317.

¹¹ «Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР, сб. под ред. Л. Я. Штенберга, Л., 1926. В. И. Цинциус и К. Н. Мильникова. «Русская свадьба», стр. 105. В этом случае следует различать, к чему относится покров. Свадебный покров на голове — защита от глаза. Волосы им прикрыты постольку, поскольку закрыта голова. Они распущены, как еще второй оберег от глаза.

случае, ими не представляется возможным объяснить устойчивое закрытие волос всеми женщинами.

Для этого может быть выдвинуто другое, более правдоподобное объяснение: мы видели уже, что головной убор рассматривается песней, как символ подчиненного положения женщины и вхождения ее в новую семью, в чужой род. В причете Вологодской губернии чрезвычайно четко говорится:

Тяжело расстаться с родом, племенем,
А еще того тяжелее
Расставаться с вольной волею,
Со девичьей своей красотой...
От венца от золоченого
На чужую дальнюю сторону
Увезли меня подневольную...¹².

Так как главное отличие женского убора — закрытые волосы, следует предположить, что они-то и являются символом подчиненного положения. Многочисленные материалы подтверждают это: замужняя женщина, по воззрениям русских, ни в коем случае и никому не должна показываться без головного убора. Если она выйдет «просто-волосой» в сени, ее может домовою схватить за косы и утащить наверх¹³. «Засветить волосом», то есть выставить его наружу или пойти с открытой головой, — большой позор и грех¹⁴. Открытые волосы женщины приносят несчастье и вред. Украинцы верили даже, что если замужняя женщина выйдет, не покрыв головы и не закрыв все до единого волосы, она навлечет неурожай, градобитие, падеж скота¹⁵. Чуваши считали, что замужняя женщина, выйдя без головного полотенца, навлекает несчастье. В прежнее время чувашки даже скотину рано утром выгоняли в головном уборе хушпу¹⁶.

«Опростоволосить» женщину, лишить ее головного убора, значило опозорить ее брак, и из-за этого оскорбления на Руси были судебные дела.

В работе по головным уборам восточных славян Д. К. Зелениным приведено большое количество фактов, подтверждающих обязательность для замужней женщины прикрыть волосы головным убором.

Девушки Восточной Европы не только носили волосы открытыми,

¹² П. В. Шейн. Великорус в своих песнях, № 1398, стр. 415.

¹³ Д. К. Зеленин. Женские головные уборы восточных (русских) славян. Журн. «Slavia», 1926, стр. 315.

¹⁴ Там же.

¹⁵ В. В. Иванов. Жизнь и творчество крестьян Харьковской губернии «Очерки по этнографии края». Харьков, 1898, т. 1.

¹⁶ Полевые записи автора. Быв. Хормалинская волость Батыревского уезда, 1927.

но и гордились ими: «Девичья коса — всему городу краса», — говорит русская пословица.

Карельская девушка считала, что в волосах заключается ее «*lembi*», то есть слава: эта слава не в обыкновенном смысле слова, но все ее обаяние, чары над молодыми людьми и магическая сила¹⁷, то, чем девушка больше всего должна дорожить. Слава пропадет, если девушка будет небрежно обращаться с волосами.

В соответствии с этим в карельской свадьбе есть моменты, ярко связанные с волосами: 1) во время смотрин невеста стоит за занавеской. У занавески стоит повивальная бабка невесты и ее подружки, которые требуют выкупа за нее от «патвашки» (тысяцкого) и жениха. Им дают денег, занавеску открывают и все входят. Невесту держат за косу ее крестная мать и сестра и требуют денег на выкуп косы¹⁸. 2) При обряде расплетения косы и чесания головы невесты патвашка в селе Каменное Озеро три раза собирал с гребенки волосы невесты и клал их к себе в карман; в селе же Бабьей Губе он три раза дергал невесту за волосы, говоря: «Держи ум в голове и будь послушной своему мужу»¹⁹. В карельской свадьбе точка зрения на волосы, как на магическую силу, выражена чрезвычайно ясно: в волосах заключается *lembi* девушки, поэтому-то во время свадьбы представитель жениха прячет волосы, а вместе с ними и кусочки этой силы, себе в карман или же дерет за волосы, требуя, чтобы она была послушной, т. е. не употребляла свою магическую силу во зло тому новому роду, в который она входит.

Тем самым становится ясен смысл спрятанных замужней женщиной волос: их пртали с целью обезопасить и предохранить род мужа от ее магической силы, принадлежащей чужому роду и могущей принести вред.

Именно этим объясняется, что домовый, представитель и хранитель рода, хватает ее за волосы, если она выйдет в сени с непокрытой головой. Поэтому может она причинить страшное несчастье, если «засветит волосами».

Открыть волосы — страшный грех, потому что это — освобождение магической силы, бунт против чужого рода и брачных уз, к нему привязавших. Открыть волосы — значит нарушить брак. Во время «бабьего праздника» у ижор, к которому нам удалось наблюдать и описать²⁰, женщины обязательно снимали головные уборы и сидели простоволо-

¹⁷ Н. Лесков. Поездка в Карелу. «Живая Старина», 1895, вып. III—IV, стр. 296.

¹⁸ Г. Х. Богданов. Свадьба Ухтинской Карелии. «Карельский сборник Академии наук СССР», Л., 1929, стр. 44.

¹⁹ Там же, стр. 48.

²⁰ Н. И. Гаген-Тори. Бабьи праздники у ижор Ораниенбаумского района. «Этнография», 1930, № 2.

сыми. Это был один из характерных для бабьего праздника моментов, связанный с несколько оргическим характером, вытекающим из культа плодородия, который носил «бабий праздник» — несомненно, день разрушения брачных уз, отдаленный пережиток матриархата. Снятие головного убора, раскрепощая женщину, восстанавливая ее магическую силу, освобождает ее от рода мужа.

Магическая сила человека очень часто осмысливается как сила плодородия. Для земледельческого этапа общественного развития естественно связывать ее с земледельческими обрядами.

В старой работе Б. Л. Богаевского магическое отношение к волосам объясняется именно связью с земледельческими обрядами и с культом растительности²¹. Из общей концепции земледельческого мировоззрения, в котором элементы культа плодородия наблюдаются по отношению к волосам на приводимом им, главным образом, греческом материале, Б. Л. Богаевский считал аналогию человека с хлебным полем характерной для аграрных культов. Брак и половая жизнь человека сопоставляется с посевом хлебных злаков и ростом растительности, что отражается в целом ряде свадебных моментов. Но если тело человека — поле, растительность этого тела связывается с растительностью поля. Поэтому жертва локона волос, который юноша в Аттике бросал речному богу, это то самое, с точки зрения Б. Л. Богаевского, что принесение в жертву початков и молодых побегов. Упоминание о волосах на свадьбе — это часть культа растительности. Самую форму заплетания волос в косы Б. Л. Богаевский считал имитацией хлебного колоса: «Со вниманием наблюдая за хлебными полями и находясь с ними в тесных отношениях, — писал он, — человек рано задумал сопоставить свои волосы с хлебным полем... А затейливая и красивая работа природы, заплетавшая незримыми путями косы колосьев, также рано подала мысль человеку и свои волосы заплести в форме колосьев»²².

Представления о связи волос с растительностью, действительно, очень распространены. В Смоленской губернии женщины, чтобы вызвать урожай, садились в поле и, срывая друг у друга платки и дергая друг друга за волосы, желали, чтобы урожай был лучше²³. В Вологодской губернии женщины тоже срывали друг с друга платки и, дергая друг друга за волосы, желали, чтобы лен рос длиннее²⁴.

В приведенном нами обряде оплакивания «девией красоты» «девья

²¹ Б. Л. Богаевский. Колосья волос. «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», 1912.

²² Б. Л. Богаевский. Колосья волос, стр. 110.

²³ В. Добровольский. Егорьев день в Смоленской губернии. «Живая Старина», 1908, вып. 1, стр. 152.

²⁴ Материалы корреспондентов Тенишевского этнографического бюро, хранящиеся в библиотеке ГМЭ в Ленинграде.

красота» иногда фигурирует в виде украшенной и «убанченной» лентой елочка (Новгородская губ.)²⁵ или изображается в виде искусственных волос — косы из льна, которую вывешивают на веревке около дома невесты (Кадниковский уезд); ее невеста приносит на последнюю беседу и сжигает, прощаясь с подругами и причитая:

Подружки вы мои милые,
Ушла моя вольюшка вольная²⁶.

В данном случае (Вышневолоцкий и Валдайский уезды Новгородской губ.) кудель, лен явно замещают волосы. Что эта замена не случайна и вызвана не только подменой настоящих волос искусственными, благодаря сходству кудели с волосами, указывает замена «девьей красоты» не только куделью, но и украшенной елочкой или березкой, что наблюдалось в свадебных обрядах: в быв. Костромском уезде «на сговорках» выносили «девью красоту» в виде «убанченной елочки», с зажженными свечами, ее ставили на стол подруги невесты с соответствующими обрядовыми песнями. Поезжане жениха, т. е. его родня, за нее одаривали девушек деньгами и тушили свечи на елочке²⁷. В данном случае воспоминание о «девьей красе», как о девичьем головном уборе и волосах, уже совершенно утеряно, елочка воспринимается, по утверждению собирателя, как символ девичества, девственности. Обряд перемены прически, который, как мы это уже видели, разделен обрядом венчания на две части, делится здесь еще раз: после вынесения елочки на сговорках, уже в самый день свадьбы, происходит расплетение косы невесты свахой жениха. Чтобы затруднить это расплетение, в волосы втыкают иголки, завязывают их узлами, смазывают сахаром. Невеста сидит рядом с сестрой или другой молодой родственницей; сваха выкупает у последней место рядом с невестой и принимается распутывать ее волосы, заплетая их в одну косу²⁸. Наконец, после венца молодую «крутят», т. е. одевают ей «бабий шлык» в церковной сторожке. Священнику дают при этом особый «крутильный» пирог²⁹. Таким образом, обряд перемены головного убора разбит здесь на три части, с выделением елочка в особый акт, связь которого с волосами становится понятной при сравнительном анализе, вместе с употреблением на свадьбе растительности, как части, входящей в обряд перемены прически.

Связью волос с культом растительности могут быть объяснены

²⁵ «Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР». Сб. под ред. Л. Я. Штернберга, В. Цинциус и К. Мыльникова. Русская свадьба, стр. 53.

²⁶ Там же, стр. 53.

²⁷ Н. Виноградов. Народная свадьба в Костромском уезде. «Труды Костромского об-ва изучения местного края», стр. 87.

²⁸ Там же, стр. 112.

²⁹ Там же, стр. 121.

многие и не свадебные обряды, где волосам придается магическое значение. Так, например, в древнем аграрном обряде опаживания полей и селений, которое совершают ночью девушки с распущенными волосами в случае засухи, падежа скота или эпидемии, магическая сила волос может быть связана с растительностью.

Очень частым является при этом требование, чтобы обряд совершали именно девушки, что понятно, так как девушки принадлежат к тому же роду, и их магическая сила будет, несомненно, благодатнее, чем сила женщины-чужеродки. Связью с растительностью можно объяснить длинные распущенные волосы русалок или то, что ведьмы отправляются с распущенными волосами на Лысую Гору или на сборище Вальпургиевой ночи. Колдуньи, чтобы сделать залом во ржи, также обязательно должны были раздеться догола и распустить свои волосы (Лужский уезд, Ленинградской обл. Записи автора в 1918 г.). Связью волос с растительностью может быть объяснен и чрезвычайно распространенный фольклорный сюжет, когда герой (обычно девушка), спасаясь от преследования, вынимает из своих волос гребенку, бросает ее назад, и из нее вырастает частый лес. Мы склонны думать, что здесь имеет место не магия по аналогии — зубьев гребня с лесом и деревьями, но связь гребня с волосами, представляющими собой лес человеческой головы. Гребень тут магический предмет не сам по себе, а благодаря связи с волосами, которые он замещает и от которых получает силу.

Однако не во всех поверьях, связанных с волосами, можно уловить зависимость от культа растительности и объяснить их магическое значение этим культом. Например, никаких мыслей о растительности нет в суеверном убеждении, что сон помнится до тех пор, пока не пошевелишь свои волосы (корреспондент Сарапульского уезда Вятской губ., Тенишевские этнографические материалы ГМЭ в Ленинграде).

Вряд ли можно увязать с культом растительности и ту помощь, которую, по поверью, оказывают женщине волосы при трудных родах. При родах женщине почти всюду снимают головной убор и распускают волосы. Казалось бы, этот обычай может быть объяснен так же, как обычай развязывания узлов, открывания двери и ворот, замков и т. д., стремлением развязать узлы и открыть отверстия, чтобы, по аналогии, открыть выход ребенку. Но с волосами здесь связана вера в другое значение: если роды затягиваются, женщине вкладывают в рот волосы (Орловская губерния)³⁰. Точно так же для выхода последа ее заставляют глотать свои волосы (Вятская губ., Сарапульский уезд). В действительности, это глотание волос оказывает свое благо-

³⁰ Корреспонденция Этнографического бюро Тенишева. Рукописи библиотеки Государственного этнографического музея в Ленинграде.

творное действие тем, что вызывает рвотные движения, но воспринимается как использование силы самой женщины, заключенной в волосах. Подтверждается это тем, что в Орловской губ. (Карачевский уезд) пуповину ребенка переязывают обязательно прядью волос с правого виска матери, чтобы он был к ней привязан. Если же у ребенка «зацветет» рот, мать должна протереть его своими волосами (Сарапульский уезд Вятской губ.).

Волосы обладают охранительной силой не только для живых, но и для покойников, для духов.

Так в Белоруссии, по сведениям, сообщенным покойным этнографом Б. Г. Крыжановским, был обычай, чтобы женщина ткала себе саван с основой из собственных волос. Такая сорочка хранилась в Минском музее.

Примеры, доказывающие признание особой силы волос, можно увеличить до отдельной работы, но в данной работе ограничимся лишь незначительным их количеством, отсылая к своей прежней статье, где эти материалы были приведены подробнее³¹.

Существует ли особое отношение только к женским волосам? Не меньшее количество фактов можно привести о важном значении мужских волос. Так по волосам, остриженным во время крещения, у русских гадают о судьбе ребенка без различия пола: если закатанные в воск и брошенные в купель волосы утонут — младенец умрет, если они всплывут — он будет жить (Костромская, Нижегородская губернии)³². Чрезвычайно распространен особый обряд при первой стрижке волос у ребенка: в русских деревнях эта обрядность существовала до начала XX в., и многочисленные корреспонденты Тенишевского этнографического бюро сообщают о ней из разных губерний. Назывался этот обряд «застрижки» и заключался в том, что, когда ребенку исполнится год, а иногда два, крестный отец или мать, в зависимости от пола ребенка, в первый раз подстригают ему волосы, надевают при этом новую рубашку или платье и споясывают пояском. После этого читают молитвы, а иногда и служат специальный молебен. В старину это празднество справлялось еще торжественнее и называлось «постриг». Лаврентьевская летопись приводит ряд постригов сыновей великих князей. Так в 1192 г. «быша постриги у великого князя Всеволода, сына Георгиева, внука Володемеря Мономаха, сыну его Георгиеви, в граде Суждали, тот же дни и на конь его всади; и бысть радость велика в граде Суждали»³³.

³¹ Н. И. Гаген-Торн. Магическое значение волос и головных уборов в свадебных обрядах Восточной Европы. «Этнография», 1933, № 5—6.

³² Д. К. Зеленин. Обрядовое празднество совершеннолетия девицы у русских. «Живая Старина», 1911, вып. 2, стр. 235.

³³ Д. К. Зеленин. Обрядовое празднество совершеннолетия девицы у русских, стр. 235.

Важное социальное и магическое значение, которое придают прическе большинство народов, отмечено Л. Я. Штернбергом, причем он устанавливает, что обычай обривать себе голову или носить длинные волосы в одном и том же племени разделяется обычно пополам: там, где женщины носят бритую голову, мужчины устраивают себе сложную прическу (у некоторых негритянских племен, например), и наоборот³⁴.

Таким образом, прическа являлась часто одним из половых отличий в человеческом обществе. Этот факт ясен на прическе сибирских шаманов: меняя пол, чукотские шаманы меняют также свою прическу, на женскую³⁵.

В коллекциях Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР имеется несколько экземпляров шаманских поясов и культовых головных уборов из человеческих волос³⁶. Сделанные из волос головные уборы служат не только шаману, но и всем молодым людям племени Чама-Кокон во время исполнения ритуального танца урожая и плодородия. К сожалению, из описи нельзя установить, кому принадлежат данные волосы.

Пояса из человеческих волос наблюдаются на примитивных этапах общественного развития и употребляются в качестве одежды, например, у некоторых австралийских племен. Быть может, и поясные украшения из шерсти, черной и красной, которые употребляются у ряда народов Поволжья, следует объяснить употреблением шерсти как оберега, заменяющего волосы.

Восходя к глубокой древности, магическое отношение к волосам и прическе находит свое отражение и в развитых религиях — магометанстве и христианстве.

Материалы о почитании волос и признании их магической силы у самых различных народов очень велики. Нам важно было привести здесь незначительную часть, далеко уйдя от материала, непосредственно относящегося к Поволжью, чтобы пояснить значение, которое придают волосам. Если для более ранних общественных этапов это отношение формулируется как признание за ним жизненной силы, то для классового общественного строя оно переосмысливается, как социальный признак господствующих классов. Бритье головы является при этом социальным выражением рабского, подневольного состояния: например, не только в Риме рабам брили голову или часть головы, но и на Руси крепостной девке в знак позора брили голову.

³⁴ Л. Я. Штернберг. Убор головной. «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона», т. 67, стр. 410.

³⁵ В. Г. Богораз К психологии шаманства. М., 1910.

³⁶ Коллекции Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР по Северному Чако, опись № 1977.

Возвращаясь к волосам и прическе в свадебных обрядах Восточной Европы, мы можем заметить в этом отношении различные наклонения. С одной стороны, женщина должна прятать волосы потому, что, входя в чужой род, она может повредить ему своей магической силой. Этот захвативший ее в брачные узы род поработачивает силу ее плодородия, как свою собственность. С другой стороны, в более позднем осмыслении, женщина должна прятать волосы потому, что это символизирует ее подневольное положение: в более отдаленную эпоху она должна была даже не только прятать волосы, а срезать или брить их, выходя замуж, как мы читаем в старинных описаниях обычаев води и ижор, приводимых Н. Ф. Прытковой³⁷. Православное духовенство в Новгороде XV—XVI вв. вело борьбу с обычаем бритья головы замужней женщины, как с еретической языческой стариной³⁸.

Так при описании старинной свадьбы води Цетреус говорит, что жених обрядово должен был срезать косу девушки Мать, передавая ему волосы дочери, говорила при этом: «Возьми косу вместе с головою, будь ее господином, а она будет твоею рабою». Передача косы есть символ передачи власти над человеком. Обычай срезания волос существовал и у русских. Древность этого обычая, как и момент возникновения его, кажется, становятся достаточно ясны и поясняют значение обычая закрывать волосы замужней женщины. Головной убор женщины есть прежде всего символ ее брачного состояния, при начале господства патриархального рода — ее подчиненного положения. Снять головной убор публично — значит нарушить брак. У чуваш акт развода, по словам И. Г. Георги, заключался в следующем: «Если муж женой недоволен, то он разрывает ей покрывало и тем уничтожает навеки супружеский между ними союз»³⁹.

П. С. Паллас приводит обряд развода у чуваш несколько иначе: собираются старики, мужа и жену связывают спинами друг к другу сурпаном жены, спросив их еще раз, точно ли они желают развестись, разрезают сурпан, супруги расходятся в разные стороны⁴⁰. Женский головной убор сохранил в сознании свое обрядовое значение, как часть одежды, указывающая на социальное положение носителя. В силу своего ритуального значения, женские головные уборы гораздо устойчивее девичьих, храня до последнего времени всю сложность свою и многообразие.

³⁷ Н. Ф. Прыткова. Одежда води и ижор. «Западнофинский сборник. Труды КИПС Академии наук СССР», 16, 1930, стр. 324—327.

³⁸ Н. И. Костомаров. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI—XVII вв. Цит. по Д. К. Зеленину. Женские головные уборы.

³⁹ И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. I, СПб., 1799, стр. 41.

⁴⁰ П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. I, СПб., 1773.

II

ДЕВИЧЬИ ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ

Наиболее распространенный в последнее время в Поволжье головной убор девушек, в течение XIX в. постепенно вытеснивший старинные уборы, это покупной платок. Он носился различными способами: 1) оставляя открытой макушку волос, платок повязывали в виде повязки вокруг головы, 2) покрывали голову треугольно сложенным платком, завязывали концы его на затылке, 3) покрывали голову, повязывая концы сложенного треугольником платка под подбородком.

Венцы-повязки Платок, повязанный вокруг головы, как повязка, оставляющая открытыми волосы на макушке, тесно связана с более древними девичьими повязками — венцами, существовавшими у многих народов Восточной Европы. Они встречались и описаны Д. К. Зелениным, в качестве девичьего головного убора, почти у всех восточных славян¹. О повязках, называвшихся «ленты», у русских девушек района верховьев Десны и Оки писала Н. И. Лебедева. Это твердые венцы из картона, обшитые материей, украшенные позументом, которые девушки одевали вокруг лба, завязывая сзади и оставляя открытой макушку головы². У южнорусского населения и русской мещеры быв. Моршанского уезда Тамбовской губ. во время свадьбы, по нашим наблюдениям в 1925 г., девушки одевали высокий твердый венец из луба, обшитый материей, украшенный лентами и бисером. Назывался он «ленка».

У соседней мордвы-мокши девушки одевали, не только на свадьбы, но в любой праздничный день, головной платок из парчи, свертывая его в несколько раз и вставляя внутрь полосу бересты или картона. Платок венцом поднимался над головой и завязывался

¹ Д. К. Зеленин. Женские головные уборы восточных (русских) славян. «Slavia», 1926, №№ 2 и 3, стр. 555

² Н. И. Лебедева. Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки, стр. 79.

концами на затылке, оставляя открытой макушку головы. Назывался такой убор «коньянге». (Полевые записи автора, 1925 г.).

А. Гейкель описал у мордвы-мокши дер. Каргашино бывш. Тамбовской губ. твердый венец из луба, покрытый материей, украшенной позументом, пуговицами и лентами, носивший русское название «лента», как специальный головной убор невесты. Девушки носили повязки из домотканых с украшенными концами узких полотенец. Их повязывали, оставив открытой макушку головы и опустив украшенные и вышитые концы полотенца на спину³. А. Гейкель отмечает, что венец невесты отличается от венца непросватанных девушек, о важности такого различия мы будем говорить дальше.

Носили повязки и удмуртские девушки. Это были холщовые полосы, покрытые вышивкой, позументами и украшенные бахромой на лбу. В южных районах (бывш. Елабужском и Сарапульском уездах) носили налобные повязки «укотуг», состоявшие из полосы позумента и спускавшейся на лоб бахромы. В бывшем Бирском уезде Уфимской губ. подобную повязку удмуртских девушек называли «чачек»⁴. Чувашские девушки в некоторых районах также повязывали голову домоткаными платками — полотенчиками, опуская на спину их украшенные концы⁵.

Переход от старинных, домотканых повязок к покупным платкам очень прост и, нам кажется, отчасти легкостью этой преемственной связи объясняется столь быстрое распространение покупных платков у всех народностей Поволжья.

Девячьи шапочки Наряду с повязками и платками, почти у всех народностей Поволжья бытовал девичий головной убор, носивший название «такья», «тухья», «тохья», представлявший собой маленькую полусферическую шапочку из холста, сплошь покрытого украшениями из бисера или монет.

Удмуртки носили такой головной убор, по археологическим данным, с XII—XIII веков. Исследователи XVIII и XIX вв. П. С. Паллас, И. Г. Георги, Н. Г. Первухин, Г. Верещагин отмечали его широкое распространение среди удмуртов.

Но к XX в. В. Н. Белицер считает его почти исчезнувшим среди удмуртов⁶. Удмуртская такья, как ее описала В. Н. Белицер, представляла собой круглую шапочку из холста, обшитую кумачом и зашитую сверху рядами серебряных монет (см. рис. 64). У бесермян такья сохранялась в быту до 30-х годов XX в. В 1936 г. нам прихо-

³ А. Heikel. Trachten und Muster der Mordvinen, t. XVIII, 1, 3; t. XXIV, 4

⁴ В. Н. Белицер. Народная одежда удмуртов, стр. 58—59.

⁵ Н. И. Воробьев, А. Н. Львова, Н. Р. Романов, А. Р. Симонова Чуваши, стр. 305—307.

⁶ В. Н. Белицер. Народная одежда удмуртов, стр. 56—58.

Рис. 64. Девушки-удмуртки в головном уборе такья
(Мамадышский уезд Казанской губ.).
ГМЭ, колл. № 205-66.

дилось наблюдать ее бытование в быв. Глазовском уезде. Это была полусферическая холщовая шапочка, сплошь зашитая рядами разноцветного бисера, образующего сложные узоры. По нижнему краю шло несколько рядов серебряных мелких монет и их жестяных имитаций. На уши спускались треугольные наушники, застегивавшиеся под подбородком петлей и пуговицей. Вверху такья имела коническое возвышение, оканчивающееся металлической шишечкой. Такая же такья сфотографирована В. Н. Белицер у бесермян в 1947 г. в дер. Шамардан Юкаменского района.⁷ По форме, узорам и расцветке бисера такья бесермян совпадает с чувашской тухьей группы анатри и анат енчи (см. рис. 65, стр. 159).

У чуваш все три основные группы — вирьялы, анат енчи и анатри — носили этот девичий головной убор с некоторыми различиями. У чуваш-вирьял в 1926—28 гг., во время наших этнографических исследований, «тохья» почти вышла из употребления. Прежде вирьялы носили тохью, представлявшую собой полусферическую шапочку из холста, плотно облегающую голову и прикрепленную под подбо-

⁷ В. Н. Белицер. Народная одежда удмуртов. стр. 103.

Рис. 65. Девичья «тухья» чуваш анатри и анат енчи.

МАЭ, колл. № 4346-1.

Рис. 66. Девичья «тохья» вирьял.

родком проходящими около ушей холщовыми ленточками. Холст всюду плотно зашит украшениями. В верхней части убора располагались несколько рядов серебряных монет (см. рис. 66) или, на более бедных экземплярах, «нухраток» — монеток из жести. Ниже, за монетами, располагались ряды цветного бисера, по большей части голубого или зеленого, желтого и белого цвета. Красный бисер употреблялся в очень ограниченном количестве, только для оттенения рисунка. Нижняя часть тохьи зашивалась рядами серебряных монет 10, 15 и 20-копеечного достоинства, причем более крупные монеты располагались по нижнему ряду. Холщовые наушники также сплошь покрывались монетами.

У чуваш анат енчи тухья в 20-е годы еще бытовала. Летом 1927 г. в д. Ближние Сормы Шибылгинской волости Цивильского уезда нам довелось видеть свадьбу, где невеста и все ее подружки были в тухьях, сплошь зашитых серебряными рублевиками.

У чуваш существовало два типа тухьи: 1) почти целиком покрытая монетами или нухратками — жестяными имитациями монет —

тухья не имела сверху шишечки. Этот убор был распространен у верховых чуваш, вирьял, и у анат енчи (рис. 66); 2) тухья, зашитая бисером, лишь с несколькими рядами монет или нухраток, обычно имела сверху тоже обшитый бисером конус с металлической шишечкой. Эта тухья была распространена у анат енчи и анатри (см. рис. 65) в самой Чувашской республике и среди саратовских чуваш. В 1957 г. в Шемуршинском районе тухья еще бытовала в качестве обрядового головного убора на осенних девичьих праздниках. Она была обшита бисером, с высокой конусообразной бисерной шишечкой наверху и смыкающимися под подбородком наушниками.

У саратовских чуваш, по описанию Т. М. Акимовой, бытовала тухья, обшитая бисером, с острой вершинкой и бисерными же наушниками, такие тухьи имелись в коллекции Саратовского музея. Т. М. Акимова писала, что в старину у саратовских чуваш тухьи были сделаны не из холста, а из кожи и сплошь покрывались монетами⁸.

О происхождении этого девичьего убора у чуваш строили гипотезы многочисленные исследователи.

Н. И. Золотницкий в «Корневом чувашско-русском словаре» относительно названия «тухья» писал следующее: «Слово это арабское: **такия** — шапочка; по-татарски **такия** называется шапочка, вышитая серебром; **тюркское такье** значит шлем»⁹. Он связывал происхождение этого убора с военными шлемами мужчин.

Спиридон Михайлов, первый чувашский историк-этнограф, считал, что раньше тухьи у чуваш были сделаны из металла, как шлемы, и служили для боевого наряда; он писал, что весь «свадебный наряд у чувашских женщин более походит на воинственный костюм, в особенности так называемые **сара**, т. е. желтенки (непонятное слово.— Н. Г.), вроде длинного корсета»¹⁰. В. А. Сбоев также считал, что тухья — часть боевого шлема, перешедшая к женщинам¹¹. Но Риттих описывал как шлем головной убор женщин — **хушпу**¹².

⁸ Т. М. Акимова. Женские головные уборы саратовских чуваш. «Труды Нижне-Волжского краевого музея», вып. I. Саратов, 1929. (Отд. оттиск), стр. 3.

⁹ Н. И. Золотницкий. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань, 1875, стр. 238.

¹⁰ С. М. Михайлов. Краткое этнографическое описание чуваш. «Казанские губернские ведомости», 1853, № 20

¹¹ В. А. Сбоев. Чувашаи в бытовом, историческом и религиозном отношениях. М., 1865.

¹² А. Ф. Риттах. Материалы для этнографии России. XIV. Казанская губерния. Казань, ч. II, стр. 59.

В. Н. Белицер присоединяется к этим исследователям, связывая происхождение девичьей шапочки тухьи у народов Поволжья со шлемом воинов¹³.

Несмотря на привлекательность этого предположения в силу большого внешнего сходства тухьи со шлемом, на наш взгляд, нет достаточных оснований на это утверждение, так как остаются невыясненными мотивы, вызвавшие переход мужского, военного головного убора к девушкам. Трудно думать о бессмысленном заимствовании из мужского убора в девичий, если к этому нет существенных оснований — соответствующих общественных отношений и выработанных ими воззрений, которые бы вызвали подобное заимствование. У нас нет никаких данных говорить о том, что здесь существовал такой переход, кроме внешнего сходства, ничего не объясняющего. Трудно предполагать бессмысленное заимствование в уборе, имеющем ритуальное значение, который должен выражать какую-то определенную мысль. Нам важнее проследить широту распространения самого девичьего убора и установить его наличие у различных народов. Кроме удмуртов, бесермян и чуваш подобная полусферическая девичья шапочка существовала с тем же названием у ряда тюркоязычных народов. Башкирские девушки носили полушаровидную холщовую шапочку, зашитую серебряными копейками с бахромой из нитей коралла по низу. На макушке шапочки была шишечка в виде столбика с двумя листовидными подвесками. Вокруг шишечки нашивали три ряда коралловых бус. Назывался этот убор «такья»¹⁴.

У девушек казанских татар головного убора тахья нет. У татар встречается под названием «такья» лишь мужской головной убор — полусферическая шапочка — «тубэтэй» — тюбетейка из парчи или гладкой материи, расшитой бисером и жемчугом¹⁵.

У туркмен Средней Азии мы имеем девичий головной убор, называемый «тахья». Это полусферическая шапочка из красного сукна, вышитая шерстью и зашитая металлическими бляшками. На макушке ее — металлическое полушарие с трубочкой. В коллекции ГМЭ в Ленинграде (№ 12-116) сказано при описании этого головного убора, что трубочка служит для втыкания пера, по большей части пера совы (см. рис. 24, стр. 64).

Шишечка с трубочкой для пера, сохранившаяся у туркмен, поясняет нам острый конус на чувашской и бесермянской тахье, который напоминает эту трубочку по форме и величине и, очевидно, тоже предназначался для пера.

¹³ В. Н. Белицер. Народная одежда удмуртов, стр. 56—57.

¹⁴ С. И. Руденко. Башкиры, стр. 193.

¹⁵ Н. И. Воробьев. Казанские татары, стр. 263—265.

Подобный девичий головной убор, в большинстве случаев с тем же названием «тахья», имеет почти повсеместное распространение у многих народностей, от туркмен Средней Азии, через казахские и башкирские степи, к народностям Поволжья, подобно тому, как мы видели распространение на этой же территории женской рубашки второго типа. Но полусферический девичий головной убор бытует не только среди тюркоязычных народов. Мы уже отметили существование его и у удмуртов. Носится «тахья» также девушками мари. В коллекциях по одежде мари, находящихся в Ленинграде, в ГМЭ, имеются два типа мари́йских девичьих шапочек «тахья»: 1) шапочка из холста, обшитая хумачом и украшенная монетами или нухратками. Сзади тахьи идут две цепочки из бисера. Наушников-завязок, скрепляющих тахью под подбородком, нет (колл. № 2852-1, деревня Юве, Ювенской волости Красноуфимского уезда Пермской губ.); 2) шапочка из холста, полусферической формы, сплошь зашитая бисером. Сверху прикреплено тоже зашитое бисером плотное острие с окончанием из оловянной шишечки. С боков идут сделанные треугольниками наушники из холста, зашитые бисером; они застегиваются под подбородком. Над лбом, в передней части тахьи, пришиты бисерные подвески с серебряными монетами (колл. № 2848-1). Оба типа тахьи у мари бытовали параллельно (Бирский уезд Уфимская губ.) и, видимо, являются поздним наслоением, так как встречаются лишь в районе, где мари соседят с башкирами.

У удмуртов и бесермян также имелись оба типа девичьей тахьи: с коническим возвышением на макушке и без возвышения.

У мордовских девушек, как мокши, так и эрзи, наиболее характерным головным убором, как уже отмечалось, считался венец, переходящий в повязку — платок. Но у мордвы-эрзи Теньгушевского района в 1934 году нами был сфотографирован в селе Шокше девичий головной убор, носящий название «сляпа», который может быть поставлен в связь с тахьей.

Девушки села Шокша бросили его носить в начале XX в. С. П. Толстов, который был у мордвы этого района и даже выделяет ее в особую группу «шокшинской» мордвы, приводил название этого девичьего головного убора — «перхтим»¹⁶. К 1934 г. оно уже было забыто, заменившись русским словом «сляпа» (шляпа) (см. рис. 67, стр. 158).

Убор этот представлял собой твердый остов полусферической формы, который покрывался цветами из серебряной бумаги, стек-

¹⁶ С. П. Толстов. Нацмены ЦПО, стр. 14.

Рис. 67. Мордовский девичий головной убор «сляпа» (с. Шокша Теньгушевского района Мордовской АССР).

Фото Н. И. Гаген-Торн.

ный головной убор девушки мордвы других групп, или он является характерным лишь для шокшинской мордвы, вообще отличающейся особенностями в одежде?

Некоторую связь с тахьей имеет, по-видимому, и головной убор невесты нижегородской мордвы-эрзи, который описан А. Гейкелем¹⁷. Это венец, оставляющий открытой макушку головы. Спереди над лбом и ушами он состоит из скрепленных между собой серебряных монет, образуя подобие шлема, сзади по затылку, до половины спины спускаются от него низки раковин-ужовок и шерстяная бахрома

лянными бусами и пуговицами. По нижнему краю его нашиты пять рядов стеклянных бус. Наверху прикреплено несколько павлиньих перьев. В таком виде головной убор, разумеется, не относится к древним формам, так как фольга и пуговицы стали проникать в деревню лишь в XIX столетии. Но можно предположить, что они пришли на смену более старых украшений шапочки из бисера или монет, как и картон заменил собой другой материал. Полусферическая форма этого головного убора связывает его с тахьей. К ней приближает и украшение стеклянными бусами, пришедшее на смену бисеру. Сходство с тахьей видно и в украшении верхушки пером, как на туркменских тахьях в коллекции ГМЭ. Остается неясным, носили ли раньше подоб-

¹⁷ А. Heikel. Trachten und Muster der Mordvinen, табл. I, II.

Ниже ушей, спереди, прикреплены к венцу гусиные пушки, от которых опускаются на грудь полоски материи, покрытые расположенными в один продольный ряд серебряными монетами. Этот шлемообразный венец, в противоположность шапочке, оставляет открытой макушку головы. Его связь с шапочкой, пожалуй, чисто внешнего характера, он как бы служит переходным убором от девичьей шапочки (тухья, тахья) к уборам замужних женщин типа «хушпу», «кашпау».

Колпак Третий тип девичьих головных уборов, бытовавший отдельными вкраплениями у различных народностей Поволжья, носил название «колпак»

Этот головной убор бытовал прежде всего у девушек казанских татар и описан в литературе Н. И. Воробьевым: «Старинные колпаки, начавшие выходить из быта уже с 70-х гг. XIX столетия, делались преимущественно вязаными из тонких ниток, длиною около 60 см и шириною, достаточной для одевания на голову, причем край закладывается назад, по наружной поверхности, на 10—12 см. Прототипом подобных колпаков являются колпаки из белых чулочных ниток, длиною до метра, при той же ширине, что и описанные. Край этих колпаков связан рисунком, вроде рисунка на концах самодельных чулок, а второй конец заканчивается на конус, к которому прикрепляется кисть. Эти колпаки обычно складывались в несколько раз, вставляя одну часть в другую, подобно спортсменским шапочкам, так что получался колпак длиною около 30 см, нижняя часть которого состоит из нескольких слоев, а самая верхняя, сходящаяся на конус, из одного слоя. В таком виде колпаки сшивались, иногда украшались в лобной части бахромой или позументами и носились в старину (в прошлом столетии) деревенскими девушками, как мусульманскими, так и кряшенскими, на всей территории поселений татар»¹⁸, — писал Н. И. Воробьев.

Рис. 68. Мордовские девушки в праздничных головных уборах. Слева на голове «лента», справа «сляпа».

¹⁸ Н. И. Воробьев. Материальная культура казанских татар. Казань. 1930, стр. 359—361.

В новом издании книги о материальной культуре казанских татар Н. И. Воробьев более подробно описывает разные типы колпаков и их изменения в зависимости от социальной среды: городские колпаки резко отличались от деревенских, делались из бархата, богато украшались золотой канителью и вышивкой. Давая описание, Н. И. Воробьев не упоминает, носились эти колпаки девушками или замужними женщинами, а между тем это имеет существеннейшее значение, так как девичий и женский головные уборы всегда резко различаются. Судя по приведенным фотографиям и по описанию девичьих деревенских колпаков в первом издании книги, это был девичий головной убор, какой наблюдается и у чуваш. Но если это так, то вряд ли убедительно высказанное Н. И. Воробьевым предположение, что колпак пришел на смену высокому и твердому головному убору, о котором упоминают старые авторы и который исчез к началу XIX в. Тот убор носился замужними женщинами, судя по тому, что И. И. Лепехин и И. Г. Георги сравнивают его с головным убором чуваш хушпу. С нашей точки зрения, не убедительно предположение, что убор замужней женщины перешел в девичий, так как они очень долго рассматриваются как необходимое отличие в костюме женщины и девушки, и у всех народов Поволжья мы очень четко видим эту разницу в головных уборах. «Колпак» как девичий головной убор встречается и у других народностей и не является «совершенно своеобразным», как считает проф. Н. И. Воробьев¹⁹.

У чуваш Б. Адлер описывал употребление подобного головного убора у девушек в качестве свадебного²⁰. В Буинском уезде в 1927 г. нам приходилось слышать рассказы, что в старину девушки низовых чуваш-анатри носили в качестве свадебных уборов белые вязаные колпаки, но они уже вывелись из употребления.

В 1957 г. оказалось, что «калпаки» до последнего времени бытовали в Шемуршинском районе ЧАССР. Нам удалось сфотографировать и описать бытующие в этом районе обрядовые девичьи головные уборы, калпаки. До самых последних лет они употреблялись на осенних девичьих праздниках, носивших название «улах сәри». За последние годы празднование этого праздника, не имевшего точной даты в обрядовом календаре, приравнивалось к ноябрьским дням. Праздник длился два вечера. Девушки деревни делились на две группы и устраивали складчину. В первый вечер одна группа девушек являлась хозяйками, а другая собиралась у них в гостях. Хозяйки ставили угощение, сажали гостей за стол, а сами стоя угощали

¹⁹ Н. И. Воробьев. Материальная культура казанских татар, стр. 359—361.

²⁰ Б. Адлер. Коллекция Сиклера. «Казанский музейный вестник», 1922, № 2, стр. 41.

их и пели им песни. Одеты все были в обрядовые головные уборы: хозяйки в тухьях, а гости поверх тухьи надевали калпаки. Не у всех они имелись, и так как праздник справлялся в разных деревнях не в один и тот же день, часто за калпаками отправлялись в чужую деревню, но обязательно доставали калпак. (См. рис. 69.)

Нам показывали следующие калпаки: 1) в деревне Новая Шемурша калпак представлял собой мешок из розового ситца 1 м 14 см длины, 24 см ширины. Он оканчивался конусом, на котором были прикреплены пять кисточек из желтой, зеленой и красной шерсти; с несколькими бусинками у основания кисточек. Этот матерчатый мешок надевался на картонный остов 15 см вышины. Поверх картона мешок был обшит шелковыми лентами, полосами позумента и вышивкой, несколько напоминая головной убор «златной» у мордвы-мокши²¹.

2) В селе Трех-Изб-Шемурша нам показывали девичий калпак, который употреблялся на девичьем празднике еще в 1956 г. Он, как и в Новой Шемурше, был сделан из ситца, имел наверху три шерстяные кисточки и был прикреплен к картонному остову, покрытому лентами, позументом и вышивкой.

Калпаки на девичьем празднике носили девушки-гости. На второй вечер группы менялись ролями и соответственно менялись головными уборами. Кроме южных районов ЧАССР, где чувашаи близко соприкасаются с татарами, ношение чувашскими девушками калпаков нигде не отмечено.

Удмуртские девушки также носили колпаки. И. Н. Смирнов описывал, что в Слободском и Глазовском уездах девушки носили белые вязаные колпаки с кисточкой на конце²².

Рис. 69. Девичий головной убор чувашек «калпак» (Шемуршинский район Чувашской АССР).

Фото Н. И. Гаген-Торн.

²¹ Н. И. Спрыгина. Одежда мордвы-мокши, стр. 34.

²² И. Н. Смирнов. Вотяки. Историко-этнографический очерк. Казань, 1890, ИОАИЭ, т. VIII, стр. 95.

Аналогию этому головному убору можно найти и в эстонских девичьих вязаных колпаках, но упоминания о них в литературе настолько беглы и случайны, что трудно говорить о их происхождении и определить районы их бытования.

Все три типа вышеописанных девичьих головных уборов одевались девушкой на волосы без стремления спрятать и укрыть их: девичьи косы всегда остаются снаружи, располагаются по спине, часто украшаются накосниками в виде лент или бисерных кистей. Всюду девушка гордится своими волосами и не прячет их, как замужняя женщина; этот общий признак противопоставляет девичьи головные уборы уборам замужних женщин.

III

ЖЕНСКИЕ ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ — ПОКРЫВАЛА

Как было упомянуто выше, основное отличие женских головных уборов от девичьих — в стремлении закрыть волосы замужней женщины. Самым универсальным средством для этого является покрывало — распространенный почти по всему миру и древний головной убор.

В Поволжье мы встречаемся с несколькими типами покрывал из материи и сочетаниями их с твердыми головными уборами. Наиболее распространенным покрывалом здесь является узкое домотканое полотенце с украшенными концами, которым обертывают голову, шею и подбородок, спуская концы по спине. У чуваш оно называется «сорпан», «сурпан», у мари «шарпан», у казанских татар и башкир — «тастар», у удмуртов — «чалма». Если мы возьмем наиболее старые известия письменных источников, относящиеся к XVIII веку, то можем констатировать, что покрывало обычно носилось в сочетании с высоким твердым головным убором. В течение XIX века высокие головные уборы постепенно отмирают, лишь у некоторых народов сохраняясь до начала XX века; покрывала же продолжают бытовать, заменяя домотканую материю покупной. Начнем описание с чувашского материала, так как у чуваш до 30-х годов XX века еще повсеместно бытовали очень древние приемы обертывания головы женщины домотканым покрывалом. Наиболее старые сведения о женском головном уборе чуваш мы встречаем в книге П. С. Палласа. Вот как описывает П. С. Паллас чувашский женский головной убор XVIII века: «Чувашская женская кичка хушпу, без которой они и дома никогда не кажутся, так, как и у татарок, часто унизана старинными серебряными копейками или оловянными блестками, бисером в несколько рядов и подвязывается широким ремнем под подбородком, а позади пришита к ней длинная лопасть, или затыльник ама, с унизанным мелкими монетами или блестками ремнем, который пройдет под пояс и на конце обычно-

венно бывает разноцветной шерстью с бахромой и длинными шнурами, так что нарочито тяжелый головной их убор висит до подколенок. Подле одного широкого ремня по обеим сторонам висят еще два узкие до половины спины, где они бисерными нитками соединены. Кичка не имеет на челе мыса и на теме вместе не сшита... Концы той лопасти, которую они, так же как татарские женщины, для прикрытия шеи подкладывают от подбородка вверх под кичку, торчат из того отверстия наподобие хохла. Однако есть у них и такие кички, у которых верхушки защиты наглухо»¹. Торчащая «наподобие хохла» лопасть, как видно по приложенному рисунку, это головное полотенце сурпан (см. рис. 10). Сурпан был, по-видимому, короткий и, обмотав голову под хушпу, едва спускался по спине несколько ниже плеч. Вдоль всей спины висел кожаный ремень, украшенный корольками и монетами, это существующий и по настоящее время хвост хушпу «хўре».

К более подробному описанию хушпу мы вернемся в дальнейшем; важным для нас в настоящий момент является то, что сурпан чуваш в XVIII в. носился с хушпу. Это подтверждали в 1926—27 гг. во время нашей работы старухи в бывш. Цивильском уезде. Они утверждали, что еще их матери, лет 70—80 тому назад, на улице без хушпу не показывались.

В 20-е годы XX в. хушпу сохранялось только в качестве обрядово-праздничного и свадебного убора. Сорпан же, или, по анатрийскому произношению, сурпан, продолжал бытовать у всех групп чуваш, у вирьял — с «масмаком», у анат енчи и анатри — употребляясь вместе с домотканым головным платком «пуç тутри», что означает в переводе головной платок. Пуç тутри носили и девушки, но по-другому, чем женщины, повязывали. Женщины одевали пуç тутри поверх сурпана. Повязывали различно в разных селах, как различно повязывался и сам сурпан.

Сурпан представлял собой полосу домотканого тонкого льняного холста, в разных районах различной длины и различно украшенную. У вирьял это узкое полотенце 20—25 см шириной, по продольному краю окаймленное узкой вышивкой черной шерстью, а на концах вышитое очень тщательно мелким геометрическим орнаментом с преимущественным употреблением малинового шелка. У анат енчи сурпан шире и длиннее. Концы его вышиты более крупным узором шелками и шерстью и окаймлены черной шерстяной бахромой. На более новых экземплярах концы делают из пришитой полосы брано-

¹ П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. I, стр. 137.

Рис. 70. Чувашская женщина анат енчи в сурпаче и хушпу (Чебоксарский уезд Казанской губ.).
ГМЭ, coll. № 1157-7.

Рис. 71. Чувашская женщина анатри в сурпане и хушпу (дер. Старые Чукалы Шемуршинского района Чувашской АССР).
Фото Н. И. Гаген-Торн.

го тканья, оканчивающейейся полосой белых кружев (см. рис. 70). У низовых чуваш (анатри) сурпан еще шире и длиннее, чем у анат енчи. Он в 2,5 метра длины, 30—35 см ширины. Во многих деревнях точка холста для сурпана выткана с продольной красной каймой. На обоих концах пришиты полосы красной домотканины, где в браный узор добавлена еще вышивка или полоса яркой покупной материи, по которой также идет вышивка, сделанная очень часто тамбурным швом. Оба конца окаймлены широким белым кружевом (см. рис. 71).

Способы обертывать сурпаном голову и спускать его по спине также различны у разных групп чуваш.

Чуваши-вирьялы носят «сорпаны» в виде точи тонкого конопляного холста 20—25 см ширины, 1 м 20 см длины. Концы его вышиты алым шелком, синей, зеленой и черной шерстью и украшены короткой бахромой из черных шерстяных нитей или бахромой из бисерных нитей, называемой «сўсе». Продольные стороны сорпана вышиваются узким узором из одноцветной черной шерсти.

Совершенно аналогично головное полотенце горномарийских женщин, называемое «шарпан».

Это узкое полотенце вирьялки и горные марийки одевают так, чтобы прикрыть только шею и затылок, оставляя всю голову совершенно открытой. Через голову, от уха до уха, идет лента двух-трех см ширины и 20—25 см длины, сплошь вышитая геометрическим узором. Она носит название «масмак» у чуваш-вирьял, «машмак», «нашмак» у горных мари.

Масмак скреплялся с сорпаном несколько ниже ушей парой медных иголок, соединенных между собой цепочкой или ленточкой. Иголки называются — «пуç йёппи», т. е. в переводе — головные булавки. Ленточка проходит по затылку, соединяя ушки иголок, протыкающих масмак и сорпан.

В Аликовской и Норусовской волостях Ядринского уезда сорпан носили несколько иначе: он обертывался вокруг шеи не средней своей частью, а почти концом, так, что на спину свешивалось не два, а один конец, который гладко лежал по всей спине, пропускаясь под пояс.

Разница в способе ношения сорпана, в прикалывании масмака, размере пуç йёппи существовала почти для каждой деревни. Но в основном способ обертывания сорпаном только шеи и скрепления его с масмаком, расположенным по середине головы, охватывал довольно большой район бывш. Чебоксарского и Ядринского уездов Чувашской АССР, в местах поселения чуваш-вирьял. Этот же способ ношения шарпана и нашмака бытует у горных мари, которые в головном уборе, как и в рубашках, почти не отличаются от чуваш-вирьял. Описание комплекса одежды вирьял, данное в 1850 г. Лебедевым, уже приводилось в главе о рубашке (см. стр. 53). О сорпане В. Лебедев писал, что он «верхними углами прицеплен сзади к ушам за ленту, что идет поперек головы, а нижними заткнут за пояс»².

Мы склонны думать, что тут существует недосмотр и В. Лебедев не понял, что сурпан не только протянут по спине, но и обернут

² В. Лебедев. Симбирские чувашы. ЖМВД, 1850, XXX, № 6, стр. 331.

вокруг шеи. Он считал, что к шее прикреплен «тонкий треугольный кусок холста, висящий под подбородком — знак замужней», в то время как это был один и тот же сорпан.

Н. И. Ашмарин, отмечая особенности ношения головного убора, выделяет на основании этого, вместе с целым рядом других особенностей в одежде, ряд этнических групп чуваш. «Настоящие низовые,— писал он,— сурпаном обертывают всю голову, а эти (кошлаушские и ораушские.— Н. Г.) — обертывают голову сзади до висков. Вровень с верхними краями сурпана накладывают «пуç йёппи» и двумя концами последней, оканчивающейся булавками, прикалывают сурпан к масмаку, который идет через голову, от уха до уха, и завязан под подбородком. Такими же чувашами населен в Цивильском уезде Ага-Касинский приход»³.

Таким образом, величина украшения и способ ношения сурпана различны у разных групп чуваш. Сурпаны чуваш анат енчи и анатри гораздо шире и длиннее вирьяльских сорпанов. Ширина их до 32 см, длина 2—2,5 метра. Сурпаны эти не бывают вышитыми. Они сделаны из белого холста или чаще домотканой бумажной материи (у чуваш анатри) и вытканы по продольному краю красной полоской. Концы их состоят из пришитых полос кумача, шелковых лент, полос узорного тканья и обязательно оканчиваются плетеными кружевами, подобно тому, как вирьяльские сорпаны оканчиваются бахромой из шерстяных ниток (см. рис. 71). Анатри покрывают сурпаном всю голову, оставляя открытым только лоб, который повязывают головным платком пуç тутри, спускают оба конца длинного и широкого сурпана по спине, иногда почти до колен. Анат енчи проводят сурпан через голову, прикрывая темя, и скрепляют его головными булавками пуç йёппи, превратившимися в особое затылочное украшение. Вирьялы обертывают сурпаном только затылок и шею, одевая через всю голову от уха до уха ленту масмак.

«Масмак» у вирьял или вышит сплошным геометрическим узором шелком и шерстью, или выткан на коклюшках-дощечках, подобно тому как ткнут пояса и ленты для наплечного украшения «хулси тёрри», употребляемого на вирьяльских рубашках (см. стр. 54). Масмак вирьял обычно около двух см ширины и 20 см длины, темных спокойных тонов и мелкого узора. Сорпан прикрепляется к масмаку булавками. У анат енчи к 1927 г. масмаки почти вышли из употребления и сурпан носили с маленьким домотканым головным полотенцем пуç тутри, которое и поддерживало сурпан.

Но у анат енчи в деревне Чешлама, в южной части Чебоксарского

³ Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка. Слово «анатри чаваш» записано от П. И. Орлова, урож. с. Орауши.

Рис. 72. Масмаки (начелыши) чувашек Марпосадского района Чувашской АССР.
 Фото Г. А. Никитина.

уезда, нам удалось найти несколько экземпляров старых масмаков, которые носили лет 30—40 назад. В коллекциях ГМЭ в Ленинграде имеется большое количество масмаков этого типа, помеченных Чебоксарским уездом. Они отличаются от вирьяльских масмаков и представляют собой кусок холста 8—9 см ширины и 35—40 см длины. С обеих сторон этого холщового прямоугольника прикреплены веревочки. Средняя часть вышита шелками, главным образом алыми, в форме трапеции. Орнамент — из двух парных фигур, иногда доведенных до полной геометризации, иногда же еще хранящих следы стилизованных коней (ГМЭ, колл. № 179-20). Орнаментированная часть окаймлена со всех сторон полоской кумача. Снизу иногда пришиваются серебряные монетки (см. рис. 72). Масмаки эти, зарегистрированные под названием «начёлыши» (колл. № 179-20-30, 88-42), приобретены в бывш. Чебоксарском уезде и в бывш. Рачеевской волости Сызранского уезда (колл. № 70097-35). По-видимому, раньше масмаки такого типа носились и в бывш. Цивильском уезде, так как в коллекции № 1239-10 имеется один такой же масмак с пометкой «старинный, редкий».

Подобный масмак повязывался на лоб и покрывался сурпаном так, что оставалась открытой как раз трапециевидная вышитая часть, остальное закрывалось сурпаном, охватывавшим всю голову, кроме лба. Размеры, орнамент и способ ношения масмаков этого

Рис. 73. Башкирские хараусы (начельши).

- а) дер. Исякова Орского уезда Оренбургской губ. ГМЭ, coll. № 1234—32;
 б) дер. Усман-Талина Оренбургской губ. ГМЭ, coll. № 2881—313.
 Фото А. В. Маторина.

типа совершенно совпадают с башкирским налобным «хараусом», как он описан в монографии С. И. Руденко⁴ (см. рис. 73).

У саратовских чуваш масмак, по описанию Т. М. Акимовой, представлял собой «неширокую полосу холста в 3,5—4 вершка ширины и 7—8 вершков длины, украшенную разноцветными нашивками из узеньких полос материи и унизанную по краю рядом серебряных монет. Он надевается на темя, закрывая волосы. На лоб выпускается небольшой край, который бывает виден из-под сурпана, как раз украшенный нашивками и монетами»⁵.

Это все, что сообщает Т. М. Акимова о масмаке саратовских чуваш, добавляя только, что он «довольно близок к русскому «сборнику», распространенному в бывш. Саратовской губернии». К сожалению, она не описала этого «сборника», что могло бы быть интересным для установления связи головных уборов различных национальных групп Поволжья.

Сурпан саратовских чуваш носился так же, как у чуваш южной части Чебоксарского уезда, Цивильского и Багыревского уездов

⁴ С. И. Руденко. Башкиры, стр. 191.

⁵ Т. М. Акимова. Женские головные уборы саратовских чуваш, стр. 8.

Рис. 74. Чувашское украшение замужних женщин «пуч хыс» (с. Аликово Ядринского уезда Казанской губ.).
Фото Н. И. Гаген-Торн. 1927 г.

ЧАССР: он покрывал всю голову, оставляя открытым только лоб, который закрывался масмаком — начельшем⁶.

Пуч йёппи. У вирьял и у анат енчи масмак и сурпан скреплялись между собой особыми булавками пуч йёппи. У вирьял это действительно медные булавки с широким ушком, за которое привязывается ленточка или цепочка, проходящая по затылку. В районе чуваш анат енчи (кошлаушских и ораушских) пуч йёппи представляет собой кожаную полосу 8—10 см ширины, к обоим концам которой прикреплены французские двойные булавки (по рассказам, не так давно это были медные одинарные булавки). Наружная сторона кожаной ленты зашита четырьмя рядами монет, от 15 копеек до 50-копеечного достоинства. Такие пуч йёппи не встречались нам у чуваш анатри, которые носят сурпан без масмака, обернув голову и закрепив его обыкновенной двойной булавкой.

Близко напоминает пуч йёппи носимое в Аликовской волости украшение «пуч хыс». Оно представляет собой полукруг из холста в 3—4 см ширины, на который плотной челуей нашиты два ряда серебряных монет 15—20-копеечного достоинства, а внизу пришита плетенка из бисера в 2—3 см ширины. Прикрепляется это украшение к нагрудному украшению «ама» и

⁶ Чем можно объяснить то, что сорпан — головное покрывало, которое слугит у остальных чуваш действительно для того, чтобы закрыть голову женщины, у вирьял одевалось только на шею, оставляя голову открытой? Нам кажется, что этот способ ношения сорпана возник в связи с тем, что раньше он обязательно носился с головным убором, покрывавшим голову, но головной убор вышел из употребления, а сурпан продолжал носиться только по шее, — так как смысл его ношения был утерян, осталась мертвая традиция; эта потеря смысла традиции может указывать на то, что костюмный комплекс вирьял и горных мари — достаточно позднее явление.

лежит сзади по шее и плечам. Носится только замужними женщинами (см. рис. 74).

«Пуç йёппи», как и «пуç хыç» верховых чувашек Аликовской волости, связано с чрезвычайно широко распространенным в Поволжье украшением для прикрытия затылка замужней женщины, на котором мы еще остановимся, разбирая сложные головные уборы типа «сороки». В деревне Ершиполье Вурнарского района «пуç йёппи» в 1927 г. уже не употреблялось, но нам сообщили, что раньше носили пуç йёппи, сделанное из бус (шърса) с четырьмя монетами с каждой стороны. К 1927 г. «пуç йёппи» в селе Ибреси называли медную цепочку с двумя иглами, скреплявшую сурпан, который носили без масмака, с платком «пуç тутри».

«Пуç тутри» представляет собой точку холста обыкновенной для чуваш ширины (23—28 см) и около 60—70 см длины. К концам его, сантиметров на 10—15, пришиваются полосы кумача или домотканой выкладки (белым узором по красному полю), вязаные кружева и куски лент. С обеих сторон кусок холста, вместе с кумачом и кружевами, закладывается продольными складками и так заметывается. В середине остается материя во всю ширину, с обеих же сторон сантиметров на 20, получают узкие и плотные концы.

Средней частью пуç тутри кладется на голову, концы его связываются на затылке и, перекрещиваясь, закладываются друг за другом надо лбом. Способы закладывания концов и узла для разных мест Чувашской АССР различны. Так в дер. Ближние Сормы Шибьлгинской волости концы протягиваются наперед, перевиваются спереди узлом и закладываются назад так, что кружева торчат сзади. В районе села Ибреси той же волости Батыревского уезда узел делается сзади, и концы, переведенные ко лбу, торчат спереди, как два рога. Почти для каждого села существует свой вариант повязывать пуç тутри.

«Самотканые платки повязывают наподобие татарской чалмы, охватив им голову и завязав его раз на затылке. Оставшиеся концы завязывают спереди надо лбом, причем концы платка торчат на голове в виде рогов или завязываются на затылке, причем длинные концы висят по спине», — писал Н. И. Ашмарин о чувашах Цивильского уезда⁷.

Пуç тутри бывают как из белого холста, так и из красной, в белую клетку, пестряди. В. К. Магницкий описывает ношение пуç тутри, которое он называет «тотыр», в бывш. Козьмодемьянском и Чебоксарском уездах Казанской губернии в 60-е гг. XIX в. «Тотыр — тот же сарпан, только в половину уже и короче. Обернув

⁷ Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка. Под словом «анатри чаваш».

им голову поверх сарпана со лба на затылок и обратно, концы его закручивают и затыкают за образовавшуюся на лбу складку, из-за которой они высовываются в виде рогов»⁸.

У чувашек Саратовского края и Чувашской АССР цвет, величина и способ ношения пуç тутри несколько различны. «Пуç тутри,— списывает Т. М. Акимова,— представляет из себя длинную полосу в 2½ — 3 аршина длины, 4 вершка ширины особым образом вытканного холста: самая середина ее белая, остальное все из плотной красной ткани. По краю пуç тутри обшивается кумачом, а по концам разноцветными лентами. Иногда пуç тутри украшается узенькой полоской вышивки мережкой, которая проходит поперек. Пуç тутри одевается таким образом: складывается вдвое и свертывается на голове в виде открытого цилиндра, концы с лентами свешиваются назад»⁹.

При этом способе ношения пуç тутри и сурпан напоминают головной убор казахских женщин, описанный П. С. Палласом под названием «джаулык»: «Сперва кладут на голову аршина 3 длинного полотенца, около которого обвивают свои (заплетенные в косы) волосы. Концы полотенца, обернув под шею, завязывают на голове и так вся шея спереди оным, а сзади висящим концом плотно покрывается. Потом, взяв еще аршин пять длиной и на две ладони шириной сложенное борами такое же полотенце, обвивают верхушку головы так, что почти цилиндрическая чалма из того выходит»¹⁰.

У саратовских чуваш пуç тутри служил праздничным головным убором, а в будни женщины носили, по-видимому, один сурпан и масмак.

У чуваш Чувашской АССР, исключая вирьял, мы не видели ношение сурпана без дополнительного головного убора. Если не одевают пуç тутри или хушпу, то покрывают голову покупным платком или домотканой косынкой «чалма», бытовавшей в Мариинско-Посадском районе. Способ обертывания головы платком пуç тутри у некоторых групп чуваш напоминает описанный Н. И. Спрыгиной головной убор мордвы-мокши бывш. Спасского уезда Пензенской губернии. У мордвы-мокши женщины носят (район сел Анзево, Точевка, Промзино, Селище, Пидлясово) головной убор, состоящий из следующих частей: 1) «лосник», 2) «затилка» и 3) «пря-руця» или же «платенця».

⁸ В. К. Магницкий. Очерк юридического быта чуваш Ядринского, Козьмодемьянского и Чебоксарского уездов. «Казанские губернские ведомости», 1868, № 85.

⁹ Т. М. Акимова. Женские головные уборы саратовских чуваш, стр. 9.

¹⁰ П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства ч. I, стр. 573.

«Лосник» представляет собой холщовый чепец в виде мешочка размером 30×20 см. В части, приходящейся надо лбом, вставляется дощечка — «шавкя», размером 30×6 см. В задней части, по нижней краю, продевается шнурок, которым лосник укрепляется на голове.

«Затилка» — прямоугольник из кумача, украшенный вышитой бисером каймой. Четырьмя тесемками его укрепляют на затылке так, что он спускается на шею.

«Пря-руця» — единственная часть головного убора, имеющая мордовское, а не взятое с русского название (волосник и затылок, позатылень), — состоит из бумажного точива около 130 см длины с украшенными выкладкой концами, называемыми «пет». Пря-руця, что в переводе значит головное полотенце, повязывается поверх лосника и затилки, туго охватывая голову. Дощечка лосника образует при этом вместе с вышитыми концами пря-руця рога, торчащие по обеим сторонам головы.

Пуҫ тутри у чуваш анат енчи, как мы видели, своими концами образует такие же рога, только несколько меньших размеров.

Сурпаны такого типа, как у низовых (анатри) чуваш, очень приближаются к татарскому, кряшенскому и башкирскому головному полотенцу.

Тастар. К XX веку у татар-мусульман «тастар», по описанию Н. И. Воробьева, не сохранился, но он имеется у татар-кряшен и у мишарей. Это — длинное, от 2 до 2,5 метров, полотенце, с орнаментированными на 50—60 см с каждой стороны концами, украшенными полосой узорной ткани, вышивками шелком, кружевами или бахромой.

Тастар покрывает всю голову, плотно обертывая ее, причем один конец проходит вокруг лица под подбородком, после чего оба конца располагаются по спине так, что один длиннее, а другой короче. Они опускаются до талии, где прихватываются поясом. Тастар придерживается на голове «яулыком» — покупным платком, свернутым косынкой, концы которой завязываются на затылке, или домотканым полотенцем, напоминающим чувашское пуҫ тутри¹¹.

У башкир «тастар» называют обычно узкую полосу миткаля, в виде полотенца, с пришитыми на концах прошивками, но также называют и покупной ситцевый платок. Тастар в виде полотенца носился в северо-восточной Башкирии, главным образом, старухами. Им обматывали голову, пропуская под шею так, что один конец свешивался на грудь, а другой шел по спине. Тастар в виде покупного платка употреблялся в Центральной Башкирии. Поверх него

¹¹ Н. И. Воробьев. Материальная культура казанских татар, стр. 367.

старухи одевали шапки с меховой выпушкой («камсат», «кама бурк») ¹².

С. П. Толстов писал, что у сергачских татар-мишарей головной убор, называющийся тастар, состоит из двух частей: 1) ситцевого, обычно красного чехла, плотно закрывающего всю голову, кроме лица, «с полукруглой лопастью сзади, закрывающей половину спины, украшенной бисерной бахромой и аппликациями из пестрых кусочков материи,— эта часть называется «башкиец» или «экой»; 2) собственно «тастара» — длинного белого полотенца с красной каймой по краям ¹³. К сожалению, из-за краткости описания остается неясным, как надевается полотенце тастар и что же собственно называется «экой»: весь красный чехол или только задняя часть его — позатылень. Что собой вообще представляет этот чехол? Связан ли он с масмаком, покрывавшим всю голову и соединившимся с затылочным украшением, или относится к другому типу головных уборов, подобных «кыакса» оренбургских мешчеряков, описанному В. М. Черемшанским? ¹⁴

Головные полотенца чрезвычайно широко распространены по всей Восточной Европе, встречаясь под разными названиями.

В Поволжье, как мы видели, они называются «тастар», «сурпан», «сорпан», «шарпан» и «чалма».

У ижор Ленинградской области существовал головной убор замужних женщин, называемый «саппано». Это полотенце длиной в 1,58 метра, шириной около 40 см, верхний конец которого сложен вдвое по нитке утка и зашит, а нижний край сложен втрое по нитке основы на протяжении 0,49 метра и сметан. В лобную часть шит кусок синего узорного тканья, вышитого белыми и желтыми нитками. К нему пришиты завязки, при помощи которых саппано прикрепляется на голове. Нижний край саппано, украшенный шелковыми ленточками, узорной тесьмой, кружевом и бахромой, затыкается за пояс ¹⁵.

У украинцев головное полотенце носило название «намитка», «перемитка» и «серпанок». Д. К. Зеленин считает его древнейшим славянским женским головным убором и указывает на широкое распространение среди различных славянских народностей ¹⁶.

Столь же широко, как у славян, оно распространено и у неславянских народов Восточной Европы, относясь ко времени гораздо более

¹² С. И. Руденко. Башкиры, стр. 195.

¹³ С. П. Толстов. Нацмены ЦИО, стр. 24.

¹⁴ В. М. Черемшанский. Описание Оренбургской губернии, стр. 164.

¹⁵ Н. Ф. Прыткова. Одежда ижор и води, стр. 330—331.

¹⁶ Д. К. Зеленин. Женские головные уборы, стр. 318.

раннему, чем современные национально-племенные образования.

Д. К. Зеленин в работе по славянским головным уборам описывает разные способы закрывать голову головным полотенцем: 1) белорусская наметка Игуменского уезда Минской губернии висит одним концом назад ниже пояса, другой же, правый конец находится над правым плечом прикрывая шею сбоку, или же повязывается таким образом, что оба конца свешиваются своими вышивками в сложенном виде над лбом. 2) Украинская наметка северной части Волыни обрамляет лицо со всех сторон и проходит под подбородком¹⁷, как у чуваш и татар Поволжья.

Вместе с намитками, покрывающими всю голову, Д. К. Зеленин описывает и «склендячку» Городнянского уезда Черниговской губернии, которая не закрывает макушки головы и надевается всегда поверх другого головного убора — «очипка»¹⁸. Но эти головные полотенца — склендячки находят себе ближайшую аналогию не в сурпане, а в описанном выше одеваемом поверх сурпана коротком полотенце, который у чуваш называется *пуç тутри*.

Н. И. Лебедева в книге по народному быту верховьев Десны и Оки описала употребление в головном уборе русских женщин такого же короткого украшенного полотенца, которым обматывали и придерживали головной убор, — см. рис. 82а, стр. 94. (Рис. 75.)

Полотенчатое покрывало широко распространено также у южных славян: сербов, болгар, македонцев. Оно входило как составная часть в сложный головной убор с твердым остовом (см. ниже стр. 179 и след.) или носилось, у македонцев, в виде вышитого и отороченного по нижнему краю черной шерстяной бахромой холщового полотенца, носившего название «убрус», как назывались

Рис. 75. Русский полотенечный головной убор.

По книге Н. И. Лебедевой.

¹⁷ Д. К. Зеленин. Женские головные уборы восточных (русских) славян. «Slavia», 1926, № 2—3, стр. 317.

¹⁸ Там же, стр. 319.

Рис. 76. Македонский женский головной убор «сокай».

ГМЭ, колл. № 3382-1.
Фото А. А. Гречкина.

и старинные русские головные покрывала. В болгарской литературе сообщается, что македонские убрusy вышли из употребления в середине XIX в., но не дается точного описания того, как они носились. Имеющиеся фотографии убрusов чрезвычайно близки по орнаменту и характеру вышивки со старинными сурпанами чуваш анат енчи (см. цветное фото № 3). Наряду с длинными, около 2 метров, головными полотенцами-убрусами болгарские и македонские женщины носили другое головное покрывало — «сокай»¹⁹. Сокай представляет собой точку холста, сплошь покрытого вышивкой. В основном узор сделан крашеной мареной коричнево-красной шерстью, с черной окантовкой и добавкой отдельных мотивов, вышитых шерстью желтого и зеленого цвета. Верхние узлы точки сшиты так, что образуют треугольник. На нижнем конце точки нашиты шерстяная бахрома и блестки (см. рис. 76). Сшитый угол сокай одевается на голову ко лбу, а покрывало, закрывая голову полосой, спускается на спину, совсем так же, как марийский головной убор «шымакш» или «тюрик» (см. рис. 77), с которым сокай схож и по орнаментике. Тюрик напоминал башлык или остроконечный колпачок, сшитый из холста и сплошь зашитый вышивкой шерстью и шелками, оставляя лишь по середине узкую невышитую полоску. На нижнем конце тюрика пришивалась шерстяная бахрома, раковины-ужовки и металлические бляшки. Вся плоскость вышивки разбивалась как бы на три части:

верхняя часть узора была на самом колпачке, другой узор покрывал среднюю часть и третий располагался по части, свисающей на спину. Тюрик имел распространение среди марийцев во многих районах. Т. А. Крюкова считает его одним из древнейших типов марийских головных уборов²⁰. Стоит отметить чрезвычайное сходство между тюриком мари и сокаем македонских женщин в самом характере и расцветке орнамента.

¹⁹ С. Костов. Убрusy и сокаи. «Известия на Народния етнографски музей в София», 1921.

²⁰ Т. А. Крюкова. Марийская вышивка, стр. 47—48.

Другой тип покрывала, тоже имевший распространение среди многих народностей Восточной Европы, — это покрывало в виде треугольника, гипотенуза которого повязывается на лоб, и концы ее связываются сзади, на затылке.

Такую треугольную повязку, сшитую из холста, чувашки анат енчи одевали поверх сурпана, завязывая ее концы на затылке. Называлась эта повязка «чалма», как и поясное украшение в форме треугольника (см. выше стр. 109). На лобной части чалмы пришивалась красная ленточка или узкая вышивка. Задний угол оторочивался вышивкой или вязаным кружевом. Бытовала чалма у чувашек восточной подгруппы чувашки анат енчи²¹, примерно в этом же районе бытовало и поясное украшение с тем же названием.

Удмуртские женщины носили треугольную косынку из холста, обшитую кумачом, кусочками сукна и ситца, украшенную вышивкой и позументом, причем угол, покрывающий спину, обшивался бахромой. Называлась эта косынка «куиньсэрго»²² (см. рис. 78).

У бесермян подобная треугольная косынка одевалась поверх твердого головного убора замужних женщин, называемого «кашпал» (колл. Этнографического музея в Ленинграде, №1111-2,3). Косынка бесермян делалась из холста и так же, как чувашская, украшалась цветными лентами, вытканными красной бумагой, вышивкой красным и желтым шелком. Полотнища косынки скреплены по швам вязаной прошивкой из красной бумаги. Размер ее несколько больший, чем чувашской (гипотенуза 194 см, катеты 140 см).

Рис. 77. Марийский женский головной убор шымакш (тюрик).

По книге Т. А. Крюковой «Марийская вышивка», табл. XXIV.

²¹ Проф. Н. И. Воробьев, А. Н. Львова, Н. Р. Романов, А. Р. Сиимонова. Чувашки, стр. 305.

²² В. Н. Белицер. Народная одежда удмуртов, стр. 65.

Рис. 79. Женщина мари в головном уборе «сорока». Колл. ГМЭ.

Рис. 78. Удмуртский женский треугольный платок (куиньсэрго). (Шарканский район Удмуртской АССР). По В. Н. Белицер.

У марийцев также имеются треугольные косынки, одеваемые поверх головного убора²³. (См. рис. № 79.)

К этому же типу платков принадлежит старинный головной убор казанских татар — «орпэк», описанный Н. И. Воробьевым²⁴.

«Орпэк» представляет собой косынку, близкую к прямоугольному треугольнику, гипотенуза которого (2—2,5 м) выгнута. Поверхность по катетам расширяется цветными шелками и иногда окаймляется бахромой. Прямой угол треугольника приходится на спине женщины. Гипотенуза его одевается на голову у лба и закладывается по краю несколькими складками. Под среднюю часть ее для прочности делается подкладка из той же материи. К краю пришиваются завязки, которые крепятся на затылке.

Закрепив на лбу среднюю часть, края обертывают вокруг подбородка и один из них перекидывают на спину. Сверх орпэка одевает-

²³ Т. А. Крюкова. Марийская вышивка, стр. 53.

²⁴ Н. И. Воробьев. Казанские татары, стр. 272 и след.

ся шапка «камчат», но иногда лоб прикрывается особой налобной повязкой — «битлек». «В редких случаях битлек пришивался к орпэку наглухо и тогда налобная часть орпэка напоминала кряшенский убор сюреке, только мягкий»²⁵, — добавляет Н. И. Воробьев. Отмечаемая им связь с «сюреке» очень важна, с нашей точки зрения, и на ней мы еще остановимся в дальнейшем.

У мордвы-эрзи Кочкуровского района Мордовской АССР был головной убор замужних женщин, носивший название «косинка». Он приближается по форме к треугольнику с несколько закругленными углами. Оба катета треугольника украшены кружевами, а по одеваемой на лоб части положена полоса позумента и металлических блесток — «плескат». К краям гипотенузы пришиты завязки. Носился этот головной убор замужними женщинами прямо на волосах. Волосы заплетались в две косы и свертывались надо лбом. Прикрывая их, косинка возвышалась наподобие рогов. Косинка в этом районе пришла на смену высокому и твердому головному убору «панго»²⁶.

²⁵ Н. И. Воробьев. Казанские татары, стр. 273.

²⁶ Материалы автора по экспедиции, 1934 г.

ТВЕРДЫЕ И ПОЛУТВЕРДЫЕ ЖЕНСКИЕ ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ

В течение XIX и начала XX века общеобязательным женским головным убором служило матерчатое покрывало. Но носилось оно обычно в сочетании с твердым высоким головным убором. Иногда же покрывало совсем сливалось с твердым остовом, образуя единый шапкообразный головной убор. Наиболее распространенным материалом для твердого остова в последние десятилетия XIX и начале XX века был картон или твердо простеганный и проклеенный мукой холст. Ясно, что картон и холст не были старинным материалом, они пришли на смену кое-где еще сохранившемуся древнему материалу — лубу. Из луба делался остов старинного головного убора удмуртов «айшона» и старинного головного убора марийцев «шурка». Айшон удмуртов можно, видимо, считать одним из наиболее старинных женских головных уборов у народов Поволжья. Он выходит из употребления к половине XIX века. И. Н. Смирнов писал, что в 80-х годах айшон носился в Малмыжском и северной части Сарапульского уездов в форме высокого берестяного цилиндра, а в Елабужском и южной части Сарапульского уездов в форме берестяного конуса, в верхней части которого вставлялся острием другой маленький конус, который накрывался большим расшитым платком с бахромой. Надевался айшон, по описанию И. Н. Смирнова, на круг, свитый из полотенца, напоминающего чувашский сурпан, марийский шарпан¹. Концы этого полотенца спускаются по спине и прижимаются поясом. Наружная часть айшона обшивается материей и украшается монетами и раковинами-ужовками. Гр. Верещагин описывает айшон Сарапульского уезда как берестяную конусообразную шапку, на которую надевается такой же конусообразный колпак и спереди этот колпак украшается или вернее покрывается серебряными монетами от 10 руб. и более². Судя по опи-

¹ И. Н. Смирнов. Вотяки. Казань, 1890, стр. 100.

² Гр. Верещагин. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губ. СПб., 1889, стр. 48.

Рис. 80. «Айшон»—головной убор удмурток (Мамадышский уезд Казанской губ.). Слева — свадебный, справа — убор молодухи.

ГМЭ, колл. № 205-7.

санию, здесь верхний матерчатый покров был отделен от берестяной шапочки и одевался сверху. На весь убор в целом нашивался четырехугольный платок с бахромой — «сюлык». И. Н. Смирнов считает, что айшон напоминает марийский старинный убор «шурка». Айшон в Сарапульском уезде надевался на невесту, с соблюдением обрядового ритуала, во время свадьбы и носился женщиной первые три года после свадьбы. Волосы женщина в это время еще причесывала по-девичьи, в одну косу, но прикрывала сверху «чалмой» — холщовым полотенцем, аналогичным чувашскому сурпану. По прошествии трех лет молодая приглашала в баню пожилых женщин и просила переменить ей прическу, заплетая по-бабьи волосы на две

Рис. 81. «Шурка» — старинный женский головной убор мари.
ГМЭ, фото-колл. № 1086-22.

косы, завитые около ушей возвышениями, наподобие рогов. Сверху такой прически одевался уже не высокий головной убор, а треугольный платок «пель кышет».

Паллас так описывает удмуртский айшон: «Кусок бересты в пядень вышиною сгибают по мере головы в полуцилиндр. Назади мягким куском корки связываются, а внутри деревянную дужкой и поперечным деревцом укрепляются и совокупно держатся; на верхнем краю нашита другая — двойная, сзади к поперечнику деревцом укрепленная, четырехугольная, почти в пядень высокая березовая корка и так утверждена, что несколько вперед выдается и по обеим сторонам назад пригнута. Сию верхнюю корку прикрывают обыкновенно красным, а нижнюю иным сукном, а сверх того укладывали последнюю сплошь копейками и оловянными бляшками. Сей в две пядины вышины головной убор «айшун» пришитым назади ремнем на голове укрепляют и, несколько выдав его вперед, наподобие гренадерской шапки носят. Наибольшую важность придает сему головному их украшению в локоть величину четырехугольное сукно, которое по краям и по углам красными и синими кофейными нитками вышито, а в середине в четырехугольный узор украшено и вокруг в палец шириною полосками синими, красными и белыми шнурками обложено бывает»³. (См. рис. 80, стр. 181.)

В. Н. Белицер безусловно права, когда указывает на сходство айшона удмуртов с головным убором луговых мари, носящим название «шурка»⁴. (См. рис. 81.)

Шурка представляет собой высокий, сделанный из луба конус, зашитый материей, украшенной вышивкой, и покрытый ракови-

³ П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. III, СПб., 1788, стр. 31.

⁴ В. Н. Белицер. Народная одежда удмуртов, стр. 63—64.

нами-ужовками, монетами и жетонами. Он одевается на темя женщины так, что волосы ее надо лбом и на висках остаются открытыми. Сзади к головному убору прикреплена длинная полоса холста, опущенная на спине до пояса, покрытая монетами и раковинами, совершенно так же, как хвост хушпу у чуваш.

Матерчатый хвост головного убора является наконсником, заменившим футляры для кос, сделанные из луба, которые встречаются нам в археологических материалах района Поволжья, где они пользовались достаточно широким распространением. Материя заменила в этом случае луб, как материя же покрыла и лубяной остов головного убора.

Характерное отличие всех высоких и твердых женских головных уборов в том, что они не прячут волосы замужней женщины, приближаясь в этом к девичьим головным уборам.

Высокий твердый конусообразный женский головной убор встречался также у казахов и у казанских татар, как это описывают авторы XVIII и XIX столетий⁵.

И. Г. Георги о казанских татарах пишет, что они «покрывают голову шапкою, у которой бывают обыкновенно великие ушки, а верх чешуйчато услан монетами⁶. К. Фукс пишет, что казанские татарки носили конусообразные узкие шапки.

Г. Ф. Миллер приводит рисунок кунгурской татарки в шлемообразной чешуйчатой покрытой монетами шапке, с длинным и широким хвостом по спине, говоря, что шапка эта «сходствует с казанской татарской»⁷.

А. Левшин описывает в начале XIX в. следующий головной убор у казахов: «Головной убор замужней женщины состоит из высокой шапки, представляющей усеченный конус. Верхняя часть оной обертывается большим кисейным, шелковым или полотняным покрывалом, которого середина спускается клином на спину, а концы — на плечи; на лоб под покрывалом подвязывают накладку, обшитую мехом выдры и украшенную золотыми или серебряными бляшками, жемчугом, кораллами, а иногда и драгоценными камнями. Нитки с семи украшениями висят по щекам, плечам и груди до пояса, а иногда и до земли»⁸.

В коллекциях Государственного этнографического музея в

⁵ К. Ф. Фукс. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении. Казань, 1844.

⁶ И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов., ч. II, СПб., 1799, стр. 13.

⁷ Г. Ф. Миллер. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов. СПб., 1791, рис. № 6.

⁸ Алексей Левшин. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832, ч. III, стр. 46.

Рис. 82. «Панго» — женский головной убор мордвы-эрзи.

ГМЭ, колл. № 5582-33.

Ленинграде мы имеем высокий твердый, башнеобразный и покрытый парчой головной убор казахов, который описывается, как убор невесты.

Проф. Н. И. Воробьев считает подобный башнеобразный женский головной убор характерным для всех тюркоязычных народностей, не разделяя его на суживающуюся конусообразную или идущую цилиндрически, подобно митре, шапку, какую встречаем в женском головном уборе туркмен.

Но подобный твердый высокий головной убор, надеваемый на открытые волосы женщины, имеет более широкое распространение, чем только среди тюркоязычных народностей.

Мы рассмотрели подобный головной убор финно-угорских народов — удмуртов и мари. Можно ли считать его у них заимствованием от соседей тюрков? Думаем, что он гораздо более древнего происхождения, чем современные головные уборы тюркоязычных народов.

К этим же высоким головным уборам, сделанным

из бересты или луба, относится «панго» мордвы-эрзи, Кочкуровского района Мордовской АССР. В с. Напольной Тавле данного района в 1934 г. нам рассказывали, что еще лет 5 назад молодухи по праздникам одевали панго. Оно делалось из луба в форме усеченного конуса высотой 26—27 см и покрывалось красной шерстяной материей. Передняя, возвышенная над лбом часть — «панго коня» — украшалась рядами цветного бисера и двумя рядами медных цепочек.

Верхняя часть — «панго пря» — была покрыта только красной материей, а спускавшийся на шею позатылень украшался бисером и блестками. Волосы поднимались под панго, но спереди и около висков оставались видными. На уши одевались наушники — «поля пря» — пушки из гусиной гузки⁹. (См. рис. 82).

По словам показывавшей мне панго старухи Авдотьи Трифоновой, в старину верх панго был совсем прямой, потом же стали носить несколько нагибая его вперед. В будние дни панго уже давно не носили, а одевали покупной платок. Волосы при этом продолжали поднимать наверх, заплетая в две косы, скрученные на концах положенной от уха к уху дощечки. Они скреплялись холщовым волосником, образуя подобие рогатой кички, и сверху покрывались покупным платком.

В других селах этого района панго бросили носить уже давно. На волосы, причесанные так же, как в с. Напольной Тавле, и покрытые волосником, одевают головной убор «косинка», описанный нами выше (см. стр. 179).

В с. Сабаете, по рассказам, панго были не такой формы, как в Тавлах, а со срезанным конусом; нам не удалось найти ни одного экземпляра, их бросили носить в начале XX в. Сколько можно судить по рассказам, этот убор приближался к панго мордвы-мокши южной части бывш. Краснослободского и северо-западной части бывш. Наровчатского уездов, описанной Н. И. Спрыгиной во 2-м варианте костюма пензенской мордвы-мокши¹⁰.

Термин «панго», «панга» употребляется для очень разнящихся между собой типов женских головных уборов и встречается как у мокши, так и у эрзи, хотя П. Д. Степанов считает, что для саратовской мордвы название «панго» характерно для мокши¹¹.

К типу цилиндрических головных уборов относится и «златной», праздничный головной убор мордвы бив. Спасского уезда Пензенской губ., описанный Н. И. Спрыгиной¹².

Он имеет, как и сорока, твердое основание из проклеенного холста, заменившего луб, от которого сохранились только полоски, служащие каркасом. Основание это имеет форму цилиндра из полосы ткани шириной в 24 см и застегивается так, что образуется

⁹ Н. И. Спрыгина описывает такое же «панго» у мордвы-эрзи Саранского уезда (стр. 36 и табл. XIII). У мордвы-мокши Краснослободского уезда «пангой» назывался головной убор типа «сороки», описанного нами на стр. 193 и след.

¹⁰ Н. И. Спрыгина. Одежда мордвы-мокши, стр. 40.

¹¹ П. Д. Степанов. Головные уборы мордовских замужних женщин «Труды Нижне-Волжского обл. научного общества краеведения», вып. 35. Саратов, 1928.

¹² Н. И. Спрыгина. Одежда мордвы-мокши, стр. 33—34.

Рис. 83. Головной убор мордвы-мокши.
МАЭ, колл. № XII—57.

Характерная, сближающая с башнеобразными головными уборами черта златного в том, что сзади к нему прикрепляется хвост — «пулоньок», спускающийся вдоль спины и состоящий из двух скрепленных снизу раковин-ужовок — «кумрят» — и длинной кисти шелковых нитей малинового, желтого и зеленого цвета.

Башнеобразные уборы, как увидим ниже, часто имеют хвост—лопасть, укрепленную у пояса, которая восходит к накосникам, покрывавшим спущенные волосы.

В быв. Темниковском уезде у мордвы-мокши под тем же названием «златной», происходящим, по-видимому, от золотого шитья в налобной части убора, бытовал убор, приближающийся к сороке. Это — трапециевидный скошенный кверху холщовый мешок, опускающийся своей задней частью на шею позатыльником, как и сорока¹³ (см. ниже, стр. 191 и след.).

Аксель Гейкель привел в табл. XIX высокий цилиндрический головной убор мокшанки из с. Каргаши быв. Тамбовской губ. Точно такой же головной убор имеется в моршанской коллекции МАЭ (№ XII) и в коллекции ГМЭ.

Он представляет собой высокий, сделанный из картона цилиндр

на голове как бы цилиндрическая корона. Твердая холщовая основа обтянута сверху шелковой материей темно-красного цвета. К лобной части пришита парчовая, шитая золотом, полоса — покупной, монастырской работы, — «златной-коня». С изнанки златной подшит светлым ситцем. Задняя часть его сделана несколько выше передней, и к ней прикреплены 4 павлиньих пера, торчащих над передней частью. Под златной, прикрывая открытую макушку, одевался холщовый чепец-волосник с вставленной спереди для крепости дощечкой.

¹³ Н. И. Спрыгина. Одежда мордвы-мокши, стр. 34.

без дна, перед которого украшен горизонтально идущими полосами позументов и розеток, а задняя сторона прикрыта спускающимся на спину шелковым платком. Верх цилиндра под платком сшит крупными стежками; из-за сшитых краев цилиндр имеет сплюсненную с боков форму, а спереди кажется несколько расширяющимся вверх (см. рис. 83). В коллекции ГМЭ он помечен как свадебный головной убор мордвы-мокши. Этот мордовский головной убор чрезвычайно схож с головным убором болгарки XVII века, зарисованной английским путешественником Эдуардом Брауном (см. рис. 84). Другое описание старинного болгарского женского головного убора дано бельгийцем Ogier Ghiselin de Busbecg, направлявшимся в 1553 г. через Болгарию к турецкому султану Сулейману. Он пишет:

Рис. 84. Болгарка XVII в. По рисунку английского путешественника.

«Удивительное в их одежде—это башневидные шапки или чепцы, если можно так назвать, имеющие необычайную форму. Они сделаны из соломы, перетканной нитями и по фасону противоположны шляпам наших поселянок, которые расширяются книзу и суживаются пирамидой кверху. Тут (в Болгарии) шляпы уже внизу и искривляются вверх, возвышаясь на высоту девять пача (0,22 м) над головой. В направлении к небу они широки и открыты так, что совершенно негодны защищать от дождя и солнца, как это делают наши шляпы. От верху до низу они покрыты

мелкими монетами, разноцветными стеклышками и всем, что блестит»¹⁴.

В северо-западной Болгарии, в Ломской околии, подобный убор, сохранившийся в качестве свадебного еще в XX в., описан С. Л. Костовым. В селе Погорелец С. Л. Костов заснял старинную венчальную шапку, которая имела 20 см высоты, вверх 26 см в диаметре, внизу 17 см в диаметре. Она была горизонтально обшита золотыми и красными полосами материи, бисером, раковинами-ужовками и металлическими блестками. Сзади, как видно по фотографии, на спину свешивалось длинное покрывало, оканчивающееся бахромой. Называлась эта шапка «луб»¹⁵.

Рассматривая археологические материалы Причерноморья, на золотой пластинке из женского погребения кургана Карагадеуша, в низовьях Кубани, мы видим изображение женщины в высоком, остроконечном головном уборе, на который накинута сверху покрывало, украшенное золотыми бляшками. М. И. Ростовцев и П. К. Степанов считают этот убор культовым, принадлежащим скифской богине. Аналогичный остроконечный убор они восстанавливают по находкам Девеевского и Рыжановского курганов¹⁶. Г. И. Боровка, полемизируя с ними, считает, что в скифско-сарматской культуре было два женских головных убора: остроконечный и цилиндрический, калафообразный. Оба принадлежали изображениям той же богини. «Мы точно не знаем ее имени, она в разных местах носила разные названия, но сущность ее всегда одна — это Великая Богиня-мать, возглавлявшая не один древний пантеон», — писал Г. И. Боровка¹⁷. Он считал, что остроконечный твердый, сделанный из кожи или войлока головной убор характерен для хеттской культуры, и ее влиянием объясняются критские культовые статуэтки богинь в высоких остроконечных уборах. Для нас в данном случае неважно, откуда идет этот убор и как расшифровывают его происхождение археологи, так как интересен самый факт существования двух типов высокого головного убора в Причерноморьи в скифскую эпоху. Реконструкция этого убора, сделанная Г. И. Боровка, создает большое сходство формы с женским головным убором марийцев — шурка и удмуртов — айшон (см. рис. 85).

¹⁴ Цитируем по В. Шаренкову. Българска женска носия от XVII в. «Известия на Народния етнографски музей в София», 1927, т. I—IV, стр. 31.

¹⁵ С. Л. Костов. Белодрешковцы. «Известия на Народния етнографски музей в София», 1932, стр. 97.

¹⁶ М. И. Ростовцев и П. К. Степанов. Эллино-скифский головной убор. «Археологическая комиссия», вып. 63, 1917.

¹⁷ Г. И. Боровка. Женские головные уборы Чертомлыцкого кургана. «Известия ГАИМК», т. I, 1921.

Рис. 85. Головной убор сарматской царицы.
По книге П. К. Степанова «История русской одежды».

П. К. Степанов в истории русской одежды указывает на связь изображения на золотой пластинке Карагадеушского кургана с русским кокошником¹⁸. Но, несомненно, с гораздо большим основанием можно говорить о связи его с высоким остроконечным головным убором народов Поволжья, не только по форме, но и по традиции украшать такой головной убор металлическими бляшками и подвесками. Был ли сделан убор чертомлыцкой царицы и царицы из Карагадеушского кургана из кожи, трудно решать. Весьма вероятно, что в традиции степных скотоводческих культур его делали кожным. У племен, где культ великой богини земли связывался с куль-

¹⁸ П. К. Степанов. История русской одежды. Пг., 1915.

том растительности, ее убор делался из луба. Наряду с остроконечным убором, существовал и цилиндрический, даже несколько расширяющийся сверху головной убор. Б. А. Рыбаков в статье «Древние элементы в русском народном творчестве»¹⁹ приводит рисунок из Рязанской кормчей книги XVI в., изображающий женщину с птицами в руках. На ней высокий, несколько расширяющийся вверх головной убор. Б. А. Рыбаков считает, что это изображение великой богини — Берегини. Культ великой богини, матери всего живого, земли, как пишет Б. А. Рыбаков, поддерживая точку зрения, высказанную еще В. И. Городцовым, был очень широко распространен, следы его сохранились до XX века в образах народного искусства. «Русский Север сохранил не только древние былины о киевских богатырях, но и еще более древние языческие сюжеты в изобразительном искусстве»²⁰. В представлениях древних художников, установивших канон изображения великой богини, образ ее неизменно сливался с символами жизни и плодородия, например с деревом. Иногда фигура женщины заменяется деревом. Вместо богини-земли в вышивках изображается священное дерево и перед ним всадники или кони. Береза была священным деревом, и связанные с березой весенние игрища тоже относятся к культу великой Берегини-земли²¹. Если принять, что связанный с культом растительности образ женщины в севернорусской вышивке связан с древним культом великой богини, что элементы культа этой же богини прослеживаются на архаических формах глиняных игрушек, как писал Л. А. Динцес²², можно достаточно ясно объяснить памятью этого культа великой богини, изображавшейся всегда (вплоть до русских вышивок) в высоком башнеобразном головном уборе, те башнеобразные головные уборы, которые мы встречаем у болгарок (Дунай, по данным археологии, был одним из мест особого почитания великой богини) и у народов Поволжья.

Т. А. Крюкова в докладе, читанном в 1935 г. в Комиссии орнамента и одежды Русского географического общества, сообщала, что у марийцев береста была священным предметом и служила оберегом при обрядовых празднествах. Это связывается с культом растительности и, вероятно, с культом матери всех растений. Поэтому весьма вероятно, что лубяной остов высоких женских головных уборов служил не только для твердости, но имел и священное зна-

¹⁹ «Советская этнография», 1948.

²⁰ «История русского искусства», т. I, М., 1953. Б. А. Рыбаков. Искусство древних славян, стр. 54.

²¹ Там же, стр. 57—59.

²² Л. А. Динцес. Русская глиняная игрушка, М.—Л., 1936.

чение, связанное с культом великой богини. Мы не знаем, из чего сделан был ее головной убор. На изображениях, найденных археологами в захоронениях, и на этнографическом материале мы имеем две фактуры для высокого и твердого женского головного убора: 1) растительную: солома и луб—у болгарок, луб, береста—у мари и удмуртов; 2) кожаную на твердых женских головных уборах чуваш «хушпу», на туркменских высоких башнеобразных головных уборах.

На кожу непосредственно нашивались монеты и бисер. На лубяной убор их трудно прикрепить, и он обшивался сначала материей, к которой уже прикреплялись раковины-ужовки, бисер, монетки. Сверх этого плотно зашитого в материю лубяного остова накидывалось еще опускающееся на спину покрывало. Волосы оставались открытыми спереди. Следует отметить еще одну особенность высоких головных уборов, о которых упоминается в описаниях: это или свадебный убор, или убор молодой женщины, который она носит в первые годы замужества. Удмуртки носят айшон первые три года (см. стр. 181), у мордвы есть особая свадебная шапка (см. стр. 185—186), у болгарок «луб»—свадебный головной убор, у казахов высокая башнеобразная шапка тоже отмечена как свадебный наряд. Эта особенность высокого головного убора вызывает следующие мысли: 1) ритуальный свадебный головной убор является обычно более древним и связанным с кульгом, естественно, что тут сохраняются культовые пережитки, относящиеся к богине плодородия, жизни, материнства; 2) положение молодой женщины после брака и до рождения ребенка отличается некоторыми особенностями: она еще не вполне порвала со своим родом, не вполне потеряла свою свободу, именно в этот период она и носит высокий головной убор, сохранившийся от времен культа богини. Когда она окончательно входит в род мужа, теряя свою свободу, она закрывает волосы в знак подчинения чужому роду.

Другой тип головного убора, на который молодая мари́йская или удмуртская женщина сменяет башнеобразный с лубяным или деревянным остовом убор,—это головной убор, чрезвычайно распространенный среди многих народностей Восточной Европы, носящий название «сорока». Он состоит из твердого остова, сверху покрытого куском ткани. Сорока имеется у многих групп русского населения, у ряда народностей Поволжья, у тверских карел, у ленинградских ижор. Проследим ее варианты.

Мари́йские женщины носили головной убор, состоящий из широкой лубяной дощечки, обшитой вышитым шерстью холстом и прикрепленной к мягкой шапочке из холста, плотно облегающей и закрывающей волосы. На дощечку, прикрывая холщовую шапочку, одевался треугольный вышитый платок из холста, скрепляемый под

Рис. 86. «Сорока» — головной убор мари Оршанского района.

По книге Т. А. Крюковой «Марийская вышивка».

подбородком. Весь убор в целом носил название «сорока»²³ (см. рис. 86).

У русской мещеры бывш. Спасского уезда Пензенской губ. **сорокой** назывался не весь убор в целом, а, как сообщили нам во время полевых этнографических исследований в 1928 г. в селе Кириллове, выкроенная по твердому остову матерчатая часть головного убора. Остов — рогатая кичка, состояла из такой же, как у марийцев, мягкой, холщовой шапочки — волосника и передней твердой части, сделанной из лубяной обшитой холстом полоски и двух деревянных палочек, образующих над лбом высокие рога. На эту твердую часть одевался выкроенный по форме рогов чехол из красной материи, передняя часть которого была покрыта вышивкой, а сзади прикреплен бисерный позатылень. К рогам привязывались пучки красной шерсти — «махры». Сверху всего этого к рогам прикреплялся еще холщовый платок с красной шелковой бахромой и вышивкой шелками и шерстью, носивший название «ширинка». Перестали носить этот старинный головной убор в конце XIX в., и нам удалось восстановить его лишь по разрозненным частям.

На смену высокой рогатой кичке пришла в с. Кириллове более низкая кичка с твердым возвышением из проклеенного холста над лбом, свех которой надевалась сорока, выкроенная соответственно этому остову.

²³ Т. А. Крюкова. Материальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола, 1956, стр. 134—136. Е е ж е. Марийская вышивка, стр. 44—46, табл. XIV, XV.

Н. И. Лебедева, описывая одежду женщин в верховьях Десны и Оки, тоже отмечает, что сорока является частью кичкообразного женского головного убора, куском материи, которую выкраивают по форме твердого остова головного убора и надевают на остов. Она различает три группы сорок: а) с прямоугольным дном, б) с овальным и в) с дном и околышем, вырезанным по форме рогов на деревянном остове «кичке»²⁴.

Д. К. Зеленин считал сороку общерусским головным убором замужней женщины, указывая, что сорока развивалась из «наметки», т. е. головного полотенца. «То обстоятельство, что наметка сохранилась у великорусов и в более чистом виде, несколько такому предположению не мешает. Дифференциация со временем одного и того же убора в разных направлениях — явление нередкое»²⁵, — писал он.

С обычной тщательностью подбора материала, Д. К. Зеленин приводил различные формы сороки, показывающие ее развитие от куска материи с пришитыми к нему завязками, что представляла собой рязанская сорока, до сшитых почти в форме твердых шапочек сорок бывш. Дмитровского уезда Курской и бывш. Нижнедевицкого уезда Воронежской губ.²⁶. Вышедшая в том же году работа Н. И. Лебедевой давала еще более развернутый тип сороки для некоторых сел верховьев Десны и Оки, где она почти сближалась с мордовской «косинкой» Кочкуровского уезда Мордовской АССР, описанной выше, на стр. 179.

У мордвы Теньгушевского района Мордовской АССР в 1928 г. нам удалось наблюдать головной убор «сорока». Он состоял из холщового полотнища, перегнутая часть которого зашита, образуя как бы мешок. Углы этой части подогнуты и скошены. Эта часть образует перед головного убора. Под ней простеган плотный прямоугольник «лопатка», а сверху на полотнище нашиты ряды золотого позумента «мошара». По нижнему краю полотнища тоже идут два ряда позумента и между ними вышивка «сорокань-коня». С боков пришиты холщовые завязки «сорокань-пилеть».

Покрывая голову, то же полотнище холста в 70 см длины свешивалось на спину. На него нашиты: 1) прямоугольный слой шелковой материи со строчкой желтой шелковой ниткой, 2) прямоугольник (48×22 см) из белой бумажной материи, окаймленный шерстяной вышивкой с блестками и двумя рядами позумента. Вдоль всего полотнища пришивалась красная бахрома (см. рис. 87, стр. 194).

²⁴ Н. И. Лебедева. Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки. 1927, стр. 76.

²⁵ Д. К. Зеленин. Головные уборы восточных (русских) славян, стр. 330.

²⁶ Там же, стр. 330 и 334.

Рис. 87. Женщина в праздничном уборе «сорока» (с. Шокша Теньгушевского района Мордовской АССР.)
 Фото Н. И. Гаген-Торн, 1934 г.

Одевали этот убор замужние женщины так, что надо лбом возвышался прямоугольник из позумента, сложенные края его, охватывая голову, завязывались на затылке, а по спине спускалась длинная хвостовая часть.

У мордвы-эрзи быв. Темниковского уезда бытовал головной убор «сорока», представляющий более простой вариант вышеописанного убора. Это был кусок холста, в верхней части сшитого, как мешок. Боковые стороны его загибались назад и связывались тесемками над лопастью, спускающейся до пояса. Лобная часть украшалась мишурной тесьмой и блестками. Затылочная часть была украшена горизонтально расположенными лентами и блестками. Спускающееся на спину полотнище отделано каймой из шелковой вышивки, мишурной тесьмы, блесток, а также обшито красной шерстяной бахромой²⁷.

Описывая головные уборы саратовской мордвы, П. Д. Степанов сообщает, что термином «сорока» обозначается головной убор, обычно наряду с термином «панга», «шлыган», и «пряс патя», причем автор считает возможным, что это лишь пояснительный термин, данный собирателями²⁸. К сожалению, приводимый П. Д. Степановым материал неясен из-за применяемого им

типологического метода, классифицирующего вещи по формальным признакам.

Г. С. Маслова описала головной убор «сорокка», который носили тверские карелки. Она состоит из трех частей: 1) нижняя часть «самчури» или «веркож» — сборник из холста со вставленной в него дощечкой, которая поднимается надо лбом, 2) собственно «сорокка»,

²⁷ Н. И. Спрыгина. Одежда мордвы-мокши, стр. 38.

²⁸ П. Д. Степанов. Головные уборы мордовских замужних женщин в Саратовской губернии. Саратов, 1928.

очелье, передняя украшенная вышивкой часть убора, 3) «зательник-ка» — задняя часть, покрывающая темя и затылок²⁹.

У крещеных татар Закамья был распространен головной убор «сюреке», не только по названию, но и по форме сходный с сорокой. Он также состоит из трех частей, из которых две аналогичны карельской или марийской сороке: 1) холщовый чехол «меленсик», под который прятали волосы. К передней части его прикреплялась дощечка из луба или дерева, стоявшая вертикально поперек головы. 2) Полоса ткани, покрытая вышивкой или узором из шнуров, которую плотно прикрепляли завязками к дощечке меленсика. Верхний край этой полосы сшивался с куском ткани 80×20 см, который покрывал темя, затылок и, спускаясь на шею, оканчивался бахромой или вышивкой. Эта вторая часть называлась «сюреке», как и у других народов сорокой называлось одетое по форме твердого остова вышитое покрывало. В отличие от марийской сороки, у крещеных татар имелись и 3) наушники — чичеге — в виде двух кусков бересты, покрытых снаружи мелкими монетами³⁰.

Проследив головной убор носящий название «сорока», у разных народностей, мы находим подтверждение мнению Д. К. Зеленина, что «сорока» произошла из мягкого куска материи, покрытого вышивкой и надетого на твердый головной убор. Постепенно, все более и более скрепляясь с ним, она принимает почти форму шапки, приспособиваясь к форме каркаса, на который надевается. Уточняя дальнейшее положение Д. К. Зеленина, благодаря наиболее примитивному прототипу сороки, который мы встречаем в чувашской чалме, татарском эрпэке или косинке кочкуровской мордвы-эрзи, мы можем сказать, что произошла она не из полотенчатого убора типа намитки, а из треугольного покрывала, имеющего такое же широкое распространение у народов Восточной Европы, как и прямоугольная намитка. Связь треугольного покрывала казанских татар эрпэка с сорокой почувствовал и Н. И. Воробьев, указывая, что «в редких случаях битлек пришивался к эрпэку наглухо, и тогда налобная часть эрпэка напоминала кряшенский убор сюреке, только мягкий»³¹.

Д. К. Зеленин, считая сороку великорусским головным убором, связывал ее название с птицей сорокой. «Самое загадочное в сороке,— писал он,— это ее название, совпадающее с именем известной птицы». Он пытается объяснить названия затылочной части сороки, «хвост», и боков ее, «крылышек», связывая все с птичьим названием.

Но, как мы видели, этот головной убор имеет гораздо более ши-

²⁹ Г. С. Маслова. Народный орнамент верхневолжских карел. М., 1951, стр. 24.

³⁰ Н. И. Воробьев. Казанские татары, стр. 283—285.

³¹ Там же, стр. 273.

роекое распространение и не может быть отнесен только к южным русским: он бытовал у многих народностей, и нет основания считать его именно русским. Корень «сор», «сар», «сур», как мы уже говорили³² (см. стр. 116), встречается не только в названии головного убора — «сорпан», «шарпан», но и в названии вышитых кусков ткани, прикрепляемых к поясу, «саря́», и в одежде — «сорочка», «сарафан». Рассмотрение этого корня приводит нас к понятию покрыва, платка, покрывала, покрытого вышивками и служащего оберегом. Это делает нам понятным и название женского головного убора саратовской мордвы «шолыган», «шлыган», которое приводит П. Д. Степанов³³. «Г» заменило здесь «К», «Ш» заменило «С»: «шлык», «шлыкан», будет то же, что «слык» и «солыкан», увязывается, как и сорока, с корнем «сар», обозначающим покров. «Шлыган», очень напоминающий по форме сороку, является тем же убором, но с названием, произносимым в другой огласовке. Отсюда и русский старинный головной убор «шлык» и казахский «баш-шлык», т. е. «головной покров».

Название старинного марийского головного убора «шурка» несомненно восходит к этому же корню. Причем замена звука «С» звуком «Ш» в марийском языке происходит очень закономерно: вместо чувашского «сорпан» — у марийцев «шорпан», «сюльгам» — у марийцев «ширкама», «масмак» — у марийцев «машмак» и т. д.

Но несмотря на название, связывающее его с разобранный нами сорокой, сам головной убор шурка представляется нам гораздо более древним, чем сорока, утерявшим имя вместе с утерей значения, бывшего у высоких головных уборов на предыдущем этапе развития.

«Этнографические данные можно сравнить со снимком с нескольких совмещенных негативов или с кладом, в котором накоплены монеты разных эпох», как очень удачно выразился Б. А. Рыбаков³⁴. Часто они сохраняют бытующими в одной эпохе или наслаивающимися друг на друга явления, принадлежащие к совершенно различным этапам, предметы, созданные в разных социальных образованиях. Жизнь предмета и его название часто при этом расходятся, как отмечал Б. А. Куфтин³⁵.

Высокий головной убор марийцев, оставляющий открытыми на

³² Подробный лингвистический анализ корня «сор», «шор» и «сел», «шел» мы приводим в специальной статье «Обрядовые полотенца у народов Восточной Европы». Здесь же считаем необходимым лишь отметить широкое распространение этого корня и его употребление, как понятия, обозначающего покров.

³³ П. Д. Степанов. Головные уборы мордовских замужних женщин в Саратовской губернии.

³⁴ Б. А. Рыбаков. Древние элементы в русском народном творчестве «Советская этнография», 1948, № 1, стр. 91.

³⁵ Б. А. Куфтин. Материальная культура русской мещеры, стр. 103.

висках волосы замужней женщины, возник до закрепощения ее патриархальным родом. В первой главе II части мы привели достаточно, как нам кажется, убедительный материал, показывающий, что требование закрыть волосы замужней женщины выросло из стремления уберечь от ее магической силы чужой род, в который она вступает при патриархальном браке, а также как знак ее подчиненного положения в этом чужом роде. Покров, вышитый магическими знаками, должен в этом случае не столько охранить силу женщины, сколько хранить от этой женщины — чужеродки — род мужа. Требование закрывать волосы, чрезвычайно императивно проводимое на головных уборах русского населения, на головных уборах татар и чуваш, не выполняется на высоких головных уборах удмуртов, мари и мордвы, сохранивших наиболее древние формы, связанные с культом растительности по своей фактуре и сохраняющие прямое сходство со скифо-сарматским женским убором.

У удмуртов поверх головного убора айшона, оставляющего волосы открытыми, прикрепляется покрывало «сюлык», закрывающее плечи и спину. Высокий твердый головной убор, оставлявший волосы женщины открытыми, видимо, относится к пережиткам материнского рода. Стоит отметить, что в идеологии удмуртов и мари сильнее, чем у других народностей Поволжья, намечаются следы материнских родовых отношений.

Матерчатое покрывало на высоком головном уборе появилось позднее, как того требовала идеология патриархального общества, стремившаяся обезопасить род мужа от магических сил чужеродки и подчеркнуть порабощенное положение этой чужеродки*.

«Сюлык» удмурток делался из тяжелой парчовой ткани с растительным орнаментом и обшивался бахромой. Он употреблялся и в качестве покрывала на айшон, и в качестве свадебного покрывала невесты. «Термин «сюлык» («солык») — видоизмененный термин «яулык», которым казанские татары называли платок, надевавшийся непосредственно на волосы, в отличие от шали, покрывавшей головной убор или нижний платок. Употребление сюлыка в качестве покрывала на айшон сближает его с вышитыми казахскими покрывалами, которые носили с высоким головным убором — саукеле», —

* Греческие терракотовые головки в башнеобразных головных уборах, как и минойская статуэтка, описанные в работе Б. Л. Богаевского, относятся уже к эпохе разложения рода. Но для идеологии крито-микенской культуры Б. Л. Богаевский считал весьма характерными элементы матриархального периода: божества остаются главным образом женскими и основной культ — культ матери-земли (Б. Л. Богаевский, *Культура Востока. Крит и Микены*, Л., 1924, стр. 155). Башнеобразный головной убор на открытых волосах священного изображения женщины увязывался там с пережитками культов матриархальной эпохи.

писала В. Н. Белицер³⁶. Для нас неясно, можно ли сближать его с яульком, но несомненно, что его можно сблизить с марийским и чувашским вышитым свадебным платком «сулак»³⁷, а также, быть может, и с чувашским и марийским свадебным покрывалом невесты «пёркенчэк», «вургенчик».

Высокий башнеобразный головной убор в Поволжье дает ряд вариантов, сохраняется, как рудимент, в различных уборах. Словесный термин в головных уборах, как мы видели в одежде и украшениях, часто переносится с одного предмета на другой.

Шурка мари отражает целый ряд моментов в истории этой народности. Связанным с шуркой, но, пожалуй, сохранившим еще более архаические формы убором является, с нашей точки зрения, головной убор марийских замужних женщин «шымакш» или «тюрик». А. Маннинен выводил его из капюшона-накомарника, который он считает наиболее древним, свойственным в равной степени мужчинам и женщинам, головным убором, выросшим из чисто производственных потребностей — защитить затылок и шею человека от комара и гнуса. Такие накомарники до сих пор носятся зырянами-охотниками. Но связь с накомарником не дает никакого объяснения прикреплению холщового колпачка-тюрика на берестяной конус, покрывающий связанные в пучок волосы женщины, закрепленные на лбу или на темени. Остаются непонятными и причины, почему оставляют открытыми волосы на лбу и висках, так что тюрик, в сущности, не защищает голову. Остов тюрика — это небольшой берестяной конус, прикрепленный к волосам женщины так, что волосы на лбу и висках остаются открытыми. Волосы свертываются узлом почти на макушке и тут покрываются берестяным конусом, на который надето холщовое, почти сплошь покрытое вышивкой полотнище. Оно покрывает затылок женщины и спускается на спину. Берестяной конус по форме напоминает уменьшенный во много раз берестяной же башнеобразный головной убор, целиком скрывшийся под накинутым на него покрывалом. «Являясь одним из древнейших типов головных уборов — роговидных (терминология узора вышивки верхней части подчеркивает трактовку его как рога) — тюрик в прошлом имел большое распространение среди марийского населения», — писала Т. А. Крюкова³⁸. Характер вышивки шерстью на этом головном уборе, его расцветка, покрой и способ ношения поразительно схожи с македонским головным убором «сокаем». Такое близкое сходство не может быть случайным и указывает

³⁶ В. Н. Белицер. Народная одежда удмуртов, стр. 66.

³⁷ Т. А. Крюкова. Марийская вышивка, стр. 60—64, рис. таб. XXXIII, XXXIV.

³⁸ Т. А. Крюкова. Марийская вышивка, стр. 48.

на какую-то очень старую связь между этими головными уборами, связь, для расшифровки которой у нас пока не имеется данных³⁹.

Представляется довольно правдоподобным связать берестяную шапочку тюрика с такой же конусообразной маленькой шапочкой, носимой женщинами на темени, которая входит в сложный башкирский головной убор «кэлэпуш» под названием «тубэ»⁴⁰. По мере того, как исчезает из сознания первоначальное значение высокого лубяного женского головного убора, лубяной остов теряет всякое самостоятельное значение, прикрываясь матерчатыми головными покрывалами.

В сороке, как мы видим, лубяной остов сохранился в виде доски или рогов, расположенных на лбу и приподнимающих покрытый материей головной убор. Рога этого остова не связаны непосредственно с башнеобразным убором, имея другое, не менее древнее происхождение, но процесс потери остовом самостоятельного значения и укрытие его покрывалом из ткани одинаков. Претерпевая дальнейшие изменения, твердый остов постепенно теряет свои лубяные части, заменяя их проклееным до полной жесткости холстом. В сороке твердая налобная часть скрепляется с холщовой шапочкой, прячущей волосы и служащей самым нижним, исподним убором, на который одевают вышитое покрывало.

Мы рассмотрели высокие твердые женские головные уборы с лубяным остовом. Есть еще твердый головной убор, остовом которого служила кожа, на нее нашивались монеты и бисер. Это женский головной убор чувашек—«хушпу». Выше мы упоминали (стр. 163), что в старину хушпу был обязательным для каждой замужней женщины головным убором, без которого она не могла показаться на улицу. Об этом сообщают П. С. Паллас⁴¹ и все писавшие о чувашах авторы XVIII и XIX вв., называя его то «фушпу»⁴², то «кашпал»⁴³, то «хошна»⁴⁴, то «хушпу». Они дают весьма разноречивые сведения об

³⁹ Подробнее о «сокаях» см. нашу работу «Болгарская одежда (по коллекциям ленинградских музеев)», «Музейный сборник МАЭ», т. XVIII.

⁴⁰ С. И. Руденко. Башкиры, стр. 192.

⁴¹ П. С. Паллас. Путешествие..., ч. I, стр. 137.

⁴² К. Милькович. О чувашах. Этнографический очерк писателя конца XVIII века. «Северный Архив». СПб., 1827, №№ 9—11.

⁴³ Ив. Лепехин. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, СПб., 1771, стр. 159.

⁴⁴ М. Лаптев. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Казанская губерния. СПб., 1861.

этом уборе, то описывая его шлемом⁴⁵, то «колпаком» бестулейным⁴⁶, то в виде усеченного конуса⁴⁷.

Гравюра, приведенная у П. С. Палласа (см. выше, рис. 10), изображает чувашку в головном уборе в виде довольно высокого конуса, в отверстии которого хохлом торчит конец сурпана. Верхняя часть убора покрыта «корольками» — бисером, а нижняя — защита монетами.

Форма хушпу сильно варьирует по районам. Основные группы следующие: 1) невысокий кожаный цилиндр без дна, сплошь зашитый монетами, с несколькими рядами бисера у лба и по верхнему краю; 2) довольно высокий, до 20 см, полый кожаный конус, также зашитый монетами; 3) шлемообразная шапка, остов которой сделан из толстой простеганной материи, на которую нашиты монеты.

Знарок чувашского быта Г. И. Комиссаров отмечал, что существуют различные типы хушпу у чуваш анатри и анат енчи. По коллекциям Государственного этнографического музея в Ленинграде можно также отметить существование трех типов хушпу, к сожалению, без достаточно точного обозначения мест, откуда они приобретены.

К 1926—27 году, во время нашей этнографической экспедиции в Чувашской АССР, хушпу сохранилось только кое-где, причем, по рассказам, оно еще бытовало до 1920—21 гг., когда голодные годы в Поволжье заставили спороть с головных уборов серебро и реализовать его.

В Чебоксарском уезде в 1926—1928 гг. хушпу уже не встречалось. В Шибылгинской и Шихазанской волостях Цивильского уезда хушпу перестали носить в качестве свадебного головного убора в начале двадцатых годов, но оно еще сохранялось по сундукам.

Н. А. Резюков, участник нашей этнографической экспедиции, зарисовал в дер. Ближние Сормы Шибылгинской волости хушпу в виде невысокого цилиндра (см 25 высоты, 23 см в диаметре) с отверстием сверху. Цилиндр украшен пятью рядами бисера в верхней части и сплошь зашит рядами монет до нижнего края, причем книзу идут все более крупные монеты. Сзади к хушпу прикреплен сплошь зашитый монетами хвост — «хушпу хысё», который спускается по спине и прикрепляется к поясу. По бокам пришиты прямые полосы — наушники, также сплошь зашитые монетами. К сожалению, Н. А. Резюков не отметил, из чего сделан остов хушпу. В дер. Елмачи Ново-Мамейской волости Цивильского уезда

⁴⁵ А. Ф. Риттих. Материалы для этнографии России. XIV. Казанская губерния. Казань, 1870, ч. II.

⁴⁶ И. В. Лепехин. Дневные записки.

⁴⁷ Г. И. Комиссаров. Чуваши Казанского Заволжья. ИОАИЭ. т. XXVII, вып. 5, Казань, 1911.

нами заснято и описано такое же по форме хушпу, где бисер и монеты пришивались к куску кожи. Хушпу носилось поверх сурпана и пуç йёппи, а покрытый монетами хвост его, привязанный к поясу, прикрывался сверху вышитыми концами сурпана. Это хушпу первого типа по нашей классификации. (См. рис. 88.)

В Хормалинской волости Батыревского уезда нами зафиксировано хушпу второго типа. Оно имело форму усеченного конуса, 17 см высоты с узким (10 см в диаметре) отверстием вверху. На кожаный остов его сплошной чешуей нашиты монеты 15 и 20-копеечного достоинства вверху, 20-копеечного достоинства внизу. Хвост этого убора хушпу хысё сделан из кумачовой полосы 8 см ширины и около полуметра длины. По кумачовой ленте нашит бисерный узор и жестяные нухратки. Наушники в виде треугольников, пришитых основанием к головному убору, сплошь зашиты монетами. Они застегиваются под подбородком на пуговицу.

В Шемуршинском районе и в настоящее время можно изредка встретить употреблявшиеся на свадьбах хушпу третьего типа. Остов его состоит как бы из двух частей: холщовой полушаровидной шапочки, к верху которой пришита согнутая пополам, образуя узкий эллипс, полоса кожи. Верхние края эллипса почти соприкасаются, оставляя лишь узкую щель. Верхняя кожаная часть убора зашита бисером и имитацией монет — нухратками; нижняя, облегающая голову часть убора по холщовой основе зашита серебряными монетами от 20 до 50-копеечного достоинства. Над самым лбом идет сетка из красного бисера, по краю которой пришит ряд монеток. Треугольные холщовые наушники, зашитые сплошь монетами застегиваются под подбородком (см. рис. 89).

Видимо, этот тип хушпу был распространен широко среди низовых чувашек в самой Чувашской АССР и у чувашек Татарской АССР, куда в 1929 г. направлена была экспедиция ГАИМК. В районе р. Черемшан в селе Челно-Вершины сотрудница экспе-

Рис. 88. Чувашская женщина в хушпу I типа (дер. Яндашево Марпосадского района Чувашской АССР).
Фото А. Н. Львовой.

Рис. 89. Чувашская женщина в хушпу II типа (дер. Новая Шемурша Шемуршинского района Чувашской АССР). Фото Н. И. Гаген-Торн.

диции Е. Е. Карпова зарисовала хушпу той же формы, что и описанные нами в Шемуршинском районе.

Ив. Лепехин, проезжая в районе р. Черемшана в 60-х годах XVIII в., записал, что чувашки в этом районе носят «на голове колпак бестулейный, унизанный старинными серебряными копейками, от затылка которого пропускается лопасть, шириною с небольшим в четверть, а длиною до самых подколенок. Лопасть унизывается разноцветным бисером, ужовками и гремушками; весь сей убор называется кашпау»⁴⁸.

Татарки в этом же районе Черемшана носили, по его словам, тоже кашпау: «У иных кашпау сходитсяверху остроконечием, наподобие конуса, и верх конуса покрывается маленьким серебряным литым конусом. У других, напротив того, кашпау бывает без тульи, в таком случае верх головы повязывают платком. Около висков прикрепляется к кашпау подвязка, таким же образом унизанная, которая под шею застегивается пуговицею и называется кашпау сакал»⁴⁹. При этом Ив. Лепехин считает, что кашпау «не свойственен чувашкам, а заимствован от татар».

У саратовских чуваш, как можно судить по коллекциям Саратовского музея краеведения и по описанию Т. М. Акимовой, хушпу почти не имеют серебряных монет. Эти хушпу вряд ли могут быть отнесены к высоким и твердым головным уборам: они представляют собой шапочку из толстой домашней шерстяной ткани, на холщовой подкладке. «Форма ее — усеченный конус с открытым верхом и с лопастью в 3 вершка шириною, висящей сзади до пояса. Сверху этот головной убор сплошь зашивается цветным бисером, раковинами-ужовками, жетонами и оловянными мелкими монетками-тухлянками, довольно грубой работы с штампованным рисунком в виде сетки», — пишет Т. М. Акимова⁵⁰. Здесь уже нельзя говорить о конусе, так как мягкий низкий остов дает головному убору форму,

⁴⁸ Ив. Лепехин. Дневные записки, стр. 59.

⁴⁹ Там же, стр. 160.

⁵⁰ Т. М. Акимова. Женские головные уборы саратовских чуваш. «Труды Нижне-Волжского краевого музея», вып. I, Саратов, 1929, стр. 9.

почти облегающую голову. У саратовских чуваш с боков хушпу пришиваются наушники—«антърләх», которые застегиваются под подбородком. Вокруг наушников идут нити бус, бисера и медных бубенцов, спускающихся с головного убора на грудь и лежащих в виде ожерелья⁵¹. Хушпу саратовских чувашек больше всего приближается к головному убору замужних женщин башкир, описанному С. И. Руденко под аналогичным же названием «кашмау». Это кашмау—род чепца, сшитого из холста, покрытого красной материей и кораллами,—закрывало голову и затылок женщины, оставляя отверстие на темени. Вокруг отверстия нашивались два ряда серебряных монет. Ниже спускалась сетка из кораллов. На затылке кораллов нет, а на материи нашиваются крупные серебряные монеты или металлические узорчатые бляхи. На спину спускался хвост—«кашмау койрок»—из шерстяной ткани домашней работы. По краям его нашиты два ряда раковин-ужовок⁵². (См. рис. 90.)

Рис. 90. Башкирка в кашмау.
МАЗ, фото-колл. № 5472-65.

С. И. Руденко считает, что в старину кашмау носили с другим головным убором, прикрывающим отверстие на темени. Этот убор, по мнению С. И. Руденко, В. М. Черемшанский описывает под названием «кэлэпуш» или «таляпуш», как шлемообразную чешуйчатую шапку с длинным широким хвостом, сплошь унизанным серебряными монетами, а хвост—раковинами-ужовками и бисером⁵³. С. И. Руденко, описывая находившийся в коллекциях быв. Румянцевского музея под именем «тубэ» головной убор, считал его «шлемообразной шапкой» Черемшанского. Тубэ называлась собственно конусообразная шапочка, которая прикрывала теменное отверстие убора, весь же убор в целом назывался, по сведениям С. И. Руден-

⁵¹ Т. М. Акимов а. Женские головные уборы саратовских чуваш, стр. 10

⁵² С. И. Руденко. Башкиры, стр. 190.

⁵³ Там же, стр. 192.

ко, кэлэпуш. К сожалению, С. И. Руденко не сообщает, из какого материала была сделана тубэ, сплошь зашитая серебряными монетами и составлявшая часть открытого на темени головного убора, гоже зашитого монетами. Нам думается, что кожаная конусообразная верхушка на хушпу чуваш анатри (низовых) имеет тесную связь с тубэ, еще разделенную на башкирском головном уборе и вполне слившуюся с матерчатым бестулейным колпаком в хушпу, создавая впечатление шлемообразной шапки.

Связь башкирского кашмау и хушпу низовых чувашек достаточно заметна. Из описания Ив. Лепехина не ясно, носили ли татарки Черемшана тот же самый головной убор и был ли он у татарок вообще. Встает и другой вопрос: является ли хушпу у самих чуваш единым по происхождению головным убором?

Авторы монографии, посвященной изучению материальной культуры чувашского народа, описывают хушпу следующим образом: «Хушпу имело форму усеченного конуса разной высоты у различных групп чуваш (рис. 144—146). Остов хушпу изготовлялся из нескольких слоев стеганого грубого холста, иногда сшивался из толстой шерстяной тесьмы и даже делался вязаный из толстых конопляных или шерстяных ниток. В отдаленном прошлом, по преданиям, остов хушпу делали из кожи»⁵⁴. Описание хушпу здесь дано обобщенно, как чего-то единого, но на приведенных тут же рисунках ясно видны три формы хушпу. На рис. 144 и 145 один головной убор имеет форму цилиндра (верховых чувашек), другой — форму полусферическую с возвышением на темени (низовых чувашек), и лишь на рисунке 146 женщина группы анат енчи (средненизовых) одета в хушпу формы усеченного конуса, напоминающего хушпу на рисунке в книге Палласа.

Обобщенное описание хушпу, данное авторами, достаточно понятно, потому что на первый взгляд останавливает внимание то общее впечатление, которое производит головной убор. Он у всех чуваш называется хушпу, всюду представляет собой блестящую шапку из серебряных монет с застегнутыми под подбородком наушниками, с длинным хвостом на спине. Стальное кажется несущественными вариантами убора. Но мы склонны думать, что тут под одним именем спрятались разные по происхождению головные уборы и фактура их остова не случайна: вряд ли можно из холста или шерстяной тесьмы сделать твердый и довольно высокий конусообразный убор, какой изображен в монографии на рисунке 146 женщины анат енчи). Вряд ли также можно сделать из кожи полу-

⁵⁴ Н. И. Воробьев, А. Н. Львова, Н. Р. Романов и А. Р. Симонцова. Чувашки, стр. 309.

сферическую форму, которую имеет нижняя часть анатрийской хушпу. Думается, что форма и материал убора произошли из разных источников и относятся к разным головным уборам. Хушпу низовых чуваш, как и кашмау башкир,—сложный головной убор, состоящий из чепца, покрытого бисером и монетами, и конусообразной шапочки на темени. Хушпу чуваш анат енци, цилиндрической или конусообразной формы, с твердым кожаным остовом, относится к башнеобразным головным уборам того же типа, что и старинный головной убор болгарок и мордовский свадебный головной убор златной.

Хушпу цилиндрической и конической формы, приближающееся к высоким берестяным головным уборам, имеет от них два существенных отличия: 1) оно носится обязательно поверх сурпана; 2) оно делается из кожи, а не из бересты и очень часто сплошь покрывается серебряными монетами, чего мы не встречаем в айшоне, шурке и панго.

Нам представляется, что эти отличия указывают на позднейшее переосмысление и изменение, проделанное чувашским головным убором. Было бы странно ожидать, чтобы головной убор, прошедший через эпоху феодализма и сохранившийся сквозь разрушающее влияние капиталистических отношений, донес в чистом виде отражение мировоззрения доклассового общества.

По мере усложнения социальных взаимоотношений значение головного убора, как оберега, все больше и больше стирается. Он приобретает характер социально-классового символа, определяющего его обладателя. Покрытый монетами головной убор не мог появиться в обществе, не обладающем достаточным количеством денег, он должен был указывать на богатство носительницы и ее принадлежность к определенному классу. Таким образом, покрытые чешуей из серебра головные убory — несомненно гораздо более поздние, чем украшенные ушовками и бисером. У нас нет достоверных данных, чтобы определить, с чем связан кожаный материал их остова. Но присутствие кожи в украшениях Поволжья всегда в сопровождении монет дает некоторое основание считать и кожу более поздним явлением, принадлежащим уже к периоду широкого знакомства с металлом и, вероятно, к периоду оформившегося классового общества.

Одеваемый под хушпу и тесно с нею связанный сурпан как будто бы также говорит за то, что в дошедшей до нас форме высокий головной убор чувашки создан уже после развития патриархальной семьи, как и головные убory типа сороки, бытовавшие у многих народностей, еще до сложения этих народностей как устойчивого этнического целого.

ОРНАМЕНТИКА ОДЕЖДЫ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ

Изучение национального орнамента — это большая, очень сложная и мало разработанная область, в которой сталкиваются интересы художников, искусствоведов, археологов и этнографов. Оно имеет практическое значение, так как мотивы народных орнаментов широко используются в современном прикладном искусстве, и теоретическое значение — для исследования процессов творчества, создания национального стиля и отражения в нем социально-исторических условий.

При изучении орнамента, его композиции, мотивов и техники, орнамент следует рассматривать во всех проявлениях национального искусства, так как на разной фактуре — дереве, кости, ткани и камне — сказывается единство образов и стиля. Но подобное исследование является самостоятельной темой и не входит в задачу настоящей работы. Здесь же мы рассматриваем орнамент народов Поволжья лишь постольку, поскольку он связан с одеждой и составляет ее органическую часть, освещая процессы, происходившие в истории одежды.

При этом следует коснуться орнаментики одежды с трех сторон: 1) цветовая гамма орнаментики, 2) ее сюжеты и композиция, 3) техника выполнения.

1. Если о сюжетах и композиции орнамента и о значении его мотивов имеется значительная литература, то на цветовой гамме и ее смысловом значении почти не останавливалось внимание исследователей. А между тем, несомненно, подбор цветов в вышивке и узорном тканье не случаен, не вызван капризами эстетического вкуса и моды, а передает очень древние и устойчивые традиции, имевшие некогда смысловое значение.

Общеизвестны факты, что цвет одежды может иметь символическое значение: таков черный и белый цвет, как цвет траура. у разных народов; зеленый цвет у мусульман, как знак, обозначаю-

щий, что носитель побывал в Мекке или принадлежит роду Магомета, поэтому турки запрещали болгарам ношение одежды зеленого цвета, и на этой почве возникало немало преследований и столкновений. В Риме кардиналы носили красную одежду. В средневековой Европе ношение определенных цветов и сортов тканей являлось привилегией дворянства, остальные сословия не имели права их употреблять. Как пережиток отличия сословной одежды, на Украине сохранился обычай, что мелкая шляхта шила свитки другого цвета, чем соседние крестьяне. Однодворцы в России также носили одежду, отличавшуюся по цвету от крестьянской¹. В грузинской повести XI—XII веков так отражено символическое значение цветов: «Когда я ей предлагаю платье желтого цвета, она отвечает: такое платье подобает больным (психически), если предложу красное — это для женщины легкого поведения, синее — подобает при трауре, белое, говорит, платье для стариков, и двуцветное (пестрое) — для книжников»².

В 80-х гг. прошлого столетия в Воронежских филологических записках появилась интересная статья В. А. Шерцеля «О названиях цветов»³. В ней автор, давая многочисленный материал по названиям и восприятию цветов у различных народов, приводит любопытные факты не только о восприятии, но и о символическом значении различных цветов.

Его конечные выводы следующие: 1) ощущения цветов не совпадают с обозначением их в языке. 2) Примитивная терминология цветов распадается на две группы, из которых первая заключает в себе светлые цвета, а вторая — не светлые, распадающиеся, в свою очередь, на красный и черный. 3) Цвета начинают фиксироваться в языке в соответствии с их местом в лучах спектра, в зависимости от длины волн. Причем первым фиксируется красный цвет, за ним, по спектру, идут все, кончая синим и фиолетовым, восприятия которых крайне не эффективны. Но приводимые Шерцелем факты говорят больше, чем его выводы. Шерцель не сумел дать им объяснения, так как для этого надо было строить историю языка, как историю мышления и социальных отношений: его материалы дают возможность установить, что обозначение цвета является прежде эпитетом предмета, а потом уже переходит в абстрактный цвет. Эпитеты же предметов вырастают из круга знаний, социальной структуры и взаимоотношений в данном обществе.

¹ Корней Червяк. Одежда на Коростельщине, 1933.

² А. Хаханов. Значение цветов в древнегрузинской повести. «Этнографическое обозрение», 1901, № 2, стр. 167.

³ В. А. Шерцель. О названиях цветов. «Филологические записки», вып. № 2 и 3, Воронеж, 1884.

У разных народов терминология и шкала цветов очень различны. Так у скотоводческих народов Африки, в частности у кафров, имеющих точнейшие обозначения цветов для скота, нет отдельных слов для синего и зеленого цвета, хотя они умеют их различать.

Отсутствие различения в терминах для зеленого и синего цвета наблюдалось также и в некоторых тюркских языках.

Название и осмысление цветов зависит от форм общественного строя и производственных потребностей. Естественно, что значение и символика цветов меняются на различных этапах общественного развития. Иметь в виду символику цвета и его значение нам важно при изучении одежды, вышивки и осмысления их значения.

Употребление красной краски относится еще к палеолиту. В раскопках часто встречаются скелеты, верхняя часть которых густо засыпана красной охрой. Обермайер, говоря об окрашенных костяках, относит их к эпохе ориньяка⁴. Находки эти широко распространены как в Западной Европе, так и на Украине вплоть до Черного моря, причем окрашены бывают не только скелеты, но и рядом лежащие украшения. Ю. А. Кулаковский на XI съезде археологов, делая доклад о находках окрашенных костяков, выдвинул гипотезу о том, что это окрашивание имело магический, религиозный характер⁵.

С употреблением красного цвета мы встречаемся и в этнографическом материале. У очень многих племен окрашивали свое тело при ритуальных танцах, при посвящениях, в начале военных действий. У кафров, например, перед тем как выступить в поход, шаман рисует, с соблюдением известных обрядов, у воинов на лбу фигуру креста, а на щеках — полосы черной краской. Кафры веруют, что после этого они становятся невидимы врагам, а враги — слепнут, на них нападает страх⁶. Некоторые кафрские племена в военное время натирают тело красной глиной и проводят по лицу красные и белые полосы⁷.

Иногда цвет служил групповым или племенным определителем. У русских во многих районах бывш. Тамбовской и Пензенской губерний по цветам вышивки или по расположению цвегов в украшениях женской одежды различались отдельные группы селений. У чуваш группу вирьял зовут «черноногие», потому что они всегда носили черные нучи. Распределение цвета в одежде, как и способ ее ношения, указывают на социальные корни ее происхождения.

⁴ Обермайер. Доисторический человек. СПб., 1913, стр. 344.

⁵ Ю. А. Кулаковский. К вопросу об окрашенных костяках. «Труды XI съезда археологов», М., 1901, т. I, стр. 190—196.

⁶ Н. Н. Харузин. Этнография, т. II. Верования, стр. 83.

⁷ Шерцель. О названиях цветов. «Филологические записки», вып. 3, стр. 65.

Чем сильнее общественная дифференциация и разделение труда, тем резче обозначаются классовые различия не только в цветах, но и в покрое одежды.

У многих народов различные цвета употребляются как символы, имеющие совершенно определенное значение в идеографическом письме. Так цвета раковин у вампу, американских индейцев, имеют разработанную систему: белый цвет вещал расположение, дружб красный — изображал войну, темно-желтый — что-нибудь сомнительное, жестокое, темные и фиолетовые раковины предостерегали от опасности⁸. Цвета фигурировали как классовые и племенные символы, отличительные признаки, которыми человек отмечает себя и свои функции в обществе.

Так, в Риме и Византии императоры носили пурпур. Красный цвет фигурировал в Риме во время шествия триумфатора, изображающего собой Юпитера. Лицо триумфатора красилось красной краской, а позднее натуралось благовониями, смешанными с этой краской. В Китае «сын неба» (то есть император) и его вассалы носили красные передники: «красный цвет есть совершенный цвет»⁹.

Красные нити, привязывались у русских к кистям рук, как средство против болезней: красные шерстинки, по поверьям русских крестьян, помогают от ревматизма, красное сукно — от рожи. Красный цвет фигурирует в свадебных обрядах. Так в Тибете на свадьбе красные шелковые нити служат магическим средством для связывания душ молодых¹⁰.

В Индии невесте привязывают на шею свадебный шнурок из красной шерсти. В Эстляндии матери кладут в люльки детей красные нити, как оберег. То же явление встречается и на Кашгаре¹¹.

В народной медицине и колдовстве у болгар особое значение придается красной нити. Так около Татар-Варджика к числу обрядов, совершаемых беременными женщинами в «бабий день» (8 января), принадлежит принятие от бабки красной шерстяной нити, которая способствует скорейшему разрешению от бремени. У мазуров и чехов красную ленточку одевают как оберег на шею новорожденного младенца¹². Нити красной шерсти фигурировали в очистительных обрядах евреев; египетские жрецы носили на голове пурпуровые нити¹³.

⁸ Шерцель. О названиях цветов, вып. 3, стр. 60.

⁹ Там же, стр. 62.

¹⁰ С. Ф. Ольденбург. Критика и библиография о Тибете. ЖМНП, 1907.

¹¹ Шерцель. О названиях цветов, вып. 3, стр. 63.

¹² А. Фаминицын. Древние арийские и семитические элементы в обычаях и т. д. славян. «Этнографическое обозрение», 1895, № 3, стр. 17—18.

¹³ Там же.

Можно привести большое количество примеров, говорящих о восприятии красного цвета как оберега у различных народов, стоящих на различных этапах общественного развития. В соответствии с тем, на каком этапе находится этот народ, восприятие красного цвета становится то священным, божественным, то символом и признаком власти, как одежда римского и китайского императоров. В более древнем осмыслении его, окрашивание в красный цвет воспринималось как охрана от нечистой силы, магическое действие, которым человек охраняет как самого себя, так и окружающие предметы. Д. К. Зеленин объясняет значение красного цвета, как оберега, тем, что красный цвет символизирует огонь¹⁴.

Ева Вундерлих написала книгу, посвященную значению красного цвета у греков и римлян. Она утверждала, что красный цвет служил там символом огня, крови и солнца, и приводила большой сравнительный материал о символическом значении красного цвета у различных народов.¹⁵ Это значение меняется на различных этапах общественного развития. Употребление красного цвета в вышивке и орнаментации одежды тоже, несомненно, имело смысловое значение и когда-то служило оберегом. Это значение давно забыто населением, но традиция вышивки с преобладанием красного цвета очень устойчива для многих народов Восточной Европы. Так в русской вышивке преобладающим является красный узор на белом холсте, иногда с окантовкой и добавлением черного цвета. У народов Поволжья красный цвет тоже играет очень значительную роль в цветовой гамме. В старой чувашской рубашке очень характерно покрывание продольных швов полосками материи красного цвета и заполнение красным цветом основных плоскостей вышитого узора. Черный цвет служил для обрисовки контуров, а зеленый и желтый входили, как незначительное дополнение, в детали узора. У марийцев в старинной вышивке употреблялись 5 цветов: 1) красный, разной тональности, для заполнения основного узора, 2) черный или 3) темно-синий для контуров, 4) темно-зеленый и 5) желтый для расцветки узора.

«Традиционная четырехцветность старой марийской вышивки находит подтверждение и в терминологии. В Тоншаевском районе, Горьковской области (деревня Большая Куверба) нами были записаны обозначения на марийском языке для 5 цветов: «йошкарге» — красный, «түкӧ» — желтый, «шимы» — черный, «ошы» — белый,

¹⁴ Д. К. Зеленин. Магическая функция примитивных орудий. Изд-во АН СССР, 1931.

¹⁵ Eva Wunderlich. Die Bedeutung den roten Farbe. Berlin, 1925.

«ыжаргы» — зеленый. Для обозначения других цветов в этом районе употребляют русские слова», — писала Т. А. Крюкова¹⁶.

В мордовской вышивке употреблялась та же цветовая гамма, с преобладанием красного и черного цвета, причем в некоторых районах темно-синий цвет служил дополнением черного, выполняя функции контура в узорах. Зеленый и желтый употреблялись в деталях оформления узора. У удмуртов, при значительном употреблении красного цвета, который служил основным фоном всех узоров и использовался для каймы на одежде, большое место занимали зеленые и желтые цвета; удмуртская вышивка, в особенности в южных районах Удмуртии, гораздо пестрее и ярче, чем марийская и чувашская. Полихромность ее становится особенно употребительной по мере распространения покупных анилиновых красок, которые появились в удмуртском быту с конца XIX века¹⁷. Несомненно, на создание цветовой гаммы вышивки, помимо смыслового, сейчас, возможно, уже совсем утерянного значения цветов, влияло наличие определенных растительных красителей и знакомство с ними: сама символика выростала из употребления наличных красителей. Анилиновые краски появились в употреблении у народов Поволжья со второй половины XIX в., до этого употреблялись органические, растительные красители, в основном добывавшиеся самим населением, а не покупные. Вышивка одежды делалась шерстью и шелком-сырцом, причем черный контур всегда создавался шерстяной черной ниткой. Для окрашивания шерсти в черный цвет употребляли окись железа из болотной руды и ольховую кору.

В красный цвет одинаково хорошо окрашивали шерсть и шелк-сырец корни марены или подмаренника (*rubia tinctorum*).уществовало много приемов использования этого красителя; в зависимости от употребления тех или иных приемов получались различные оттенки окрашенных мареной нитей, от светлого, почти алого в шелке, до коричнево-буро-красного, который в шерстяных нитях был наиболее употребительным в марийской и мордовской вышивке. Крашение нитей шерсти и шелка корнем подмаренника имеет широкое распространение не только в Поволжье: на Кавказе используют и дикорастущие растения, и специально разводят марену для окрашивания ею шерстяной пряжи. В вышивках у южных славян и у гуцулов также широко употреблялись нити, окрашенные корнями марены, их легко узнать по специфическому глубокому буровато-красному тону шерстяной нити. Для окраски в желтый и зеленый цвет служили очень многие растения: благун, зеленица,

¹⁶ Т. А. Крюкова. Марийская вышивка, стр. 69.

¹⁷ В. Н. Беллицер. Народная одежда удмуртов, стр. 109.

душица, цветы купавки, луковые перья, ольховая и яблоневая кора, березовые листья. Красители эти имели широкое распространение, ими пользовались независимо от национальности и национальной традиции,— сама жизнь толкала к освоению и использованию окружающих растений. При этом рецепты их использования отличались чрезвычайным разнообразием: в одном Сернурском районе Марийской республики Т. А. Крюкова записала свыше 15 рецептов крашения различными растительными красителями. Запись рецептов и сбор коллекции народных красителей, несомненно, представляют интерес и, быть может, многие могут быть использованы в современной химической промышленности: растительные красители дают краски и большой прочности и прекрасного тона, к ним стоит вернуться для художественной вышивки. Но подробное описание приемов окрашивания не представляет интереса для нашей темы, так как в них нельзя проследить устойчивой культурной традиции, которая могла бы дать материал к этногенезу: использование тех или других красителей зависело во многом от ботанико-географических возможностей района, а разнообразие многочисленных рецептов не позволяет установить устойчивую традиционность в этой отрасли народных знаний.

Для анализа значения цветовой гаммы в орнаментике одежды важна не техника окрашивания, а попытка поставить вопрос о смысловом значении цветов в сознании населения, о развитии цветовой гаммы и ее различиях у разных народов. На материале народов Поволжья мы можем отметить, что наиболее древней традицией является сочетание красного цвета, как основного, и черного или темно-синего, как окаймляющего контуры. Полихромность вышивки приходит как позднейшее явление. Она характерна для вышивки казанских татар, резко отличающейся от вышивки других народностей Поволжья не только по цветовой гамме, но и по характеру узоров, технике их выполнения и локализации вышивок. Если в покрое женского кульмэка казанских татар и в их женских головных уборах мы можем достаточно ясно установить общие истоки с одеждой других поволжских народностей и проследить путь дальнейшей эволюции этих частей одежды у казанских татар и башкир, то в орнаментации одежды казанских татар почти не находится архаичных черт, которые бы связали ее с орнаментикой остальных народов Поволжья.

Приведенные примеры не разрешают, а лишь ставят вопрос о смысловом значении цветовой гаммы, который до сих пор почти не привлекал внимания исследователей.

2. Значительно лучше разработан вопрос осмысления сюжетов орнаментальных мотивов.

Начиная с работ В. В. Стасова¹⁸ и В. А. Городцова¹⁹, появляются исследования, рассматривающие смысловое значение орнаментальных мотивов и их локализацию в определенных местах одежды. Л. А. Динцес сделал многое в этом отношении.²⁰ Работы эти, не относящиеся непосредственно к орнаментике одежды народов Поволжья, рассматривая смысловое значение узора, вскрывали утерянный смысл расположения вышивки, ее место в идеологии творцов на том этапе, когда она создавалась. Так, работа Н. П. Гринковой на тему «Отражение производственной деятельности руки»²¹ создана главным образом на русском материале, но она в такой же мере может пояснить и расположение орнамента у народов Поволжья. Т. А. Крюкова на большом материале марийской вышивки убедительно показала, что у марийцев также вышивка располагается, оттеняя наиболее важные части человеческого тела: руки, грудь, сердце,—идет по лопаткам. Вышивка отражает возрастные и половые отличия и часто подчеркивает их²².

Нагрудная вышивка женских рубашек сохранила у марийцев название «чызе орол» в буквальном переводе «сторож груди». Локализуясь на месте женских груди, она достигает богатой разработки и явно предназначена охранить материнскую грудь. Девичья рубашка лишена этой вышивки. «Путем расспросов в ряде пунктов Моркинского района установлены ясные признаки половозрастных отличий в вышивке женских рубах. Например, на детских рубахах этого времени нагрудная вышивка отсутствовала, у подростков, лет 13—14, иногда по обеим сторонам разреза на груди были расположены небольшие кружочки, квадратики или крестики; в девичьей рубахе их заменяли небольшие острые уголки»²³. Такие различия в нагрудной вышивке женских и девичьих рубашек отмечены и у удмуртов²⁴, и у чуваш²⁵. У чуваш группы анат енци, сохранивших наиболее старинные формы одежды и вышивки, женская рубашка имела по сторонам грудного разреза две крупные розетки, носившие название «кёскё». Узоры кёскё до чрез-

¹⁸ В. В. Стасов. Русский народный орнамент. СПб., 1872.

¹⁹ В. А. Городцов. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. «Труды Государственного исторического музея», вып. 1, М., 1926.

²⁰ Л. А. Динцес. Русская глиняная игрушка. М.-Л., 1936. Его же. Историческая общность русского и украинского народного искусства. «Советская этнография», 1941, № V.

²¹ Н. П. Гринкова. Отражение производственной деятельности руки. «Советская этнография», 1935, № 1.

²² Т. А. Крюкова. Марийская вышивка, стр. 21.

²³ Там же, стр. 21—22.

²⁴ В. Н. Белицер. Народная одежда удмуртов, стр. 37.

²⁵ Н. И. Воробьев, А. Н. Львова, Н. Р. Романов, А. Р. Симонова. Чуваша, стр. 270.

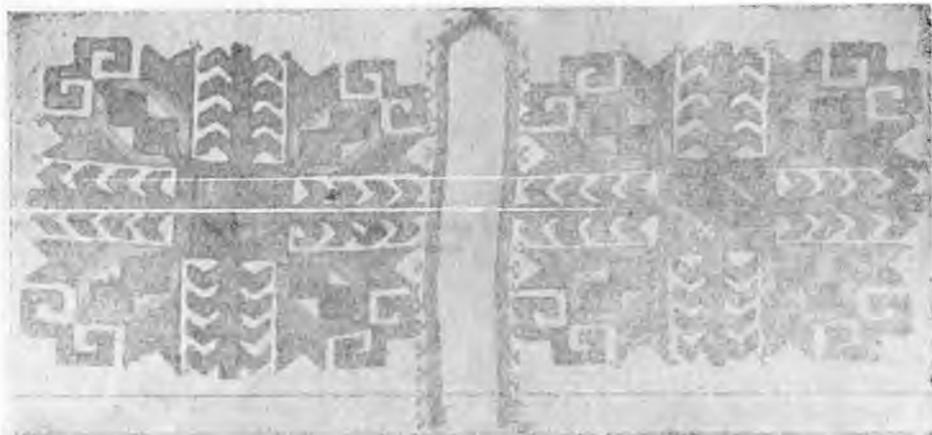

Рис. 91. «Кёскё» («сыпмала») — нагрудная вышивка чувашской женской рубашки. ГМЭ, coll. № 177-120.

вычайности разнообразны: почти нельзя встретить одинаковые кёскё, каждая вышивальщица вносила свои вариации в разработку узора, но основной принцип кёскё очень четко выражен и неизменен: это восьмиконечник, где от центра идут как бы два наложенные друг на друга креста лучей. Иногда они очерчены в замкнутый восьмиугольник. Иногда лишены контура и лучи свободно располагаются по ткани. Один крест из четырех лучей обычно более удлинен, имеет 4 прямых стержня и уходящие от них стилизованные растительные побеги. Перекрещивающие его четыре фигуры орнамента обычно несколько короче. В некоторых можно заметить сильно стилизованное изображение животных или птиц²⁶, в других же узор совершенно геометричен. На чувашских рубашках XIX века по сторонам грудного разреза располагался медальон, исполненный шелком-сырцом с добавлением шерстяных нитей по контурам, — кёскё (см. рис. 91). Но эти два кёскё по бокам разреза не были исконной и необходимой нагрудной вышивкой чувашской рубашки: на рубашках конца XVIII в. из с. Орауши, где в XIX в. бытовали по два кёскё, мы встречаем сплошную нагрудную вышивку из четырех кёскё, заключенных в ромбы из шелковых ленточек (см. рис. № 12). На рисунке из книги П. С. Палласа мы видим те же ленточки,

²⁶ Очень яркий пример этого изображения птиц в узоре кёскё приведен в рис. 3 в книге художника Д. И. Архангельского. Чувашские узоры. Ульяновск, 1925.

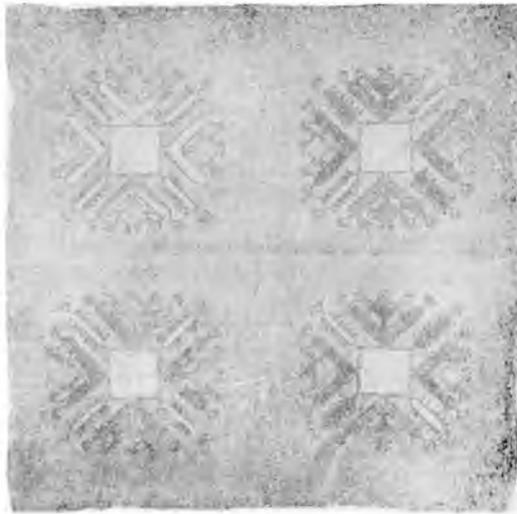

Рис. 92. Вышитые концы башкирского полотенца «тастар баш» (дер. Юмаланово Катайской волости Челябинского уезда Оренбургской губернии).
ГМЭ, coll. № 2881-371.

но нет орнамента восьмигранников. Восьмигранный орнамент, несомненно, имеет в Поволжье очень древнюю традицию и встречается на различных частях одежды не только у чуваш, но также у мари и удмуртов. Восьмигранные медальоны-роzetки располагаются на свадебных платках *сулак* у чуваш и мари, на свадебных покрывалах невесты и на поясных украшениях чуваш *саря*. У мари крупные восьмигранные розетки, располагавшиеся на месте соединения рукава с основным полотнищем²⁷, совершенно напоминали чувашские *кёскё*. Маленькие восьмигранники вышивались на лопатках марийских рубашек и у грудного разреза — на старых удмуртских рубашках.

У башкир этот орнамент, чрезвычайно близкий к чувашским «кёскё», встречается на вышитых концах полотенца. Такие заготовки полотенца имеются в коллекции ГМЭ № 2881-371, они близки к чувашским и марийским не только по орнаментальным мотивам, но и по технике выполнения (рис. 92). Орнамент из восьмигранных розеток с изогнутыми лучами-лепестками чрезвычайно широко распространен и встречается у многих народов. Иногда в нем можно про-

²⁷ Т. А. Крюкова. Марийская вышивка, рис. № 13, Елабужский район

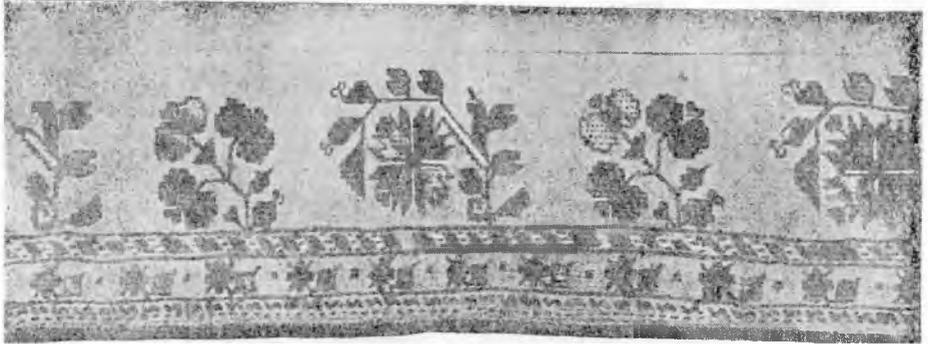

Рис. 93 Вышивка подола болгарской женской рубашки.
МАЭ, coll. № 372-40.

следить стилизованные фигуры птиц и деревьев, в других случаях он обладает чисто геометрическими элементами. Е. Р. Шнейдер на материале казахской орнаментики, приводя очень широкий сравнительный материал, доказывал, что в основе его лежат стилизованные и схематизированные до полной условности фигуры двух птиц по сторонам древа жизни. «Изображения этого символа, насчитывающие не одну тысячу лет, настолько разнообразны и дали так много вариаций, что нужна отдельная большая, кропотливая работа, основанная на строгом стилистическом анализе, чтобы выяснить взаимоотношения этих мотивов в древности и в настоящее время у разных народов, самостоятельность их появления или, наоборот, их заимствования, наконец, путем миграции»²⁸, — писал он. Такая работа не была проделана, но в литературе имеется достаточно много данных о широком распространении мотива дерева, по сторонам которого парно расположены фигуры животных, птиц или коней с всадниками. Встречаются эти мотивы стилизованных животных по сторонам древа и в орнаменте народов Поволжья. Однако интересно не только установить их существование, но и локализовать, как получилась четырехсторонность такого изображения и имеет ли она какое-нибудь специальное значение?

Всматриваясь в последовательное изменение материала вышивки, мы можем отметить, что на место идущих сплошной продольной полосой, ритмически повторяющихся мотивов, расположенных вдоль

²⁸ Е. Р. Шнейдер. Казахская орнаментика. «Казахи. Антропологические очерки. Материал особого комитета по исследованию союзных и автономных республик». Л., 1927, стр. 155.

рукава на марийских, удмуртских, чувашских и мордовских рубашках, приходит композиционная перестройка ее в орнамент, расположенный у предплечья и по низу рукава. При такой перестройке вышивка из продольно повторяющихся мотивов превращается в медальон, разносторонне направленный. Быть может, восьмигранник создан именно как сгусток таких ритмичных повторов? У нас нет достаточно четких материалов, чтобы установить этот процесс, но есть необходимость поставить вопрос о таком изучении, так как для народов Поволжья элемент восьмигранника в вышивке связан с какими-то очень древними культурными взаимоотношениями. Другой стилистический прием, характерный для вышивки народов Поволжья это окантовка полосы орнамента отходящими от черного контура, ее завершающего, ритмически повторяющимися черными тонкими завитками-усиками. Они зна-

Рис. 94. Вышивка подола чувашской женской рубашки.
ГМЭ, coll. № 5504-234.

Рис. 95. Наплечная вышивка болгарской женской рубашки.
МАЗ, coll. № 372-40.

чительно облегчают сплошное поле вышивки, образуя ее неповторимое своеобразие. Стоит отметить, что наиболее ярко выражены эти черты в чувашском и марийском орнаменте. В удмуртском и бесермянском

полихромность как бы стирает их, затушевывая пестротой красок, а в мордовском орнаменте тяжелое, выполненное ковровой техникой поле сплошной вышивки давит на легкую рябь тонких черных контуров, окаймляющих узор. Татарская вышивка, как и башкирская, построена на иных композиционных приемах и на иной технике, с преобладанием тамбурного шва, который не встречается в вышивке других народов Поволжья. Стоит отметить также, что мотивы чувашской и отчасти марийской вышивки и те же стилистические и технические приемы, после большого территориального разрыва, мы снова встречаем в македонских и болгарских вышивках, дающих такое близкое сходство, которое не могло возникнуть случайно, а безусловно указывает на древние исторические связи. (См. цветное фото на стр. 113).

Технически характерная для многих народов Поволжья вышивка выполняется путем обрисовки контура узоров черной шерстяной ниткой по счету нитей ткани. Черный контур заполняется косым стежком полуглади, а по наружному краю остается в виде легких, ритмически повторяющихся усиков. Эта техника очень распространена также на вышивках болгарских и македонских (см. рис. 95).

Мы не можем не обратить внимания еще на один любопытный факт связи болгарской вышитой орнаментики с чувашской. В альбомах болгарской вышивки распространен мотив отдельных повторяющихся медальонов цвета под склоненной в овале веткой. Нам казался этот мотив специфически болгарским, но в коллекции ГМЭ № 5504-234, любезно указанной нам М. А. Браун, купленной у И. К. Зеленова в 1907 г. и собранной им у чуваш Казанской губернии, есть вышитый подол ношенной рубашки с таким же мотивом. Как попала эта вышивка к чувашам и является ли она единичным случайным фактом, сказать трудно. Но, во всяком случае, на этот факт следует обратить внимание и заняться исследованием существования такой вышивки у чуваш (см. рис. 93 и 94).

В литературе до сих пор не было опубликованных работ по чувашской вышивке. В 1960 году выйдут в свет альбомы Г. А. Никитина и Т. А. Крюковой («Чувашское народное изобразительное искусство») и М. С. Спиридонова («Чувашский орнамент»). Эти издания позволяют наглядно увидеть разительное сходство ряда чувашских узоров с узорами македонских и болгарских вышивок, опубликованных в альбомах²⁹ и в ценной детально разработанной монографии Ив. Коева, специально посвященной вышивке. Книга эта делает первую в болгарской литературе попытку увязать мотивы вышивок с хо-

²⁹ Ст. Л. Костов, Български народни шевици, ч. I, София, 1929 (II изд.).

Ст. Л. Костов, Е. Петева, Български народни шевици, ч. II. Юго-западна България и Македоние. София, 1928.

зяйственными и социальными отношениями. Увлекаясь указанной важной задачей, автор недостаточно, быть может, учитывает сохранность в вышивке древних традиций, но сама попытка увязать и объяснить переосмысление мотивов узора из деятельности творцов и их социального окружения, несомненно представляет интерес³⁰. При этом, однако, нужно учитывать, что помимо непосредственных впечатлений узор хранит старые традиции в течение многих столетий. Чем можно, кроме исторической традиции, объяснить такое совпадение в орнаменте, которое мы наблюдаем в чувашской и болгарской вышивке? Помимо общего стиля орнамента и его окантовки, даже самый узор склоненных веток, столь характерный для подола болгарских рубах, зарегистрирован в чувашских коллекциях ГМЭ, собранных в 1907 году собирателем Зеленовым (см. рис. 93 и 94). Это заставляет предполагать большую устойчивость орнаментальных мотивов, их несомненную историческую связь и большую древность.

И в. К о е в. Българската възбена орнаментика. Принос към историята на народния орнамент. «Трудове на етнографския институт» Българска Академия на науките, кн. 1, София, 1951.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Геолог, исследуя процессы, происходящие в земной коре, останавливается на отдельных обнажениях. В них, рассматривая расположение пластов, видит сдвиги глубинных пород, сбросы и смещения; по этим выступающим на поверхность обнажениям он делает заключения о происходивших процессах. Палеонтолог по сохранившейся челюсти или нескольким костям восстанавливает внешний вид вымерших животных. Мы еще не умеем, с точностью естествознания, по сохранившимся остаткам восстанавливать процессы, происходившие в человеческой культуре, но такова задача и этнографии. Наша наука только недавно овладела умением точного описания и переходит к обобщениям из точно описанных фактов. У нас еще не всегда достаточно материалов. Но по отдельным разделам культуры уже назрела необходимость подытожить имеющееся и постараться сделать из него хотя бы предварительные выводы. Они могут стать окончательными лишь при подтверждении в других разделах культуры данного общества.

Процессы, происходящие в человеческом обществе, много сложнее биологических; диалектика их развития станет понятной лишь при создании предварительных схем того, как в вещах отражается строй общественной среды. В задачу настоящей работы и входило рассмотрение того, как социальные процессы нашли отражение в женской одежде народов Поволжья.

В рассмотренных материалах устанавливается, что в развитии одежды народов Поволжья заметно единство процесса.

Последний этап развития ясен и легко объясним: развитие капиталистических отношений в XIX веке вызвало сходные хозяйственные условия и более тесное общение живущих по соседству народностей. В одежде это нашло отражение в процессе нивелировки национальных особенностей. Среди всех народностей Поволжья, у одних глубже, у других поверхностнее, выступает этот нивелированный слой. Он включает в себе: 1) все большее употребление покупных тканей, причем аппликации и воланы из ярких тканей

заменяют вышивку; 2) уменьшение количества и ухудшение качества вышивки; употребление покупных, анилиновых красителей, вместо растительных; 3) нивелировка покроя верхней одежды, все более широко распространяется одежда с отрезной спинкой и борами по талии; 4) наступает замена белой вышитой холщовой рубашки пестрядиной рубашкой, широкой в подоле, благодаря волану; 5) постепенно отмирают высокие и сложные головные уборы, заменяясь платками.

Мы легко можем отслоить этот верхний пласт общности в одежде у народов Поволжья и объяснить его происхождение. Но это еще не даст нам материал для разрешения вопроса о формировании современных народностей и их связей; для этого следует идти глубже.

В монографиях по отдельным народам Поволжья отмечались общие черты их культуры, связанные с глубокой древностью. В. Н. Белицер в монографии по удмуртской одежде привела археологический материал, восходящий до ананьинской культуры, и сравнительный этнографический материал по одежде других народов¹. Н. И. Воробьев, указывая на сложность этногенеза татар, отмечал две струи в их культуре: оседло-земледельческую, связанную с культурой древних аборигенов края, и скотоводческо-кочевую, степную, которая все время проникала с востока.

Эти два компонента в культуре народов Поволжья, как и факт многослойности их культуры, можно считать общепризнанными в научной литературе.

Поэтому в данной работе не требуется приводить дополнительных доказательств. Можно считать общепризнанным и то, что в основу основ культурных образований Поволжья включались в какой-то степени скифо-сарматские элементы, которые проникали и в культуру финских лесных племен, и в степные, в основном тюркоязычные социальные единства. Все это много раз упоминалось в историко-этнографической литературе.

И. Д. Кузнецов, высказываясь о происхождении чувашского народа, писал: «Следует отметить и то, что проблема этногенеза может быть успешно разрешена, разработана только коллективными усилиями историков, лингвистов, археологов и др. и при условии, если мы формирование народности будем изучать не только **перспективно**, т. е. идя от бесписьменных памятников, но и **ретроспективно** — идя назад от письменных памятников к временам бесписьменным»². Под

¹ В. Н. Белицер. Народная одежда удмуртов, заключение.

² И. Д. Кузнецов. К вопросу о происхождении чувашской народности. В сб. статей «О происхождении чувашского народа». Чебоксары, 1957, стр. 121.

бесписьменными памятниками здесь понимаются памятники археологические; статья полемизирует с приемом строить историю народа, подменяя ее начало историей археологических памятников данной территории. Упрек этот совершенно справедлив по отношению ко многим работам о народах Поволжья, начинающимся с археологического материала, в котором авторы стараются установить связь его с современными насельниками края, но пробелы между археологией и историческими данными они оставляют незаполненными и не приводят достаточно убедительных доказательств о принадлежности археологических памятников этой, а не другой народности. Нам кажется правильным выдвигаемый И. Д. Кузнецовым прием ретроспективного анализа, но для этого мало опираться на письменные источники. В сохранении их есть и доля случайности и преднамеренности господствующей общественной группы. Запись может превратно осветить события, в чем бывает трудно разобраться, но то, во что одевался, в каком жилище жил и во что верил народ, не может быть случайностью, оно покажет действительную сущность прошлого народов. Выводы этнографии объясняют исторические судьбы и формирование народа неопровержимее и объективнее письменных источников. На наш взгляд, этнографические материалы по одежде смогут осветить эпоху, лежащую глубже консолидации современных народностей. Общность в элементах их одежды укажет на ход исторического процесса в Поволжье, о котором мы не встречаем исторических письменных памятников. Нам ясно отражение в одежде последнего исторического этапа, попробуем проникнуть глубже.

Исследователи, давая описание татарской и башкирской одежды со второй половины XIX в., сообщали о женских рубашках-платьях из цветной материи, как об исконной национальной одежде. Но в XVIII в. И. Г. Георги писал, что татарки ходили в белых вышитых рубашках³; В. М. Черемшанский писал о холщовых рубашках у башкирок⁴; в начале XIX в. Марджани сообщал, что татарки около Симбирска носили белые холщовые рубашки, отороченные по продольным швам полосой кумача.⁵ Проф. Н. И. Воробьев, приводя эти сведения из арабского сочинения Марджани, считает их случайными и относящимися к местным явлениям заимствования от соседей. Но для ссылки на заимствования надо объяснить и при-

³ И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799, ч. 1, стр. 12.

⁴ В. М. Черемшанский. Описание Оренбургской губернии.

⁵ Марджани. Мостафад-эль-ахбар. На арабском языке. Т. I, Казань. 1885; т. II, 1900. См. в кн. Н. И. Воробьев. Казанские татары, стр. 243.

чину, почему оно имело место. Что вызвало заимствование? Мы наблюдали в ряде повторяющихся случаев, что пестрядинная, цветная рубашка сменяет белую, и нигде не встречались с обратным процессом. Поэтому вероятнее предположить, что и в данных районах белая вышитая рубашка была более древним сохранившимся слоем, еще не поглощенным цветной, уже бытовавшей в Казани. Проф. Н. И. Воробьев указывает в своей монографии сложность этногенеза татар: степные влияния, с его точки зрения, наслаивались на основу, идущую от прямых предков татар — волжских болгар.

Конечно, эти влияния интенсивнее всего сказывались на верхушке казанских татар, вовлеченных в широкую торговлю со всем мусульманским миром. Торгово-феодалная верхушка создала свою традицию женской одежды, очень широкой, сшитой из дорогих покупных тканей. У этой вовлеченной в широкое общение верхушки быстрее шел процесс отражения в одежде новых взаимоотношений. В отдаленных и глухих углах дольше хранились черты старины. Не следует ли к этой старине отнести и бытование белой вышитой и окаймленной красным по продольным швам рубашки? У татарок в старину были и высокие женские головные уборы из монет, вышедшие в Казани из употребления раньше, чем в более отдаленных районах. Таким образом, у татар в древности существовали, но затем исчезли те элементы одежды, которые сохранились у других народов Поволжья, где пестрядинная рубашка только в последнее столетие начала сменять белую.

Мы проследили у чуваш, как пестрядинная рубашка сменяет белую вышитую, надвигаясь от окраинных к более замкнутым от внешнего мира районам, заселенным срединными чувашами (анат енчи).

У татар на столетие раньше шел тот же процесс: белая вышитая рубашка, сохраняясь по глухим углам, была вытеснена пестрядинной, подражавшей рубашке из покупных тканей, которую носили городские татарки. Татарский деревенский кульмэк по покрою сохранял больше связи с древней рубашкой других народностей Поволжья, чем с городским платьем. У башкир и казахов, как показывает старинная рубашка из коллекций ГМЭ, тоже в старину бытовала белая вышитая рубашка.

Таким образом, у чуваш анат енчи сохранилась наиболее древняя форма туникообразной рубашки 2-го типа.

Мы проследили на материале мордвы, мари и удмуртов, как эта рубашка 2-го типа, в свою очередь, вытесняла приемом кроя рубашку 1-го туникообразного типа (с двумя полотнищами), на большую

древность которого у этих народностей указывает расположение вышивок, связанное с первым типом. Чем объясняется вытеснение первого типа вторым? У чуваш не находим во всем костюмном комплексе никаких признаков хотя бы рудимента рубашки 1-го типа. Отсутствие рубашки 1-го типа мы прослеживали и в наиболее старом комплексе бесермянской одежды.

В. Н. Белицер правильно указала на сходство элементов старой бесермянской одежды с чувашской. Оно прослеживается не только в покрое и орнаментике вышивки на рубашке, но и в головных уборах.

Близость эта слишком велика, чтобы могла случайно возникнуть, — она указывает на старые связи. К какому историческому времени они могут быть отнесены?

Письменные источники XVI и XVII вв. уже упоминают бесермян в числе других народностей, живущих по Вятке и Чепце, реке, достаточно далекой от основной массы чуваш, что едва ли можно говорить о взаимодействии или влиянии. И чуваш, и бесермяне в эти столетия не были ни экономически, ни политически достаточно сильны, чтобы влиять друг на друга. И те и другие были земледельцы с примитивными и устойчивыми формами хозяйства, замкнутыми в своей среде. Долгие столетия живя среди удмуртов небольшими поселениями, бесермяне заимствовали их язык и во многом быт. Но антропологически они отличаются от удмуртов, а в языке их сохранились тюркские элементы: их терминология родства по отцовской линии близка к чувашской⁶.

Многие исследователи высказывали мнение, что бесермяне — пришельцы на Чепце-реке. И. Н. Смирнов считал их потомками болгар, имевших торговые фактории на Вятке⁷. И. С. Михеев высказал предположение, что бесермяне — крещенные татары.⁸ Но если допустить, что это татары, то возникает вопрос, в какую эпоху они поселились на Чепце-реке? Вероятнее всего, что это были колонии, основанные с торговыми целями в период наиболее интенсивного торгового могущества Казанского или Булгарского ханства: болгарские древности находят в захоронениях на Чепце-реке, следовательно, их колонии здесь уже существовали. Влияние болгарской культуры продолжалось и в период Казанского ханства, как доказывает проф. Н. И. Воробьев. Таким образом, в отдаленных колониях, отор-

⁶ Наши полевые записи, сделанные в 1936 г. у бесермян, к сожалению, погибли во время блокады Ленинграда

⁷ И. Н. Смирнов. Бесермяне Вятской губернии. «Труды VIII Археологического съезда в Москве», т. III, М., 1897, стр. 314.

⁸ И. С. Михеев. Несколько слов о бесермянах. ИОАИЭ, т. XVII, вып. I, Казань, 1901, стр. 54.

ванных от своей метрополии дальнейшим ходом исторических событий, можно предполагать сохранение, хотя бы в качестве рудиментов, того, что было характерным для эпохи связи с метрополией, т. е. для болгарского периода. Признание существования болгарской колонизации по р. Чепце позволяет объяснить сходство в чувашской и бесермянской одежде, иначе необъяснимое: и та и другая сохранили древний слой, относящийся к эпохе расцвета болгарской культуры и болгарского влияния в Поволжье. Разумеется, в течение столетий одежда не оставалась неизменной, она менялась, отражая жизнь и мировоззрение носителей, но основная традиция покроя, расположение вышивок, окаймление швов красной полоской, характер головных уборов сохраняли основной стиль. Он сохранился у бесермян, затерявшихся мелкими поселениями в инородной удмуртской среде, как и у чуваш, живших сплошной массой, потому что и те и другие хранили замкнутость полунатурального хозяйства и связанные с ним древние традиции.

За то, что этот стиль рубашки создан в эпоху владычества над Волгой Великой Болгарии, говорит большое сходство чувашских и бесермянских узоров, техники их вышивки и покроя рубашки с рубашками и вышивками в некоторых районах Македонии и Болгарии. На Балканах, как уже упоминалось (см. выше, стр. 70 и след.), существует два приема кроя рубашек: 1) с рукавами, непосредственно составляющими сборки вокруг шеи, соединяясь в шейном вырезе с отрезанными полотнищами, образующими спину и перед; 2) 2-й туникообразный покрой рубашки. Между ними есть ряд переходных типов от 2-го туникообразного покроя к покрою со сборчатым воротом и наплечными рукавами. Рубашка со сборчатым воротом имеет аналогию у западных и восточных (не везде) славян. Туникообразная рубашка 2-го типа имеет аналогию на Кавказе, в Казахстане и Туркестане. Прием ее кроя встречается у всех тюркских народов (но распространен и шире).

В Средней Азии рубашка этого типа не носится с поясом; на Балканах, как и в Поволжье, рубашка обязательно подпоясывается, что необходимо при земледельческих работах.

Рубашка дунайских болгар, как и старинная чувашская рубашка, имеет: 1) обязательное подчеркивание продольных швов полосой красной ткани; 2) прилегающий к шее вырез и прямой грудной разрез; 3) носится с прикрывающим этот разрез нагрудником.

Все указанное позволяет предположить, что возникла эта рубашка в полосе развитого земледельческого хозяйства, сохранявшего еще кочевые традиции и связь со степным, кочевым миром, т. е. ту форму хозяйства, которая существовала в Булгарском государстве. С развитием земледелия общетюркской рубашке стал необходим

пояс. Ношение его легко усваивалось от соседних финских племен, вместе с рядом поясных украшений. Они развивались в двух направлениях: 1) в виде привешанных к поясу кусков вышитой ткани, 2) в виде привешиваемой к поясу шерстяной бахромы с вплетенными в нее раковинами-ужовками, металлическими подвесками и бисером.

В украшениях дунайских болгар мы находим на поясе те же элементы: вышитые куски ткани, шерстяная длинная бахрома, вплетенные бисера и раковин.

Также обще им употребление монет в качестве украшений. Его, пожалуй, нельзя было бы рассматривать как общую культурную традицию: оно распространено очень широко и может возникнуть самостоятельно на определенном хозяйственном этапе: когда появляется денежное обращение, люди начинают украшать себя монетами, демонстрируя богатство. Но самая форма украшений из монет в виде нагрудников с монетами, нашитыми на материю, и употребление монет на головных уборах заставляет предполагать общую культурную традицию. Она могла создаться тогда, когда Волга была широкой торговой дорогой, а на берегах ее процветало могучее и обширное государство Великого Булгара. Оно создало такой большой толчок в культурном объединении племен, что следы его, как круги, расходящиеся по воде, растянулись на столетия и сохранились в разных фазах в национальной одежде различных народностей. Чуваши лучше всего сохранили стиль этой одежды; казанские татары, видимо, имевшие многие ее элементы, утратили их, так как в их культуре наслоилось слишком много позднейших влияний. К угрофинским народам Поволжья элементы болгарской одежды проникали не одновременно и не одинаково у разных племенных групп. Многие в их одежде и в головных уборах, вероятно, относятся к эпохе более древней, чем расцвет Булгарского государства. На это довольно ясно указывают высокие твердые головные уборы. Мы уже обращали внимание на их сходство с высокими головными уборами скифо-сарматской богини (см. выше стр. 187 и след.). Они создались там, где был культ великой богини-матери, намного раньше, чем развилось могущество Булгарского государства. Нам неизвестно, передались ли они в комплекс болгарской одежды или оставались там, где сохранялись следы культа великой богини, вряд ли входившей в пантеон Булгарского государства, так как зарождение ее культа относится к родовому, доклассовому обществу.

Археология в глубокой древности юго-восточной Европы встречается с высоким и твердым женским головным убором двух типов — конусообразным и цилиндрическим. Оба эти типа сохранились у народов Поволжья до XX века, но пути их развития еще неясны...

В головном уборе мордовской невесты мы встречаем поразительное сходство с головным убором, зарисованным путешественником XVII в. у дунайских болгар. Тюрник марийских женщин чрезвычайно схож с македонским сокаем, а головное полотенце чуваш совпадает по орнаменту с болгарским убрусом. Головные покрывала бытуют самостоятельно, но они же образовали, в сочетании с твердым остовом, головной убор сороку, распространенную у русских, мордвы, мари, карел и ижор. Головной убор этот — более позднего этапа общественного развития, так как развился из требования закрыть и спрятать волосы замужней женщины-чужеродки, требования, которое могло появиться не ранее развития патриархального рода.

В одежде и орнаменте у народов Поволжья мы отметили черты устойчивого единства, указывающие на глубокий и мощный фактор, вызвавший их развитие. Он не нашел отражения в письменных источниках, но оставил след в культуре народов. Таким фактором могло быть, вероятнее всего, Булгарское государство на Волге.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Часть первая	
I. Типы женской рубашки.	7
Мордовская рубашка	12
Марийская рубашка	19
Удмуртская рубашка	25
Чувашская рубашка	30
Рубашки казанских татар и мишарей	56
Башкирская рубашка	61
Туркменская рубашка	63
II. Нагрудные украшения	76
Застежка-сюльгам	77
Нагрудники	84
Шейные украшения	91
Перевязь через плечо	99
III. Поясные украшения и поясная одежда	102
Собственно украшения	—
Передники	116
Штаны	121
IV. Верхняя одежда	126
Часть вторая. Женские и девичьи головные уборы	
I. Магия волос	130
II. Девичьи головные уборы	151
Венцы-повязки	—
Девичьи шапочки	152
Колпак	159
III. Женские головные уборы — покрывала	163
IV. Твердые и полутвердые женские головные уборы	180
V. Орнаментика одежды народов Поволжья	206
З а к л ю ч е н и е	220

Гаген-Торн Нина Ивановна

ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ

(Материал к этногенезу)

ЧУВАШГОСИЗДАТ — 1960

Оформление *В. Ф. Солодовникова*

Редактор *П. В. Денисов*.
Худож. редактор *В. Ф. Солодовников*.

Технич. редактор *Г. П. Петров*.
Корректоры *Ю. Т. Миронова, В. И. Павлова*.

НТ 00845. Сдано в набор 7. XII. 1959 г. Подписано к печати 21. VIII. 1960 г. Формат 70×92 1/16.
Объем в печатных листах 16,67 + 0,37 л. вкл. Заказ № 169. Изд. № 0180. Тираж 1000 экз.
Цена 12 р. 35 коп., с л.и. 1961 г. цена 1 р. 24 коп.

Типография № 1 Министерства культуры Чувашской АССР
Гор. Чебоксары, Володарского, 5.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
9	подпись под чертежом	Рубашка мордвы- эрзи	«Руця» мордвы-эрзи
9	10 сверху	(См. чертеж № 1).	(См. рис. 1).
17	10 »	закономерности	закономерности
28	21 »	собиратель	собиратель.
60	4 »	расширяющимся	расширяющимися
69	16 »	у рубашки	и рубашки
105			
цветная вклейка	левая половина фото	Чувашское старинное головное полотен- це...	Македонский «убрус».
»	правая половина фото	Македонский «убрус».	Чувашское старинное головное полотен- це...
121	4 снизу	носия	носия
131	подпись под рисунком	Рис. 60. Болгарский «мент».	Рис. 60. Гуцульский сердак из черного домашнего сукна
»	»	Рис. 61. Гуцульский сердак из черного домашнего сукна	Рис. 61. Болгарский «мент».
133	15 снизу	носившейся	носившегося
145	13 сверху	наблюдается	наблюдаются
153	8 снизу	(см. рис. 65, стр. 159).	(см. рис. 65, стр. 154).

Н. Гаген-Торн. Женская одежда народов Поволжья.